

Эми Хэссинджер

ГРЕХОВНАЯ СТРАСТЬ

ГРЕХОВНАЯ СТРАСТЬ

Эми Хэссинджер

Любовь — грешную и запретную, Страсть —
проклятую и обреченную — суждено было
испытать молодому священнику Беранже
в маленьком приходе во Франции. Юная и
прекрасная прихожанка Мари стала
искушением, потеснившим все запреты.

Опьяненные любовью, рожденной
в полутемных подвалах старинного
замка, они вместе ищут
спрятанные там столетия назад
несметные сокровища... и даже
не подозревают, какую цену им
придется заплатить
за совершенный грех.

ISBN 978-5-486-01656-1

9 785486 016561

ГРЕХОВНАЯ СТРАСТЬ

THE PRIEST'S MADONNA

A. Hassinger

ГРЕХОВНАЯ СТРАСТЬ

Э. Хэссинджер

МИР КНИГИ

ББК 84(4)
X99

Amy Hassinger
THE PRIEST'S MADONNA

All rights reserved including the right of reproduction in whole or part in any form. This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons, a member of Penguin Group (USA) Inc.

Все права сохранены, включая право на воспроизведение как полностью, так и частично в любой форме. Данное издание опубликовано по соглашению с G.P. Putnam's Sons, управляющей компанией Penguin Group (USA) Inc.

Хэссинджер, Эми

X99 Греховная страсть / Пер. с англ. А.В. Желановой. — М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007. — 256 с.

В одной из провинций Франции, в древнем замке, девушка и священник местного прихода находят тайные ходы, где в глубоких подвалах, рядом с захоронениями первых владельцев, лежат несметные сокровища, спрятанные там несколько столетий назад. Напряженные поиски сближают молодых людей, и священник, нарушая обет безбрачия, вступает с девушкой в любовную связь. Но совершенный грех мучает его, доводя до трагедии любовь и саму жизнь.

ББК 84(4)

ISBN 978-5-486-01656-1

© 2006 by Amy Hassinger
All rights reserved
© Желанова А.В., перевод, 2006
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание
на русском языке, 2007

Пролог

Беранже и я впервые встретились в Сен-Бом накануне празднования Святой Марии Магдалины, 21 июля 1877 года. Ему было 25, а мне — 9. Мы были всего лишь двумя из многочисленных паломников, прибывших из всех уголков страны: Бургундии, Лимузена, Бретани, а некоторые даже из Парижа. Моя мама, будучи очень религиозной, предприняла довольно опасное путешествие для ее тогдашнего состояния — она была беременна — вместе со мной и моим младшим братом.

На поезде мы доехали до побережья, где была паромная переправа в Марсель. Паром был переполнен, найти свободные места стоило огромного труда, так как прибыли мы поздно. Кого я там только не увидела: старых фермеров с румяными, обветренными лицами; джентльменов в возрасте моего отца, красиво и строго одетых; маленьких детей с перепачканными лицами; девочек чуть постарше с прелестными косичками и в чистых платьицах; группку курящих молодых людей. Но главное мое впечатление — это большое количество женщин, приблизительно

возраста моей матери, таких разных и по выражению лиц, и по манере одеваться. Некоторые были в модных шляпках, шالях, ботиночках с отворотом, другие были одеты в деревянные сабо, простенькие платья, а на головах платки. И вся эта столь разноликая масса людей была в движении. Из-за перемещения они казались мне переменчивыми потоками воздуха.

Хотя путешествие поездом было для меня интересным и необыкновенно волнующим, но усталость от невыносимой жары да к тому же утомительное соседство — мы сидели рядом с неприятной женщиной и с двумя ее такими же неприятными сыновьями, которые развлекались тем, что постоянно задевали моего пятилетнего брата Клода, — измотали меня настолько, что когда мы наконец-то сели на паром и я почувствовала освежающий ветер Средиземного моря, то была невероятно счастлива. Мама позволила нам гулять по нашей палубе. Но мы, конечно же, отправились исследовать и две другие. Нам так понравилось на верхней, что мы решили там остаться — стояли и заворуженно смотрели, как бурлит море позади нашего судна. Чайки пролетали над головой, жалобно крича, и мы кормили их, кидая кусочки хлеба.

Тогда я и заметила Беранже. Молодой и щеголеватый, в аккуратном черном костюме с воротником, он беседовал с моей матерью, которая нашла нас с братом на верхней палубе. Тогда я почему-то подумала, что он как-то странно проводит время.

Прибыли мы в Марсель вечером, уже начало темнеть. Перед тем как отправиться в горы, мама отвела нас в кафе, перекусить бутербродами с сыром. Мы сидели, ели и болтали. К тому времени когда мы вышли, уже стемнело и стало заметно холоднее. Хорошо, что нам удалось немного отдохнуть и подкрепиться, так как предстоял крутой подъем.

Когда мы поднялись по тропе к маленькой пещере, она уже была полна народа. Мы встали сзади. Несмотря на то что людей было много, теплее не стало, а ночные холод и сырость пронизывали насквозь. Я подошла к камню, на котором сидел Клод, примостилась рядом, а он положил голову мне на колени. Мы ждали начала службы. Перебирая его волосы, я наблюдала, как темнеет небо и появляются звезды.

— Что ты видишь? — вскоре спросила я маму, стоящую сзади толпы.

— Пока еще ничего, слишком темно.

Должно быть, я задремала. Следующее, что я помню, — это как моя мама тронула меня за плечо и взволнованным голосом позвала. Я открыла глаза и увидела дрожащий свет свечей, отражающийся на стенах пещеры. Клод не спал, он стоял, прижавшись к ногам матери. Я вскочила. Пытаясь разглядеть хоть что-то, тянула шею, но ничего не видела. Шепотом я спросила у матери, что там происходит, но она прижала палец к губам, призывая меня замолчать.

Вдруг молодой человек, стоящий прямо передо мной, обернулся, и я увидела, что это был тот самый парень, который разговаривал с моей матерью на пароме.

— Хочешь посмотреть? — спросил он.

Смушаясь, я кивнула.

К моему изумлению, он присел на корточки передо мной, наклонил голову и сказал:

— Забирайся мне на шею.

Я взглянула на мать, чтобы получить одобрение, но она была поглощена службой. Молодой человек широко мне улыбался, видимо, забавляясь моим удивлением от его приглашения забраться к нему на спину.

— Ты проделала весь этот путь! Тебе нельзя пропустить такое!

Взглянув еще раз на мать, я решила сделать так, как он предложил. Я приподняла юбку, схватилась за его плечи и рывком забралась на шею, обхватив ногами его спину. В тот момент, когда он начал подниматься, крепко держа меня за колени, моя мама обернулась, задетая неосторожным движением. Я никогда еще не видела ее такой испуганной.

— Мари! — произнесла она громко, обращая на себя внимание стоящих рядом. Я почувствовала, как жар охватывает мое лицо, сделала движение, чтобы спрыгнуть. Но молодой человек обратился к моей матери по имени, продолжая крепко держать меня за колени:

— Это я настоял на том, чтобы ваша дочь поступила таким образом, мадам. Было бы весьма глупо и даже стыдно проделать весь этот путь и не увидеть саму Магдалину.

К моему удивлению, выражение лица матери смягчилось и она согласилась.

Со своего нового места я увидела довольно хорошо освещенную пещеру, колеблющееся пламя множества свечей создавало причудливые тени. Свечи располагались в небольших нишах каменных стен. Странным было то, что их свет достигал даже самых отдаленных уголков пещеры. А священник был окружен светом ярким как день, и, когда в молитве он поднял руку, она показалась мне выточенной из куска мрамора. Пламя свечей освещало лица собравшихся, многие были мне знакомы, так как мы вместе ехали на пароме. В дневном свете они были абсолютно мирскими, ничем не примечательными, а тут создавалось впечатление, что они все словно бы светятся.

Когда священник слегка нагнулся, я заметила позади него золотую фигуру женщины в небольшом паланкине. Это была Мария Магдалина, женщина, которую

Христос любил так нежно, что после воскрешения, представ перед ней, призвал ее сообщить новость своим ученикам. Я знала ее как кающуюся грешницу, прощенную блудницу, посвятившую себя вере. Я прочла в книге «Жизнь и деяния святых», что она приплыла в Париж из Палестины, что, по одному из преданий, язычники посадили ее в бочку, бросили в море, желая утопить за то, что она проповедовала учение Христа в Галилее, и провела свои последние тридцать лет в этой пещере, молясь Богу о своем Учителе, которого так любила. И вот я здесь, в жилище святой отшельницы, и мне казалось, что она смотрит на нас долгим и пристальным взглядом... Переполненная впечатлением от всего увиденного, я совершенно непроизвольно так сильно сжала ноги, что молодой человек схватился за шею.

Когда наступило время причастия, он опустил меня на землю, чтобы встать в очередь желающих причаститься. После этого я не видела дальнейшей службы, как не видела и его самого. Но я не была разочарована — то, что я увидела, было достаточным, чтобы разжечь во мне нечто, что я еще не могла осознать, а только чувствовала. Когда служба закончилась и мы со всеми паломниками отправились в обратный путь, я отчетливо ощущала — произошедшее с нами в пещере четко разделило время и пространство, в котором мы пребывали сейчас и в котором пребывали раньше.

Каким простым, но искренним и глубоким чувством веры наполнила меня та ночная служба. Я никогда не забуду этих детских впечатлений, пронесенных мною сквозь годы. Удивительные и радостные чувства. Но те светлые моменты, врезавшиеся в мою память, вскоре затмились тенью обыденной жизни. Смогу ли я когда-нибудь вернуться к тем чистым, ясным чувствам веры, к тому простому поклонению?

И так каждый человек, взрослея, погружается в свои бесчисленные влюбленности, боли и невзгоды, переживания и размышления, забывает о чистоте помыслов, незамутненности чувств ребенка.

Даже моля о прощении Бога, я понимаю, что люблю его слишком мелко, слишком эгоистично. Что я знаю о Боге? Мое понимание было столь девственным, как неспелые ягоды, невыдержанное вино. Столько времени я провела, читая, спрашивая, обдумывая, выясняя, чтобы понять хоть что-нибудь о Боге, о бессмертии души. Несмотря на свою духовную слепоту и жестокосердие, я просила его ежедневно. Я просила его простить и дать мне успокоение. Я раскаялась. Я вернула Беранже все его подарки, сделанные им много лет назад: платья от парижских портных, нити розового жемчуга, золотые браслеты, усыпанные бриллиантами, дорогие кружевные перчатки, застегивающиеся на локте. Я сожгла все бумаги, что он оставил мне, позволяющие распоряжаться счетами в банках разных городов от Парижа до Будапешта; я не провела ни одной ночи на вилле Бетиния, вилле, которую он построил для меня. Долгие годы после его смерти я не была на мессе: с тех пор, как я была там впервые. Но я соблюдала все обеты и посты, и не только из привычки — они давали мне душевный покой. Я произносила свои молитвы ежедневно и часто просила о своей мелкой душонке. Каждое утро я вставала на колени перед домашним алтарем и скромно выражала свою преданность. Я просила Божьего прощения.

Бог! Этот всемогущий Бог! Бог Беранже и, конечно же, мой тоже, хотя, наверное, я слишком злоупотребила его вниманием. Бог требует слишком многого от нас. Мы должны отвергать наше существо, становиться только шепотом, дыханием самих себя. Мы должны наполнить свое сердце лишь скромнос-

тью, покорностью, смирением, целомудрием, терпением, прилежностью, щедростью и любовью. Но это слишком много для простого человека. Мы должны, как сказал пророк, быть справедливыми, любить доброту и покорность. Но стоит сделать только одну ошибку, одну оплошность на пути — и уже ничто не удержит вас от падения.

Глава I

В те времена мы жили в Эсперазе, маленьком городке на берегу реки Од. У нас была уютная квартирка над шляпной мастерской моего отца, наполненной всевозможным мехом, кожей, войлоком, шерстью и разнообразными шляпными формами. Хотя мы не были богаты, но отец хорошо зарабатывал и был доволен своим ремеслом. У него работало пятеро мужчин, и он относился к ним как к членам семьи. Они обедали с нами и спали в нашем доме на том этаже, где находилась мастерская. Отец хорошо с ними обращался, а временами даже пел, когда они работали. Он часенько говорил, что если бы мог прожить жизнь еще раз, то непременно стал певцом в каком-нибудь кабаре. Чаше всего он напевал: «Дайте мне сцену, дайте мне Париж!» Мама всякий раз закатывала глаза, когда он начинал петь низким баритоном известную песенку. А когда он пел, у него смешно подергивались усы.

Наша квартирка была скромная, но удобная. Одна спальня, кухня и столовая. Когда погода была ненастная и река выходила из берегов, Клод, я и наша молочная сестра Мишель болтались по дому. Мы приходили

в мастерскую и слушали разные истории, которые рассказывали рабочие, глядя, как они ловко делают шляпы. Так я узнала о женщине, жившей с медведями в горах и о дочери ветра, спасенной от колдовских чар. Чуть повзрослев, я узнала, что мой отец посещает католическую церковь и его жизненные принципы весьма строги. Он не был разговорчив, но любил поспорить и частенько затевал спор с рабочими, убежденными роялистами, произнося свои речи республиканца. И многие из рабочих, услышав его высказывания, разгневанно выскакивали из мастерской. Но обычно уже на следующий день, успокоившись, они возвращались.

Я должна пояснить, что Мишель была моим настоящим другом и сестрой с десяти лет. Она появилась в нашем доме после смерти моего новорожденного брата Кристофа. Это произошло спустя несколько месяцев после нашего паломничества. Его смерть очень повлияла на мою мать. Она могла часами сидеть отрешенно, с бессмысленным взглядом, не обращая внимания ни на меня, ни на моего брата. Она даже перестала нас бранить, когда мы громко кричали или бегали. Отец испугался. Чтобы как-то ее отвлечь, он стал приносить всякие сладости, кексы, пироги, которые присылала сестра одного из его рабочих по имени Ливре. Мы с Клодом были довольны, а мама писала ей благодарные письма. Я полагаю, что месье Ливре попросил сестру делать это.

А случилось вот что: у Ливре был кузен, месье Барон, у которого только что умерла от туберкулеза жена. Месье Барон был так убит горем, что отказался покинуть свою кузницу и дни и ночи напролет проводил там, постоянно куя что-нибудь. Его лицо почернело от сажи. Он перестал заниматься дочерью, просто не обращал на нее никакого внимания. А ведь ей так нужна была его забота, ей на-

до было что-то есть, ходить в школу, общаться со сверстниками, а не сидеть одной, голодной, в пустой комнате. Как-то вечером за ужином папа рассказал нам об этой девочке, и я страшно рассердилась на него за то, что он это сделал в присутствии матери. От этого ее состояние только ухудшилось. Но на следующий день, когда я увидела Мишель, шедшую с потертым чемоданом и связкой сухой лаванды, я вдруг поняла, чего хотел добиться мой отец тем своим рассказом.

Отец подумал, что появление в семье еще одного ребенка, бедной Мишель, забота о ней смогут как-то отвлечь мою мать от ее печальных мыслей. Возможно, что ситуация сложилась подобным образом благодаря только месье Ливре, умелому дельцу. Совершив эту сделку, он попытался помочь сразу двум несчастным. Как было на самом деле, не знаю, только отец решил принять Мишель в нашу семью, даже не посоветовавшись с матерью. Она была так рассержена — плакала и кричала, что не хочет ничего делать для чужих детей, особенно для уже почти взрослой девочки. Все, чего она хотела, — это ребенка. Ее ребенка. Она хотела вернуть Кристофа. Мать недоумевала, почему отец не понимает разницы между умершим сыном и приемной дочерью. Но слово моего отца было словом моего отца, и данное обещание месье Ливре не могло быть нарушено. Вопрос был решен. Увидев ее, я сразу же прониклась к ней жалостью, моя же мать лишь взглянула на нее. У Мишель были черные как смоль волосы, заплетенные в косу, и маленькие глаза с добрым взглядом. Должно быть, она понимала, как горевала моя мать по Кристофу, и старалась ничем ей не досаждать и даже не обращалась к ней ни с какими просьбами. Вела себя удивительно тактично. Однако мама наблюдала за Мишель и вскоре поняла, как

быстро мы все приняли ее. Прошло не так много времени, а она стала полноценным членом нашей семьи. Нас охватывал ужас от мысли, что настанет ужасный день, когда ее отец сообщит, что хочет вернуть Мишель назад. Но судьба распорядилась по-своему — спустя несколько месяцев месье Барон умер, и Мишель осталась у нас.

* * *

В 1884 году, когда Мишель и мне исполнилось по шестнадцать, мой отец нанял на работу бродягу. Он пришел голодный и босой из крошечной горной деревеньки, расположенной близ испанской границы. Говорил он с сильным испанским акцентом, но мой отец все равно нанял его. Бродяге очень нужна была работа, а отцу нужен был еще работник. Мама накормила его и в первую ночь позволила спать перед камином. Уже на следующее утро отец начал учить его валять войлок из шерсти. Я не знаю, какое у него было настоящее имя, сам же он называл себя Бандитом. Жил он вместе с остальными рабочими на этаже, где была мастерская.

Однажды вечером у отца был особенно жаркий и затянувшийся спор с одним из рабочих о лживости и лицемерии Церкви. Поэтому легли поздно и уснули сразу. Видимо, спали крепко, так как не почувствовали, что наша спальня наполнилась дымом. Закашлявшись, я проснулась первой и босиком побежала к окну, обжигая ноги об пол. Отец вбежал в комнату, разбудил всех, затем выпрыгнул в окно, приказав нам последовать его примеру. Он стоял внизу и ловил нас по очереди, Клода, Мишель и меня. Затем в окне появилась мать. Она рыдала, а в руках держала какое-то белье.

— Изабель, прыгай! — кричал отец.

Кто-то, заметив дым, начал звонить в колокол. Вокруг бегали рабочие, соседи — все старались потушить пожар. Но наш дом и мастерская были разрушены. А Бандит исчез.

Мы работали не покладая рук, разбирая завалы, в надежде найти хоть что-то уцелевшее. Стены мастерской выстояли, хоть и сильно обгорели, но столы и станки изрядно пострадали.

— Э-э, да тут прошелся сам дьявол! — услышала я высказывание пожилой женщины. Многие так подумали, что дьявол прошелся по нашему дому, оставив свой след.

После случившегося мы переехали в ближайшую деревеньку на холмах Ренн-ле-Шато. Мой отец купил ничем не приметный домик по довольно низкой цене.

— Потрясающий вид на горы, — повторял он нам. — Древнейший замок у дороги!

Но уж слишком была низкая цена за дом, чтобы быть правдой, постоянно твердила моя мать. Ведь дом ничем не отличался от других в этой бедной и запущенной деревне. Вскоре начавшийся и непрекращающийся ветер немного приоткрыл тайну цены: он постоянно свистел в щелях старых известковых стен. От холода мы стучали зубами. Ветер был настолько сильный, что мама не позволяла нам гулять у обрыва, на землях граничащих с церковью, она боялась, что ветер просто унесет нас вниз.

Поговаривали, что этот ветер — дыхание призраков. Если это правда, то Ренн-ле-Шато была деревушкой, полной привидений, паривших всегда и везде. Казалось, что эти же духи-ветра разнесли известие не только о нашем прибытии, но о случившемся с нами. Все, кого бы мы ни встретили в деревне, знали про нас все: откуда мы приехали, что мы потеряли... Но ни симпатии, ни сопереживания в их лицах не было. Пока мы взбирались на холм в сопровождении

мула, который тащил то небольшое, что уцелело при пожаре: занавески, белье, некоторые фамильные блюда, несколько книг, страницы которых местами зияли дырами и чернотой, — никто даже не поприветствовал нас, а только провожали настороженными взглядами. Казалось, что наше появление в Ренн-ле-Шато им не по душе. И хотя мои родители это никогда при нас не обсуждали, наше ощущение вскоре оправдалось.

Отец сказал, что нашел временную работу на новой шляпной фабрике в Эсперазе. И это был определенный шаг для него, ведь до случившегося с нами он считал продукцию этой фабрики весьма некачественной и по моделям, и по выделке кож. Шляпы же его собственной мастерской всегда пользовались спросом, и у него было много заказов. Теперь же он был вынужден наняться туда простым рабочим, чтобы выполнять самую грязную работу, не требующую каких-либо знаний и умений. В те редкие часы, когда мы его видели, он всегда был удрученным и усталым и больше уже не пел своих песен. Одна дорога из Ренн-ле-Шато в Эсперазу занимала туда и обратно целый час. И вот однажды отец и Клод — ему тогда уже было тринадцать — ушли на рассвете, а вернулись лишь глубокой ночью, оставив мать, Мишель и меня одних в этой недружелюбной деревне.

Утром мы с матерью пошли за водой к колодезному насосу, который находился на дальней стороне деревни, на площади. Около него стояли несколько женщин. Они встретили нас абсолютным молчанием, хотя моя мать поприветствовала каждую из них. В ответ они удостоили нас только кивком, да и то не все. Мать дернула стальное колесо, которое включало колодезный насос, мы набрали воды и потихоньку пошли назад. Я сосредоточилась на том, чтобы не пролить воду. По мере того как мы удалялись, голоса женщин

становились все громче, а когда мы достигли вершины холма, они уже раздраженно кричали, бесстыдно обсуждая нас.

Но не все были так нетерпимы. Как-то бакалейщик пригласил меня, когда я остановилась напротив его лавки. Даже сам мэр приезжал к нам на обед — познакомиться. Мадам Готье, жена мясника, принесла нам кусок ягненка, но она очень быстро ушла и разговаривала шепотом, хотя дверь и была закрыта.

Как я ждала нашего первого воскресенья! Я представляла себе, что все жители деревни, объединенные одним светлым чувством и желанием помолиться, придут на службу. Мы все вместе помолимся и после этого обязательно подружимся и станем настоящими добрыми соседями.

Мама, Клод, Мишель и я прошли совсем небольшое расстояние от холма до церкви в то первое воскресенье. (Отец сопровождал нас только на Рождество, так в свое время решила мама.) Мне уже доводилось видеть разные церкви, поэтому сразу же заметила, какая она старая и что ее купол здорово накренился. И несмотря на старания ее сохранить — время брало свое: между кирпичами местами прорастал мох, и голуби гнездились на прохудившейся крыше. Внутри церковь не ремонтировалась, наверное, очень давно: стены были такие ветхие, что, казалось, они вот-вот упадут. Несколько окон выбило ураганным ветром много лет назад, и сквозь них свистел ветер, смело гуляя по своду церкви. Основной алтарь был не чем иным, как каменной плитой, которую поддерживали два каменных столба. На плите был сооружен своеобразный деревянный шатер. Второй алтарь стоял у северной стены, а рядом статуя Святой Девы, выражающая скорбь и страдание, внизу было написано: «Мария, безгрешное создание Господа нашего, молится о тех, кто просит помощи». А в нише напротив

главного алтаря стояла позолоченная фигура Христа, сияющая в голубом ореоле.

Церковь была очень мала, и разместиться в ней могли не более семидесяти человек. Большинство прихожан были женщины и дети. Как и у колодезного насоса, как только мы вошли, все обернулось и разговоры разом прекратились. Самая первая лавка была пуста, и я подумала, что это было своего рода проверкой — осмелимся ли мы на нее сесть. Моя мать мудро выбрала последнюю лавку, но, прежде чем мы туда проскользнули, мы встали на колени, склонив головы. Я кожей почувствовала, что даже наша манера молиться, столь привычная для нас в нашей церкви в Эсперазе, была принята с большим осуждением, потому что здесь, в Ренн-ле-Шато, так не молились. Я почувствовала себя проглотившей камень.

Когда я увидела священника, то мне показалось, что он такой же старый, как и сама церковь. Он весь дрожал, а руки его тряслись так, будто вот-вот отвалятся. Его проповедь была невозможно длинной, и говорил он так медленно, что к тому моменту, когда он доходил до конца фразы, я забывала, с чего он начинал. Присутствующие — кто спал, кто тихо переговаривался с соседом. Священник этого не замечал. Он продолжал, как будто нас там вообще не было, как будто месса была его личным разговором с Богом.

Прошло чуть больше года, когда он умер. Погребальную службу отслужил приехавший священник, но она была такая же унылая, как и сам усопший. Вскоре до деревни дошли обнадеживающие слухи о назначении в наш приход молодого священника. Говорили, что он из Клата и прослужил там три года. Этой новостью очень заинтересовалась моя мать. Она, должно быть, знала о местонахождении Беранже и предполагала, что это он.

День, когда он приехал, был теплым и светлым. Я подметала дворик перед домом, подняла голову и увидела его идущим по тропинке. Подол его сукна был белым от пыли, а рукава внизу потемнели от пота. Он нес невероятно пыльный маленький желтый чемодан. Из полуоткрытых ставень стали появляться головы наших соседей, он всем приветливо улыбался, но в ответ получал лишь редкие кивки. Мне это напомнило наше появление в деревне.

Когда он достиг нашего дома, его лицо еще больше просветлело, и он, здороваясь, назвал меня по имени, чем очень удивил. Я не узнала его — ведь прошло восемь лет с тех пор, как я увидела его впервые на пароме. В голове у меня промелькнуло: как хорошо, что у нас в деревне наконец-то появился кто-то более дружелюбный, чем наши мрачные соседи. Я склонила голову и поздоровалась. Он остановился, поставил чемодан на землю и сел на него, затем опустил руки на колени, расправляя плечи, чтобы отдохнула спина от дальней дороги.

— Ты меня не помнишь? — спросил он, улыбаясь.

Ну конечно же я помнила его. Я просто хотела сбить его с толку. У него было такое же плутоватое выражение лица, когда он предложил мне взобраться к нему на шею.

— Да, я вас помню. Мы встречались в Сен-Бом.

— Ага-а! Вы так сильно изменились, теперь вы — молодая мадемуазель.

В этот момент в дверях появилась моя мать.

— О, это вы! — воскликнула она, подбежав к Беранже, пожала ему руку и поцеловала в обе щеки. Затем радостно сказала: — Я слышала, вы были в Клате? Какое совпадение!

— Удача! — ответил он.

— Как ваша дорогая мамочка?

Они обменялись любезностями. Беранже спросил об отце, Клоде и о том, что послужило причиной нашего переезда. Мать рассказала о случившемся.

— Мама говорила мне о пожаре, — сказал он, покачивая головой. — Такая потеря...

— Ничем нельзя было помочь, — проговорила моя мать, заканчивая эту неприятную тему. Из-за дома появилась Мишель (ее руки были в земле, она работала в саду) и присела в реверансе, пока мать представляла ее.

— Я была бы рада познакомить вас с католическим священником, — сказала она, — хотя, боюсь, вы будете разочарованы, ведь он со своей сестрой живет в Ренн-ле-Бен.

Затем она попросила нас с Мишель накрыть стол к обеду, а сама отправилась с Беранже.

Мы приготовили «Эстофинадо», блюдо из сушеной трески, картофеля, яиц, орехов, масла и молока, и салат из помидоров, и все это время взволнованно обсуждали Беранже. Тот факт, что мать знакома с его семьей, давал нам некое чувство превосходства. И хотя мы не проговорили это вслух, но обе испытали притягательную силу его внешности: властный взгляд из-под черных бровей, густые черные волосы, озорная улыбка и атлетическое телосложение, которое не могла скрыть даже его сутана. Когда мать вернулась с Беранже, Мишель стала подавать обед — она неспешными движениями положила треску, картофель в его тарелку, добавила соус и затем налила вина.

Пока мы ели, мать продолжала расспрашивать о его семье. Он охотно рассказал о том, что его отец участвовал в выборах и стал мэром Монтазеля и одновременно управляющим старинного замка. Его брат Дэвид был иезуитом и держал школу в Нарбонне.

У него были еще братья и сестры, но они уже обзавелись своими семьями. Когда мать снова спросила о его матери, он тяжело вздохнул и сказал только, что она была «такой, как всегда». Мама кивнула сочувственно и сменила тему.

— Я надеюсь, вы остановитесь у нас? — сказала она. — До тех пор, пока вам не выделяют жилье.

Беранже поднял глаза и посмотрел на меня, чем заставил меня покраснеть.

— Очень мило с вашей стороны, — ответил он, — но я бы не хотел вас стеснять.

— Глупости, — сказала моя мать, таким образом выразив свой протест его попытке возразить.

Итак, Беранже остался у нас. Он спал у камина, расположившись так — ногами к огню, а голова почти под столом. Он весь буквально пропах едой: чесноком, овечьей кровью, козьим сыром — пока отец не отыскал наконец ему какую-то кровать. Убогость нашего нынешнего существования смущала меня. Беранже же, казалось, не придавал этим неудобствам никакого значения. Он всегда был радостным, рано вставал и за полночь читал Священное Писание. Он ел вместе с нами на рассвете, а когда отец и Клод уходили на фабрику, он отправлялся в церковь на утреннюю мессу. После мессы он работал в крохотной конторке, где помещались только стол и стул. Когда он не был занят делами церкви, то или молился в одиночестве, или что-то мастерил, или ремонтировал. (Я знаю об этом только потому, что Мишель и я приобрели привычку оставаться в приходе сверх отведенного приличиями времени.) Моя мать, которая подрабатывала тем, что время от времени помогала по хозяйству некоторым соседям, получая за это скромное жалованье, с усердием бралась и за трудную работу по уборке церкви. Это, конечно же, удваивало ее работу, поэтому мы с Мишель старались больше делать по дому.

Вместе нам удавалось все сделать гораздо быстрее, и уже к полудню мы были свободны и могли приступить к занятиям. Мама свято верила, что если мы будем хорошо образованны, то у нас появится больше шансов удачно выйти замуж, найти знатного мужа. В Эсперазе у нас была собрана небольшая домашняя библиотека, и мы с удовольствием зачитывали друг другу вслух отрывки из Бальзака и Гюго. Мама настаивала, чтобы эти занятия были ежедневными. Но пожар уничтожил почти все книги, нам удалось спасти только несколько из них: «Историю Французской революции», письма Абеяра и Элоизы, один или два тома Бальзака. Вскоре нам наскучило перечитывать старые истории и романы, которые мы уже знали почти наизусть, и мы отправлялись гулять по грязному пастбищу и его окрестностям, иногда находили и возвращали в стадо отбившихся овец. Гуляя, мы видели далекие крыши Эсперазы и трубы новых фабрик, выпускающие дым. Мы называли их «индустриальными драконами». Мы жевали побеги дикого розмарина и тмина и просто семян, разговаривая о Беранже.

Мириам из Магдалы*

Мириам поднялась чуть свет из-за тревожного сна. В доме было тихо: сестры и родители по-прежнему спали. Она натянула плащ, спрятала под него кожаный кошелек, подпоясалась и на цыпочках вышла из дома, держа сандалии в руках. На улице она обулась

* Мириам (библ. Мария Магдалина) из Магдалы — жена-мироносица, исцеленная Христом от недуга (семи бесов), ставшая проповедницей. — *Здесь и далее прим. пер.*

и пошла к берегу, посмотреть, с каким уловом рыбаки вернулись с ночной рыбалки. Факелы, закрепленные на лодках, покачивались, освещая путь. Как только лодки подплыли к берегу, мужчины потушили факелы и стали разгружать свои сети, полные серебристого мушта*, некоторые из которых еще трепыхались.

Мириам недавно услышала историю об учителе, который путешествовал через Галил**, проповедуя и исцеляя многих. Огромные толпы людей собирались близ Кфар Нахума***, чтобы послушать его рассказ и воочию наблюдать свершившееся чудо. Прошла молва, что он и его последователи сейчас расположились прямо под стенами Магдалы и, бывало, целыми днями ходили вокруг города. Это и послужило причиной тому, что Мириам рано выскользнула из постели. Она намеревалась разыскать этого странствующего пророка.

— Это возрожденный народ Израиля, который сорок лет шел через пустыни Египта, — прошептала Мириам, наблюдая за рыбаками, которые опорожняли свои сети, чтобы высушить их на берегу.

Рыбаки начали разводить огонь в нескольких шагах от берега, недалеко от того места, где сидела Мириам. Они хорошо знали ее. Знали о том, что она вполне взрослая девушка, достигшая того возраста, когда уже может выйти замуж, что она часто так сидит в одиночестве, что она довольно странная,

* Мушт (или тилапия) — небольшая пресноводная рыбка, у которой верхний игольчатый плавник очень напоминает расческу.

** Галил (греч. *Галилея*, буквально — область) — историческая область в Северной Палестине. Согласно христианской традиции Галилея была основным районом религиозных проповедей Иисуса.

*** Кфар Нахум (в настоящее время Капернаум) — большое поселение, в котором поселился Иисус после изгнания его из Назарета и где он совершил большинство своих чудес. В соответствии с иудейской традицией поселение названо в честь пророка Нахума.

временами бормочущая что-то бессвязное и что еще ее называли дикаркой и одержимой семьё дьяволами.

С озера дул холодный ветер, от которого она замерзла. Но, хотя солнце еще не прогревало воздух, все мужчины были с голым торсом. Пот ручьями струился с их волос и стекал по шее на спину. Одни сидели на корточках у огня, очищая рыбешек поблескивающими клинками, другие уже ели поджаренного на углях мушта, выплевывая тонкие косточки.

Глава II

К тому времени когда к нам в деревню приехал Беранже, я уже немного ориентировалась в политических настроениях страны. Мой отец в общих чертах рассказывал мне, что республиканцы отстаивают права простых людей, в то время как монархисты устанавливают законы, способствующие укреплению богатых. Время текло, и с ним менялись убеждения и взгляды моего отца — он постепенно становился республиканцем, с радостью принимавшим все новое.

Я поняла, что Беранже был таким же страстно увлекающимся политикой, как и мой отец. Но он был монархистом. В то время уже разрешили разводы, сделали воскресенье законным выходным днем, появились документы, паспорта, декларации, образование вошло в норму и люди постепенно стали отдаляться от Церкви. Именно в этот период брат Беранже потерял свое место учителя, потому что был иезуитом, и Беранже сильно переживал из-за республиканской антирелигиозной воинственности.

Все эти изменения сильно будоражили и нашу семью, мама и папа постоянно спорили о правильности разрешения разводов. У мамы не было никаких политических взглядов в целом, но она поддерживала Церковь и все, что с ней было связано. Религия, в понимании моего отца, была цитаделью лжи, которая к тому же управляла жизнью людей. Обычно мои родители старались избегать споров на эту тему. Но разрешенные разводы чудовищно возмущали мою мать. В день, когда она об этом услышала, она разозлилась на отца за то, что он отдал за это свой голос. Она приняла это и на свой счет. Она рассудила так, что если партия, пришедшая к власти, разрешает разводы, то он должен будет всецело поддерживать их и в этом, раз он разделяет их взгляды. Следовательно, вполне может развестись с ней. Она просто не могла этого допустить. Она ему так и заявила:

— Не позволим мужчинам отделиться! — кричала она, стуча половником по супнице. Она это делала с такой яростью и до тех пор, пока сосед месье Пол не заглянул к нам в окно, узнать все ли в порядке. Представляете?

А появление в нашем доме Беранже накалило страсти еще больше. Отец обеспокоился тем, что под его собственной крышей живет представитель Церкви, да к тому же и монархист!

В первый же вечер, когда Беранже пришел в наш дом, отец завел с ним разговор, а пока мы ужинали, изучающим взглядом, наполненным недоверия, рассматривал Беранже. После того как мы помыли посуду, а они сели покурить, отец начал свою излюбленную тему.

— Подходят выборы. Через три месяца.

Мишель и я сидели у двери, стараясь использовать последние лучи уходящего солнца. Она вышивала глаз одной из своих кукол — у нее здорово получалось

делать кукол из кусочков материи, бусинок, деревяшек, конусов, сухих ягод и всего, что ей только удавалось найти. Я вязала, но положила спицы на колени, услышав, какой отец завел разговор.

— Да-да, — отвечал Беранже.

— Вы будете голосовать?

— Я всегда голосую.

— М-да-а-а, — протянул мой отец, потом нетерпеливо продолжил: — за кого?

Клод бил в стенку дома мячом на заднем дворе. Я крикнула ему, чтобы он перестал. Беранже заерзал в своем кресле.

— Я знаю вашу позицию, месье, — начал он, — и я уважаю ее, и тем не менее у меня другое мнение. Ведь «Республика» принесла Церкви многочисленный вред и убыток, к тому же и верующие на моей стороне. Я, по зову совести, не могу отдать свой голос за правительство. Как священник.

— Ха! А как на счет всего того вреда, который Церковь приносит правительству? Франции от этого не лучше.

— Может, и не лучше.

— Ваша позиция невыносима! Вы не хотите дальше спорить?

Беранже не ответил.

— Ваша Церковь! — продолжил мой отец угрожающим тоном.

— Моя тоже, Эдуард, — перебила его моя мать, — и твоих детей тоже, не забывай.

— Заткнись! — рявкнул отец. — Ваша Церковь, — начал он снова и вдруг запнулся. Конечно, его раздражало и большое количество политических мнений, и Церковь, столь бесстыдно торгующая ложью, хотя и без того имела и деньги и власть. Но он знал и то, как гордится моя мать тем, что Беранже остановился именно в нашем доме, и как мы с Мишель вос-

хищаемся всем, что он говорит и делает. Если бы он вступил с ним в долгие дебаты, вполне возможно, он и переспорил бы Беранже, но потерял бы наше уважение и почтение.

— И что мы все спорим? — вдруг спросил он после долгого молчания.

— Хороший спор помогает найти истину, принять решение, Эдуард. Хотя в данном случае каждый остался при своем, не так ли?

Отец прикурил еще одну сигарету.

— Так ли, так ли... — сказал он завершающе, — думаю, Изабель своими словами просто положила меня на обе лопатки.

Мать нервно рассмеялась. Мишель и я обменялись изумленными взглядами. Мы ожидали привычного долгого спора отца, возмущенных возгласов, но никто не продолжил разговора. Мишель снова занялась своей куклой, Клод стал играть в мяч. Мужчины молча курили до наступления темноты. Когда мы уже легли спать, Беранже все еще читал при свечах. Больше о политике они не говорили. До самых выборов.

* * *

В первую воскресную службу Беранже церковь была полна прихожан. Почти вся деревня пришла на мессу в то утро. Даже те, кто не посещал церковь последние тридцать лет, и те пришли. Давка была ужасная. Толпились и внутри церкви, и даже у входа. Пришел и мой отец. Женщины нарядились, сменив свои обычные простые платки на соломенные шляпки. Мужчины пришли в пиджаках и чистых белых рубашках. Умытые и выбритые мужчины, женщины в шляпках чинно восседали на скамьях и стояли в проходах этой крошечной церкви, заново убранной и приведенной в порядок. Увиденное мною — лица

прихожан, столь искренние, с выражением отчаянной надежды, — заставило меня устыдиться. Я старалась не встречаться взглядом ни с кем, глядя в пол, только слышала звуки переминающихся ног и покашливаний — все мы ждали начала мессы.

Наконец Беранже, в красивом облачении, прошел на свое место. Его щеки пылали от волнения, он улыбнулся всем своей сияющей улыбкой. Встав у алтаря, он посмотрел на меня, и на мгновение наши взгляды встретились. Я улыбнулась ему, не думая об осторожности. Он выглядел таким радостным, таким счастливым, таким довольным, серьезным, важным и, конечно же, красивым. Мама почему-то все время причитала, что мы, наверное, не оправдаем его надежд, что люди, пришедшие в церковь, явились сюда только из любопытства. Его проповедь была очень красива, а голос, усиленный сводами церкви, превратился в баритон, совсем как у моего отца, когда он о чем-то очень увлеченно говорил и волновался. С особым тщанием он причастил нас.

После этой проповеди он решил остаться в Реннле-Шато пастырем, обещая всем, что постарается хорошо выполнять свои обязанности — исповедовать, заботиться о нас в дни болезни, ведя нас тропами Божьими. И он сдержал свое слово: самоотверженно опекал нас, а мы со своей стороны следовали за ним верно, всей толпой.

После той службы люди словно ожили. Они весело разговаривали друг с другом. Даже мальчики Бауксов, совершенно одичавшие, вдруг начали играть с бродячей собакой.

Беранже ликовал. Он знал, что тронул души людей. Возможно, он даже поверил, что приехал в верующую деревню, где церковь еще удерживает влияние над сердцами прихожан, где слово Господне уважают и прислушиваются к нему.

Сразу же по приезде в нашу деревеньку он начал наносить пасторские визиты. Мать рассказывала ему, какие семьи нуждаются в слове Божьем и его помощи, — кто потерял мужей, кто работу, у кого только что родился ребенок, и он стучался в эти двери, не ожидая приглашения. После тридцатилетнего равнодушия предыдущего священника большинство людей были удивлены искренней заботой Беранже. Когда мадам Фёр, худая и робкая женщина с ноздрями, раздувающимися, как у лошади, родила младенца, Беранже, моя мать и я отправились ее навестить. Мы принесли с собой хлеб, яйца и соль, а вручая, проговорили традиционные в таком случае слова:

— Будь таким же хорошим, как хлеб, полным, как яйцо, и мудрым, как соль.

Несколько дней спустя, когда Беранже крестил малыша, он гордо представил его всем прихожанам под громкие аплодисменты. Когда старый месье Будо упал с крыши, пытаясь ее починить, и сломал бедро, Беранже сидел с ним все свое свободное время. Он рассказывал анекдоты и даже всякие скабрёзности, вселяя в месье Будо надежду и уверенность, что он еще совсем не стар. Беранже посетил даже Милли Мартинез, испанскую цыганку, которая жила в хижине, в лесу, в нескольких километрах от деревни. Она питалась белками и дикобразами, что попадались в ее капканы и силки. Вино же она делала из винограда, ворую его у соседей. Все говорили, что она не в своем уме, что она воровка и обманщица, но Беранже старательно переубеждал всех, что она часть Церкви, потому что тоже дитя Господа.

Народу очень нравились его визиты. Они прониклись невольным интересом к Беранже, потому что ничего подобного никогда не происходило при

прежнем священнике. Они приносили ему небольшие подарки: свежееиспеченный хлеб или дичь из леса. Один из мальчиков Бауксов принес ему змеиную шкуру, выделанную самым лучшим образом. Маленькая Маргарита Мосс, которая жила со своим отцом-пастухом в хижине рядом с Ле-Базу, подарила Беранже сушеные травы.

— Добавьте в свои сигареты, — сказала она своим тоненьким голоском, подавая ему пучок из трав.

Дети особенно любили его, ведь он играл с ними не как взрослый, а как равный, и в основном был предводителем и зачинщиком. Они обожали посещение его воскресной школы.

Беранже любил подарки, естественно, и внимание тоже, но из всего он удивительным образом извлекал пользу не для себя, а для церкви. Замечали, что мужчины, не переступавшие порог церкви последние несколько лет, стали посещать не только воскресные службы, но и заходить среди недели. Службы перестали быть скучными, и, хотя крыша все еще протекала и дождь лил прямо на алтарь, никто не мог пропустить службу, приходили все, потому что проповедь читал Беранже. Он проводил служение для каждого и для всех — и неважно, какого ты пола, какого возраста, впервые пришел в церковь или нет, замужняя женщина или нет. Женщины особенно любили службы Беранже — это и женщины возраста моей матери, и женщины молодые, желающие его внимания.

Однажды, перед вечерней службой, я вошла в церковь поменять святую воду и испугалась, услышав голоса трех женщин. Мадам Монтако, Баптис и Фёр сидели на скамьях, очевидно, ожидая своей очереди на исповедь. В настоящей очереди!!! На исповедь! Мной овладело странное беспокойство, я еле сдержалась, чтобы не прогнать их всех вон.

Моя мама, услышав мой рассказ, высказала неодобрение. А отец нашел это очень смешным и каждый вечер стал спрашивать Беранже:

— Сколько исповедей вы провели сегодня? Приходила ли снова мадам Баптис?

Мадам Баптис была домохозяйкой, любившей пофлиртовать. Ее муж потерял руку на шляпной мастерской и не мог больше работать. Все дни он проводил в таверне.

— В один прекрасный день она попросит исповедаться и вас, месье.

Беранже рассмеялся. Ему нравился мой отец и его независимый, свободолюбивый характер.

На самом деле отец довольно сильно ревновал мать к Беранже и тому количеству времени, которое он проводил с ней в течение дня. Обед, в котором он непременно участвовал, помощь матери в церкви до и после службы, несметное число мелкой домашней работы, которую она делала лично для него. А исповеди матери просто раздражали его. Он не мог переносить того, что мать остается с Беранже один на один да еще и добровольно посвящает его в свои сокровенные мысли, рассказывает о каких-то подробностях их жизни.

— О чем они постоянно разговаривают с вами? — спрашивал он Беранже время от времени.

— Эдуард, — бранила его моя мать, — он не может об этом рассказывать. Это же тайна.

Беранже, со своей стороны, казалось, не замечал непреодолимого любопытства моего отца и даже своеобразно поощрял его — ничего такого особенного он не говорил, но интриговал его некоторыми дразнящими подробностями.

— О-о, я слышу разного рода вещи, — говорил он, — вы будете удивлены, узнав, что некоторые наши женщины являются главой семьи всю свою жизнь.

Отец, всплеснув руками, заявил:

— Я тоже хочу быть священником.

— Боже упаси! — воскликнула моя мать.

Хотя мой отец и был ревнивым, он точно знал — Беранже совершенно не приемлет ложь в отношениях. И еще он знал, что Беранже и моя мать с большим уважением относились друг к другу. Она не любила дам, которые называли себя друзьями Беранже, а на самом деле таковыми не являлись. Она никогда и ничего не делала из того, что делали они, — не приносила ему пирогов, не рассказывала тихим голосом сплетни в его присутствии, но так, чтобы он все слышал. Эти женщины искали благословения Беранже, по крайней мере они так думали, а на самом деле желали одного — привлечь его внимание и называли это набожностью. Он был весьма терпелив с ними и бранил их только тогда, когда они становились слишком требовательными и назойливыми. Однажды он прогнал с исповеди мадам Баптис, которая пожелала исповедоваться каждый день.

— Вам нечего сказать мне, мадам, идите домой.

Моей матери очень не понравилось такое поведение мадам Баптис. Мать действительно заботилась о Беранже. Она чувствовала его настроение и, когда это было возможно, наслаждалась его обществом. Она уважала его время и никогда не докучала ему во время его занятий или молитв. Их дружба основывалась на взаимном внимании и заботе, на чувстве духовной близости. Наверное, они думали, что, если бы моя мать была лет на пятнадцать моложе и не была бы замужем за моим отцом, а Беранже не был бы священником, а был бы строителем или военным, они могли бы пожениться. Но эти мысли основывались только на неуловимых чувствах, выраженных в улыбках и в молчаливом согласии. Однако эти чувства не были тягостными или такими, что их следовало

бы стыдиться, или столь обременительными, что их пришлось бы скрывать только с большим трудом. Моя мать никогда не флиртowała с другими мужчинами, хотя со многими была искренне приветлива.

Я с большим уважением относилась к этим душевным качествам матери, более того, хотела сама обладать такими же. Я даже мечтала быть лучше, но Беранже волновал меня. Когда он обращался ко мне, я вдруг становилась неразговорчивой, тупо смотрела в пол, старательно изучая свои ноги. Когда он находился дома, я едва могла вымолвить слово. Мама не раз обращала внимание на мое молчание.

— Что с тобой происходит? Ты что, язык проглотила?

Но мне совершенно не хотелось разговаривать, а только смотреть на Беранже: как изящно он опирался на подоконник, глядя в окно, как разговаривал с моей матерью, когда она готовила, как забавно он играл с Клодом.

Беранже же пытался втянуть меня в разговор за обедом, спрашивая мое мнение, называя меня его маленьким эрудитом, его маленькой ученицей. Иногда он звал меня к себе и читал какую-нибудь книгу.

— Маринетта, — говорил он, — иди послушай о Христе, как он был любим в свое время.

Я стояла у него за спиной или сидела в кресле, стоящем рядом, и наблюдала за его лицом, пока он читал. Я думала о том, как красиво движутся его брови, как очки сползают на кончик носа, как он пытается поправить их. Он читал очень тихо, тем самым вынуждая приближаться к нему. Когда это происходило, я наслаждалась ощущением любви, одновременно злясь на его смешные прозвища, которые он неумоимо придумывал мне. Я не хотела быть его маленьким «чем-нибудь». Я хотела быть его наваждением, таким, каким он был для меня.

Какую бурю чувств я переживала, и сколь они были противоречивы! Я всегда хотела быть рядом с ним, вдыхать его аромат, смотреть, как он работает, замечать, как он сдерживает дыхание, когда концентрируется на чем-то. Я хотела наслаждаться им. Я была готова делать все, чтобы разжечь его интерес к себе, я тратила все свои силы, исполняя все его пожелания, только бы он был доволен мной. Я регулярно посещала службы, внимательно слушала то, что он проповедовал, я помогала ему на уроках в воскресной школе. Я относилась с добротой и вниманием к членам своей семьи, короче говоря, я вела себя преданно и самоотверженно, не заботясь о своих желаниях, живя только тем, что нужно другим. Так он влиял на меня. Я прилагала усилия, делая все это на столько хорошо, на сколько это было возможно. Но мое благочестие не было абсолютно правдивым. Я делала все это потому, что так хотел мой священник.

* * *

Однажды, примерно через месяц после того, как появился Беранже, я прогуливалась у церкви и услышала его голос, доносившийся из открытого окна. Я очень удивилась, так как он поехал навестить свою семью и его не должно было быть в церкви. Я и не подозревала о его возвращении.

— Она поступает так, потому что сама этого хочет, — с некоторым нажимом говорил он, — она сама провоцирует его.

— У него нет никакого повода реагировать подобным образом, — возражала моя мать.

— Конечно нет, но он как вулкан, а она дразнит его.

— Она ударилась? — спросила мать.

— Повредила плечо, и несколько синяков.

— Бедная женщина.

Беранже вздохнул.

Услышав приближающиеся шаги, я опрометью бросилась к холму. Там меня никто бы не заметил. Я была уверена, что они говорили о его матери и о страданиях, которые причинял ей его отец. Какую же боль носил в себе Беранже и сколько же в нем было терпения! Все это для меня было непостижимой загадкой, но с рассуждениями явилось и чувство, что он стал для меня еще привлекательнее. Придя домой, я рассказала Мишель о том, что услышала, и она, покачив головой, сказала таким тоном, будто бы давно и сама обо всем догадалась:

— Наверное, поэтому он так мало спит, у него, вероятно, плохие сны.

Все свое свободное время я тратила на то, чтобы как можно больше разузнать о Беранже. Я надеялась выяснить, куда он уходит на прогулку, где он пропадает часами, о чем он думал, когда учился в семинарии, что он любил, когда был мальчиком, юношей. Но больше мне ничего не удалось узнать о его жизни. Как-то я околачивалась под его окнами, отвлеклась и не заметила, как Беранже подошел ко мне. Хотя он тепло поприветствовал меня, но смотрел очень подозрительно. Я же была невероятно раздосадована — мне было стыдно, что он застал меня за этим бессмысленным занятием, да и потом, я совершенно не хотела его огорчать или досаждать ему.

Недавно мы с Мишель обратили внимание на мадам Лапорт, жену мэра, которая жила в замке, и так была непохожа на остальных женщин. Стройная, с аристократическими манерами, она и одевалась иначе — носила блузы с высокой стойкой, украшенные брошью в виде бабочки. Обувь ее была всегда из хорошей, тонкой выделки, кожи. И несмотря

на то, что она держалась в стороне от других женщин, они уважали ее. И где бы они ее ни встретили, всегда почтительно приветствовали, мне казалось, что они принимали ее за свою.

Наверное, этому способствовало то, что ее муж был мэром. Он был дородным и весьма общительным человеком, который проводил вечера, беседуя с мужчинами. Он был известен еще и тем, что никогда и никому не отказывал в помощи, и с благодарностью принимал угощения — не лишал себя удовольствия пропустить пару бутылочек вина из винограда свежего урожая с тем, кому помог. Подобной пары я не встречала ни прежде, ни потом. Глядя на них, невозможно было понять, почему они вместе, настолько они не подходили друг другу. Они отличались не только внешне, но и манерой поведения. Мэр шел своим путем, зарабатывая симпатии горожан, мадам Лапорт же шла, если так можно выразиться, вразрез с общественным мнением. Мэр разговаривал громко, перемежая свою речь грубым хохотом и бурной жестикуляцией, мадам Лапорт разговаривала тихо и спокойно, иногда почти шепотом, и я никогда не видела, чтоб она улыбалась.

Однажды утром мне посчастливилось встать рано и приступить к своим обычным домашним делам. Я оделась и отправилась за водой. Вся деревня была окутана туманом, и он сопровождал меня на всем моем пути. Казалось, вся деревня еще спит, только в двух-трех окнах я заметила пробивающийся сквозь ставни свет. Я ощущала невероятный прилив бодрости, вдыхая утренний сырой воздух, я наслаждалась, что иду ранним утром одна. Дойдя до колодезного насоса, я не увидела никого: площадь была пуста, только каменная стена рядом, да и все. Вдруг на стене показалась чья-то тень, очень похожая на фигуру человека. Я присмотрелась: действительно, сквозь

туман можно было разглядеть спину, голову, пока-
тые плечи, тонкие руки, распущенные волосы.
Вскоре я поняла, что это мадам Лапорт, но почему-
то в ночной рубашке. Я подумала, что, должно быть,
ей не спалось и она вышла пройтись, не переодева-
ясь, не рассчитывая кого-то встретить в столь ран-
ний час. Я отступила в туман, боясь, что она меня за-
метит, но она уже увидела меня. Она повернулась ко
мне, глаза ее ничего не выражали, мы холодно по-
приветствовали друг друга, и раньше, чем я придумала,
что сказать, она удалилась в туман, в сторону
своего замка.

Мишель приписала это событие ее странному ха-
рактеру. Что она делала так рано, одна и не одетая?
Молилась? Но мы никогда не видели ее в церкви, мы
даже думали, может, она протестантка или еврейка.
Сам мэр появлялся в церкви каждое воскресенье,
и хотя ни у кого не вызывало вопросов, почему его
никто не сопровождал, — этот случай показался нам
скандально странным. Мадам Лапорт была бездетна.
У нее была горничная и повар, что же она делала все
дни напролет?

— Я была бы вам благодарна, если бы вы помень-
ше времени тратили на обсуждение чужого несчас-
тья, — ответила нам мать на вопрос, почему у семьи
Лапорт нет детей. Слово «несчастья» только лишь ук-
репило наши подозрения и еще больше разожгло лю-
бопытство. Мадам Лапорт стала для нас трагической
фигурой. Как она могла жить, зная, что у нее нико-
гда не будет детей? Мишель начала рассуждать на эту
тему с сознанием дела, но я не нашла ничего умного
в ее словах и вскоре перевела разговор в другое рус-
ло, интересовавшее меня больше всего.

Мы подолгу оставались у замка, желая встретить
мадам Лапорт, когда она будет выходить из дома. Мы
даже придумали, как начать с ней разговор:

«Какой прекрасный замок. Не могли бы вы показать нам его?» Или «Мы знаем мадемуазель Лапорт в Эсперазе, вы ей случайно не родственница?»

Мы, конечно же, не знали никакой мадемуазель Лапорт, но все-таки придумали адрес и другие мелочи на случай, если она начнет расспрашивать. Однако мы были сильно разочарованы, так как единственными, кого нам удалось увидеть у замка, были ее кухарка и горничная. У нас не было ни повода, ни предлога, чтобы постучать в дверь замка. И вскоре наши надежды разузнать о ней хоть что-то померкли.

Интерес остался, но с хозяйки перешел на сам замок. Он был очень старым и весьма разрушенным. Часть крыши провалилась, стены поросли мхом и местами в них тоже были прорехи. В некоторых же местах замок был отремонтирован, в окнах стояли витражи. У южной стены был маленький ухоженный садик. Вокруг замка было много калиток, некоторые из них не были заперты. Иногда мы пробирались незамеченными в садик, чтобы поживиться ягодами или яблоками.

Мы слышали много легенд о тайных подземных лабиринтах и ходах, которые могли привести прямо к комнатам. Поговаривали, что один ход под землей ведет даже к дальнему холму. Эти ходы были прорыты давно, при постройке самого замка. Для чего это было сделано — никто не знал. Легенды об этих подземных тоннелях заинтриговали меня. Иногда мы с Мишель бродили по той части замка, которая была разрушена, пытаясь отыскать вход хоть в один из тех подземных тоннелей. Мы исследовали окрестности замка вдоль и поперек, стараясь хоть что-то найти.

Я не знаю, почему мы так удивились, когда в конце концов наткнулись на мадам Лапорт. Я понимала, что мы в своих поисках зашли слишком далеко, и, когда она застала нас, мы испугались, задрожав, как провинившиеся ученицы.

— Вы уже что-нибудь нашли? — спросила она вежливо. Она присела на полуразрушенную стену рядом с нами и сняла шляпу. Ее волосы были гладко зачесаны и забраны в тугой пучок, покрытый сеткой. — А у меня так и не получилось, — продолжила она, — хотя я неоднократно пыталась отыскать. Потом я стала думать, что это только легенды, — вздохнула она.

Для меня это было слишком. Я услышала свой голос.

— Какие легенды? — спросила я.

— Про подземные тоннели и переходы, в которых кроются клады и сокровища, спрятанные визигонтами и катарами. Разве не их вы тут ищете?

— Да, — согласилась я, — но мы ничего не слышали ни о сокровищах, ни о ком бы то ни было еще.

— Простите, что мы залезли сюда, — сказала Мишель. — Мы были не правы. Это больше никогда не повторится.

Она приняла извинения, и, когда бы мы в последствии с ней ни встречались, она не заговаривала о том случае ни разу и никому об этом не рассказала. В глазах Мишель это добавило ей положительных черт.

— Считайте, что все уже забыто, — ответила мадам, — хотя, может, тут что-то и было, но уже найдено кем-то до нас. Правда, в свое время я нашла тут пару старинных гравюр.

— Где? — не удержались мы.

Она сделала неопределенный жест:

— Не волнуйтесь о сокровищах, хотя, должна с вами согласиться, я и сама никогда не верила в подобные вещи.

— А кто были эти катары? — спросила я.

— Как, разве вы об этом ничего не знаете? Я думала все дети знают о катарах еще со школы.

Я удивленно потрясла головой.

— А про альбигойцев? Их ведь еще и так называли.

— А, про них мы слышали, так они были еретиками.

Мадам Лапорт заметила мою наивную простоту, но не подала виду.

— Ну да, тут не без Церкви. Они были очень богаты и должны были пожертвовать все Церкви. Но они не захотели и на свои богатства построили этот замок, а то, что у них осталось, они запрятали тут, под землей в глубоких ходах. — Когда она рассказывала это, взгляд ее был устремлен прямо перед собой, и казалось, она просто читает вслух. — Потом, когда они все умерли, те, кто был посвящен в эту тайну или знал о сокровищах, стали искать, тем самым разрушая замок. Но так ничего и не нашли.

Мишель вздрогнула. Она посмотрела на меня выразительным взглядом, стараясь показать, что нам уже пора уходить, но я сделала вид, что не заметила. А мадам Лапорт продолжала:

— Но, перед тем как покинуть замок, многое пожгли и сломали, скорее всего, от злости на то, что ничего не смогли тут найти. А потом эти люди ушли в горы, не очень далеко отсюда, всего день езды на лошади. Хотя некоторые утверждают, что Церковь все-таки добралась до сокровищ, но я не думаю, что это правда.

— А откуда вы все это знаете? — вырвалось у меня.

Она улыбнулась, но улыбка была отсутствующей и меланхоличной, она поднялась, отряхивая юбку от пыли.

— Пошли со мной, — сказала она.

Мишель ткнула меня в бок, и я обернулась:

— Нам надо идти, — прошептала она, но я закатила глаза, давая ей понять, что никуда не пойду. Наконец-то настал тот самый момент, которого мы так долго ждали, — нам довелось поговорить с этой загадочной мадам Лапорт. Я была просто зачарована и ее рассказом, и самой мадам Лапорт. Я не могла

сейчас все бросить и уйти. И надо отдать должное Мишель, она не оставила меня одну с этой странной женщиной.

Мадам шла впереди, мы за ней. Обойдя почти весь замок по периметру, мы вошли через открытую дверь на кухню. Она кивнула мадам Сью, кухарке, которая вылупила на нас свои глаза (она смотрела на нас так пристально, что хотелось провалиться под землю). Мы прошли через кухню, которая не особо-то отличалась от нашей, потом через столовую, которая была больше размером и лучше обставлена, чем наша, — огромный стол из красного дерева и три огромных, висевших над ним канделябра, четыре обеденных стула и сервант из такого же красного дерева. Я была удивлена таким убранством. Я ожидала увидеть окна, драпированные тяжелыми портьерами, дорогие ковры на полах, шкафы, уставленные разной серебряной утварью и вазами из дорогого стекла. Но комнаты, несмотря на высокие потолки, были тусклыми и темными, и, несмотря на то что была середина лета и стояла жаркая, сухая погода, воздух был спертым и затхлым. В комнате я заметила фигурку большой оловянной кошки, картину в дорогой раме, изображающую пару, держащуюся за руки, с надписью «Симона и Филипп Лапорт. 1869 г.»

Мадам Лапорт провела нас через холл в библиотеку. И о-о-о! Книги! Я никогда не видела такого количества книг. Книжные стеллажи простирались от пола до потолка, вдоль четырех стен, и все были заполнены доверху. Книги были такими красивыми, а их тисненные золотые корешки напоминали скопление сталагмитов в пещере. И тут находилась настоящая кошка — серая, не черная, как можно было бы ожидать от этого дома. Мадам Лапорт жестом пригласила нас сесть, а сама придвинула кресло к одному из стеллажей и пальцем стала водить по

корешкам, проговаривая название каждой. Наконец она остановилась на одной из них, достала ее и сказала:

— Ну, вот, кажется, это то, с чего надо начинать. Тут все подлинные документы по интересующим вас вопросам. И если хотите узнать больше, то вам следует начать именно с этой книги. История имеет сходство с людьми, которые опираются на чужое мнение, — сказала она сама себе.

Она поднялась с кресла, подошла к нам и протянула книгу. Мишель отступила назад, а я взяла ее.

— Приходите, когда прочитаете. Я подберу вам еще что-нибудь интересное.

— Благодарим вас, мадам, — сказала Мишель и присела в реверансе.

По пути домой Мишель возбужденно говорила о том, что нам не следует больше возвращаться в замок и что она не знает, что делать с этой книгой. Придя домой, я спрятала ее под бельевую корзину.

Ее было очень сложно читать. Она не была для нас интересна, к тому же написана была сложным языком, с множеством витиеватых фраз и старинных незнакомых слов. Я не могла на долгое время сосредоточить своего внимания на тексте. Это была историческая книга, состоявшая из выдержек из летописей тринадцатого века. В ней рассказывалось о тех людях, которых мадам Лапорт называла катарами. Я так толком и не могла понять, о чем же эта книга. Но продолжала читать.

Вскоре я убедилась, насколько была права, что сразу же спрятала книгу. Попадись она на глаза моей матери или священнику, они ни за что не позволили бы мне ее читать. Там были описаны такие вещи, от которых мурашки бежали по коже, и я стала склоняться к мнению Мишель, что мадам Лапорт ведьма.

Эта книга и мое решение прочитать ее во что бы то ни стало до конца лета вынуждали нас с Мишель ежедневно прогуливаться вместе. Я еще не замечала, что мы с Мишель постепенно стали жить разными жизнями. Раньше мы все делали вместе, мечтали обо всем вместе, думали, как поедem в Париж и еще о всяких глупостях, а теперь все изменилось, особенно я. Как-то раз я сказала матери:

— Мы могли бы подрабатывать горничными, многие девушки так поступают и имеют неплохие деньги. Мы могли бы покупать себе все то, что нам необходимо, или ходить в кабаре по вечерам.

— В кабаре, — засмеялась она, — здесь?

На следующий день мы заговорили о переезде в Эсперазу снова, всем вместе, и о том, как было бы здорово, чтоб мы с Мишель нашли там двух братьев и вышли бы за них замуж.

— Они будут непременно красивыми и богатыми, и мы снова будем жить вместе в таком же прекрасном доме, какой был у нас до этого, — планировала я.

— И родим детей одновременно.

— Мы будем жить счастливо и будем идти по жизни плечом к плечу.

Мишель обняла меня и пропела:

— Мы всегда будем вместе.

В то самое лето Жерар Вердые стал проявлять интерес к Мишель. Жерар был очень красив, высокий и мускулистый, темноволосый, розовощекий, часто улыбающийся. Он жил в деревне и работал в винограднике за городом. Каждый вечер он заходил к нам по пути с работы домой. Если, по счастью, мы находились на улице, он останавливался поболтать с нами, и, хотя он был не очень-то разговорчив, с ним всегда было интересно. Мишель улыбалась ему застенчивой, но радостной улыбкой.

Вскоре Мишель придумала ходить кормить кур и собирать яйца именно в то время, когда Жерар, возвращаясь домой, проходил мимо нашего двора. Эти ее «куропосещения» становились все длиннее и длиннее, и так было до тех пор, пока в один прекрасный день мама не заметила, что ее уж слишком долго нет, и не попросила меня пойти посмотреть, куда же она подевалась, так как уже пора накрывать на стол.

Мишель не было ни в курятнике, ни в саду. Я тихонько позвала ее, чтобы не привлекать внимания, но ответа не последовало. Куры накинулись на мои ноги и стали их клевать. Я поняла, что их так никто и не покормил, и яйца тоже не были собраны. Я быстро сложила их в подол юбки, оглядываясь в надежде увидеть Мишель и думая, что же мне сказать матери. Когда я повернулась и пошла к дому, то заметила, что дверь в подвал чуть приоткрыта. Я толкнула ее ногой и шепотом позвала Мишель. Нет ответа. Я рисковала, спускаясь вниз, так как на лестнице было темно.

Неожиданно я услышала какую-то животную возню и странное мужское бормотание. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела смущенную Мишель, ее руки, прикрывавшие обнаженную грудь, распущенные волосы... Из-за бака с картофелем выглядывал Жерар, я видела его голый торс. Я невольно всплеснула руками и поднесла их ко рту (в этот момент я выпустила подол из рук и разбила все яйца). Я взлетела вверх по ступенькам. Сердце стучало в висках, кровь прилила к лицу и, не раздумывая, я влетела в дом, хлопнув за собой дверь. Мама стояла посередине кухни, замерев от такого моего появления.

— Что случилось? — спросила она.

Я пристально на нее посмотрела, судорожно придумывая, что же сказать, и никак не могла придумать!

— ...Мишель... — начала было я. — ...Мишель...

— Что, Мари? С ней все в порядке? Что случилось?

Я почувствовала, что за моей спиной открылась дверь, и слегка пододвинулась, давая Мишель пройти. Ее волосы были причесаны, блузка застегнута и заправлена, выражения лица было обычным, глаза не бегали. Она посмотрела на меня, пытаясь предположить, успела ли я уже что-то сказать или нет, потом повернулась к матери и произнесла со всем смирением, на какое только была способна:

— Простите меня, мама, я так залюбовалась радугой, что даже пошла на холм, чтобы лучше ее рассмотреть. Я не справилась со своими обязанностями, я знаю. Простите меня, пожалуйста. — И она опустила голову, ожидая наказания. Я почувствовала облегчение.

— Ну а яйца-то где? — спросила мама.

Мишель быстро посмотрела на меня и сказала:

— Ой, я их разбила. Простите меня, пожалуйста.

Мама была очень недовольна. У нас не было яиц, чтобы положить их в суп.

— Что я скажу нашему священнику?

И за ужином она заставила Мишель извиняться за отсутствие яиц в супе.

Мишель и я никогда не разговаривали о той сцене в подвале. Более того, после того случая мы избегали друг друга. Вместе мы только шли спать, даже не перешептывались, лежа в постели, как привыкли за много лет, и никогда теперь не сидели на холме. Мы молча выполняли свои домашние дела и расходились сразу, как только заканчивали их. Но за это время я прочитала небывалое количество книг.

По прошествии какого-то времени я пришла, чтобы собрать яйца, и удивилась, увидев Мишель, стоящую рядом с подвалом и горько рыдающую.

— Что произошло? — спросила я.

— О, Мари, — сказала она и снова принялась плакать, как будто я напомнила ей о ее боли. Я постояла около нее какое-то время, ожидая, может, она расскажет мне что-то, ну, или, хотя бы перестанет рыдать, но она все продолжала и продолжала. Наконец я смогла разобрать несколько слов сквозь плач.

— Это так ужасно! — И новая волна рыданий нахлынула на нее.

— Ну намекни хотя бы, это из-за Жерара?

— Похоже на то, — сказала она.

— Вы поссорились?

— Не догадаешься, — опустив голову, простонала она.

— Он что, бросил тебя, да?

Она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Что? — спросила я. — Что смешного?

— Ты так этим озабочена, — сказала она.

— Ну ладно, я же не знаю, что сказать, тем более что ты не хочешь рассказать, в чем дело. — Я сделала шаг в сторону.

— Подожди, — очнулась наконец она.

— Мне надо собрать яйца.

— Я тебе скажу, ты только сядь.

Я села.

— Месье Марсель приходил сегодня поговорить с матерью. Ты его видела?

— Да, — сказала я.

— Знаешь, зачем он приходил?

— Нет, конечно. Мишель, почему ты все время заставляешь меня гадать?

— Он пришел просить моей руки. Он хочет жениться на мне.

Я так быстро встала, и у меня так закружилась голова, что я чуть не рухнула на траву.

— Жениться? Да вы едва ли знакомы!

— Несколько раз мы разговаривали. На рынке. Он очень добр.

— А сколько ему лет?

— Не так уж и много. Двадцать восемь.

Я никак не могла прийти в себя от услышанного... Еще совсем недавно мы мечтали выйти замуж за двух братьев, одновременно.

— И что сказала мама?

— Она сказала, что это хорошее предложение. Месье Марсель — юрист, он хорошо зарабатывает, ты же знаешь. Когда-нибудь он будет еще богаче.

— А как же Жерар? Разве ты не планировала выйти за него замуж?

— Нет, нет, что ты. Жерар бедный. И потом, кто хочет быть женой фермера? У него такая тяжелая работа. К тому же у него и без меня много девушек было.

— Но ты же не хочешь выходить за Марселя, не так ли?

— Ну... да... — заколебалась она. Он не единственный, кто хорошо зарабатывает. Например, доктор Кастанье. — Она снова рассмеялась. Я поняла, что она шутит, но все же с трудом представляла себе эту картину. Доктор Кастанье был намного старше, у него были такие длинные и неопрятные волосы. И в общении он был очень неприятен.

— Но дело не в этом. Он планирует переехать отсюда. Ему предложили хорошее место с большими деньгами в Эсперазе. Но как же я буду так далеко от вас? От Клода, от мамы, от папы? — Она опустила плечи и понурила голову.

Месье Марсель пришел тем же вечером поговорить с отцом. Дома были все, кроме Беранже. Мама готовила, Клод, как всегда, играл в мяч, а мы молча сидела на уличной лавке у двери, пока отец, смеясь, не позвал нас в дом.

— У вас такой вид, будто вы стоите в очередь на гильотину. Но у нас счастливый случай. Давайте же веселиться по этому поводу.

Когда мы вошли в комнату, то увидели сидевшего за обеденным столом месье Марселя. Выглядел он очень напряженно, пожалуй, так же как и мы. Волосы у него были взлохмачены, но выражение лица — мягким и добрым. Он попросил Мишель присесть, а сам встал позади ее стула. Движения его были настолько скованными и неуверенными, что мне захотелось подразнить его. И я обязательно сделала бы это, если бы не тот торжественный случай, ради которого он пришел. Я села на стул и стала ждать. Затем мой папа громко объявил, что месье Марсель пришел просить руки Мишель. После паузы отец сказал:

— Вы не очень-то хорошо знаете друг друга, и если кто-то из вас по какой-то причине не хочет этого брака — не таитесь, скажите об этом.

Марселю понравилось высказывание моего отца, и он кивнул в знак согласия, смешно поведя бровями.

— Мама и я лишний раз хотим удостовериться в том, что поступаем правильно, верно, мой поросенок? — Слово «поросенок» предназначалось для мамы, отец всегда, находясь в добром расположении духа, называл ее именно так. Он повернулся к Мишель и сказал: — Дорогая моя, решать тебе...

В этот момент я подумала, что Мишель сейчас снова ударится в слезы, так как она была вообще очень сентиментальна, но она повернулась к месье Марселю и громко и четко сказала:

— Я согласна.

Через несколько минут пришел Беранже, и Клод сразу же выпалил ему:

— Мишель выходит замуж!

Беранже обвел взглядом всех нас, сидевших за столом, улыбнулся, подошел к Марселю, пожал ему руку, поцеловал Мишель в обе щеки и сказал:

— Поздравляю! Отличная новость. Давайте же выпьем за их здоровье.

Мама достала вино, а папа разлил его по стаканам. Стоя, он произнес тост, и мы все поддержали его.

— За Мишель и Жозефа. Чтоб они жили долго и счастливо и у них было много детей.

— Папа! — смущенно одернула его Мишель. Мы все засмеялись, а Марсель даже немного покраснел.

— Мари будет следующая, — подразнил меня Клод.

— Да, моя дорогая. А кто придет за тобой?

Я отставила свой стакан с вином и посмотрела Беранже в глаза.

— Жерар, я полагаю. Он потерял одну мою сестру, но ведь осталась вторая. — вставил реплику Клод.

— Заткнись, — зашипела я.

— Оставь девочек в покое, Клод. Не так уж долго осталось, и тебе придется жениться.

— А я никогда не женюсь. Кому нужна жена? Она только ворчит и забирает все мужнины деньги.

— О нет, — вздохнула мать.

Пока происходил этот нелепый спор, я, не отводя взгляда, смотрела на Беранже. К моему удивлению, он смотрел на меня тоже.

С этого же момента Жерар перестал приходить. А Марсель, наоборот, каждый день аккуратно стучал в двери и проводил с Мишель все вечера напролет. Мы с матерью старались не мешать им. Уединиться в нашем доме было негде, поэтому все свои разговоры они вели на кухне. С одной стороны, мы не хотели им мешать, а с другой — нам самим было интересно, о чем же они говорят. Марсель в основном рассказывал Мишель о прекрасном будущем, которое ждало их в Эсперазе, о том, как он собирается зарабатывать и обеспечивать семью, а Мишель рассказывала о своих увлечениях, в том числе и о том, как

она любит делать кукол и как хорошо они у нее выходят. Тогда Марсель предложил ей по приезде открыть кукольную лавку в Эсперазе.

— Как только ты будешь готова к этому, дорогая.

Он вообще очень часто говорил ей: как ты пожелаешь, дорогая, как ты захочешь, как тебе понравится и т. д.

Семь дьяволов

Первый подносил ей кипящую похлебку, раздражаясь смехом прямо посередине вечерней молитвы, когда освещали хлеб и вино. Второй дьявол разливался по ее сердцу так, словно виноторговец наливал вино в свой бурдюк, постепенно заполняя его. Одержимость дьяволом, делающая ее похожей на младенца или детеныша животного, заставляла ее почувствовать, что внутри нее что-то сейчас разорвется, она испытывала настоящую боль, у нее кружилась голова, и она начинала безутешно рыдать. Третий вошел в нее, заставив стучать ногами и вращать головой. Припадок был такой сильный, что, размахивая руками, она перевернула столик торговца — амулеты из лазурита, украшенные стеклярусом, ножные браслеты, кованные золотые канделябры полетели прямо под ноги толпе. Четвертый выпрыгнул из ее рта, как язык обжигающего пламени, с грубыми словами, которые позорили ее мать и сестер. Он овладел ею, когда она бродила между рядами торговцев, предлагая пряности, финики, вино, масло, телячью и овечью шкуру. Она пыталась плотнее сжать губы, но не смогла сдерживать запретные слова и выложила все как на духу.

— Прокаженная! Прокаженная! Пусть Бог найдет на тебя гнойную чуму!

Жители деревни объявили ее безумной и запретили посещать торговую площадь.

После того как стемнело, пятый дьявол сел позади нее и, производя легкий шум, шепча ей на ухо непонятные слова, лишил ее сна. Шестой хватал ее за руки, когда она была одна, и гладил ее распущенные волосы, грудь и бедра, заставляя кровь приливать к лицу, а дыхание учащаться. А седьмой — седьмой был хуже всех, он всегда находился с ней. Он сжимал ее сердце, словно железными тисками, когда она находилась дома, и, что бы она ни делала: пряха, пекла хлеб, изучала Закон вместе с отцом, обедала, принимала ванну, — он неизменно нашептывал Тору* стих за стихом. Все это пугало ее. В любой момент дьявол мог проснуться и снова целиком овладеть всем ее существом, заставляя стечь в жилах кровь, а тело холодеть, заставляя откладывать все дела. В отчаяние она шептала молитвы, прося Господа заступиться за нее.

Это были семь причин, по которым Мириам в двенадцать лет была все еще не замужем и разыскивала целителя из Назарета. Только рассвело. Она брела одна-одинешенька вдоль берега, сторонясь дорог, где ее легко могли остановить солдаты Ирода. Чайки летали над озером, ныряя за рыбой. Ее сестры, вероятно, уже проснулись и побежали рассказывать матери, что кровать Мириам пуста. Она подумала, что, возможно, втайне мать обрадуется ее исчезновению. Она шла, время от времени останавливаясь и вытряхивая гальку из сандалий. Вскоре она преодолела небольшой подъем и прислонилась к кипарису, чтобы немного передохнуть. Перед ней протянулись поля пшеницы, она увидела нескольких крестьян, которые уже вышли в поле. Она наде-

* Тора (древнеевр.) — «учение», «закон», по-другому — Пятикнижие — первые пять книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие.

ялась, что целитель и его последователи разбили лагерь где-то здесь, близ Геннисаретского озера*. В этой части берег был равнинный, и на нем можно было бы разбить отличный лагерь. Но она не увидела его, хотя внимательно осмотрела все пространство перед собой.

Занимался жаркий день, она сняла платок, покрывавший ее голову и плечи, и положила на землю, давая возможность воздуху охладить лицо и шею. Она чувствовала, как внутри нее начинает шевелиться дьявол, Мириам не хотела, чтобы он снова проснулся. Она подумала, что если закроет глаза и попытается успокоиться, то он тоже снова задремлет. Она села в тени дерева и подогнула под себя ноги. Откинувшись назад, она закрыла глаза и попыталась заставить сон, который ускользнул от нее в прошлую ночь, вернуться. Но дьявола было не так-то просто обмануть. Вскоре он вытянулся во весь рост внутри Мириам и уже смотрел через ее глаза, заново создавая картину, которую она видела прошлой ночью, но делал ее более приятной для своих дьявольских глаз. Сейчас пшеничные колосья, качающиеся от легкого ветерка, казались ей тысячами копий, прокалывающих грудь земли. Теперь белые головы крестьян ныряли в пшенице и казались бледными внутренностями гигантского паука, приближающегося к ней на своих длинных похотливых ногах. Сейчас приютившее ее дерево превратилось в тело змия-искусителя, спокойного и готового схватить ее. Она поспешно покинула это место, а ее голову и руки сплошь покрыв мучной хрушак**.

* Геннисаретское озеро — в Библии связывается с множеством легенд из жизни Иисуса Христа.

** Мучной хрушак — жук семейства чернотелок, опасные вредители продуктов размола зерна (муки, крупы и т. п.).

— Таким образом, народ Израиля, — прошептала она, — выходите из Ремезе* и располагайтесь лагерем ближе к Суккоту**. И они выйдут во время Суккота и расположатся лагерем в Этеме, что на границе пустыни.

Прошло время. Она не помнила, что было потом, а только почувствовала, как свет коснулся ее спины. А когда она подняла голову, он был там, стоя на коленях около нее. Он был очень худой — его щеки ввалились, а рот казался слишком большим для его лица.

— Мириам, — мягко сказал он.

Она быстро вскочила на ноги и натянула платок на голову. Он не пошевелился, а только поднял на нее глаза, как ребенок на свою мать.

— Вот ты и здесь, — прошептал он так, как будто это он ее разыскивал.

* Небольшой город в Израиле.

** Суккот — один из трех праздников, которые израильтяне отмечали паломничеством в Иерусалим, к Храму. Празднование Суккот предусматривает проживание в сукках (шалашах), запрет на работу в первый и последний дни праздника, принесение жертв.

Глава III

Однажды, когда летняя жара уже спала, я застилала постели наверху, и вдруг услышала, как открылась входная дверь, Беранже вошел в дом и позвал мою мать:

— Изабе-ель!

Прежде чем ответить, я задержала дыхание:

— Она ушла к мяснику, святой отец. — И, чтобы задержать его, я быстро добавила: — Но она скоро вернется.

— Ох, Марионетта, — сказал он, смеясь, чем меня очень удивил, — я только что получил замечательнейшее известие от... — И в этот момент он перестал смеяться, — ты мне не поверишь.

— От кого? — с нетерпением в голосе спросила я.

— От одного влиятельного австрийского герцога. — Эти слова он произнес с заметным удовольствием. — Он пишет, что навел справки о нашей церкви.

— Зачем? — спросила я.

— Невероятно, но это так. Он хочет прислать нам деньги на реконструкцию нашего храма.

— Правда? — воскликнула я. — Вот удача!

— Да, Мари. Это подарок Господа. Хвала Всевышнему.

— Аминь! — завершила я.

В тот момент он был так близок ко мне. Душа его была открыта. Мне так хотелось, чтобы это мгновение продолжалось как можно дольше, а я бы смогла чувствовать себя частью его жизни, но он снова заговорил:

— Так, Мари. У тебя есть время? Мы должны написать ему ответ. Думаю, твоей рукой это будет более красиво, чем моей.

Мы дошли до церкви. Он усадил меня за стол и стал диктовать, а я аккуратно записывала. Когда он закончил, он спросил мое мнение:

— Что ты думаешь о написанном, Мари? Достаточно ли я привел аргументов? Возможно, следует что-нибудь добавить?

— Нет, святой отец, все очень хорошо, только надо переписать поаккуратнее.

Беранже кивнул:

— Послушай, Мари. Я бы хотел, чтобы ты никому не рассказывала об этих письмах.

— Конечно, святой отец, — ответила я, но мне стало интересно, почему такую радостную и безобидную новость надо держать в секрете.

Он склонил голову:

— Спасибо тебе, Марионетта. Спасибо, за твою помощь.

Я посмотрела на чистую страницу и начала переписывать. Я писала долго и аккуратно, и все это время чувствовала, как он стоит рядом и смотрит на меня.

— Скажи мне, Марионетта, — спросил он вдруг, — почему я никогда не вижу тебя на исповеди? Ты безгрешна, как ангел?

Его вопрос удивил меня. Я вспыхнула до корней волос, не зная, что ему ответить.

— Я лишь дразню тебя, — сказал он извиняющимся тоном, но мне это не помогло прийти в себя.

Я закончила переписывать письмо, Беранже подписал его.

В тот вечер, когда мы с мамой готовили ужин, я ничего не сказала о том, что произошло днем.

* * *

Беранже был прав. Мне надо было сходить на исповедь. Но что я буду ему говорить? Исповедоваться ему же в своем чувстве к нему? О том, как ловлю каждое его слово? О том, как слежу за каждым его движением?

Но чтобы доставить ему удовольствие, я стала приходить на исповедь, но говорила совсем не о том, о чем надо было говорить, а о всякой чепухе. Я говорила, что завидую Мишель, потому что она выходит замуж, а я нет, говорила о своих разговорах с матерью, что меня задает ее мнение о том, что Мишель привлекательнее меня, хотя мне было совершенно все равно на этот счет. Я просто говорила, чтобы говорить, и приходила, чтобы приходить. Я не рассказывала ему о своих встречах со странной мадам Лапорт, только говорила, что в связи с тем, что Мишель и месье Марсель (теперь мы звали его Жозеф) проводят все свое свободное время вместе, я теперь много читаю.

Мадам Лапорт была все-таки потрясающей женщиной. У нее была странная манера говорить и странная манера поведения. Она жила так, словно сама принадлежала к клану этих катаров. Каждый раз, когда я к ней приходила, чтобы вернуть книгу, которую прочла, и взять новую, ее кухарка пекла пироги. Но я ни разу не видела, чтобы мадам Лапорт их ела. Катары не ели мяса, яиц, сыра — никакой животной пищи.

Она умела так живо рассказывать о событиях давно минувших дней, что создавалось впечатление, будто она сама принимала в них участие.

Мы разговаривали с ней на разные темы и о Боге в том числе. Я задавала мадам Лапорт такие вопросы, на которые даже она не могла ответить. И однажды она мне сказала:

— Я не могу быть тебе советчиком по вопросам Церкви, Мари.

Но получалось так, что я не с кем не могла говорить на эту тему — ни с отцом, ни с мамой, ни с Мишель, у которой голова была забита только предстоящей свадьбой. Клод отпадал сам собой. Оставался только Беранже.

Однако я не знала его настолько хорошо, чтобы позволять себе отвлекать его внимание, и это делало меня еще более любопытной и осторожной. Я думала, что, скорее всего, он отругает меня за чрезмерное любопытство или ему не понравятся мои вопросы, столь явно демонстрирующие мои сомнения. Может, он пожалуется на меня моей матери, а может, вообще запретит мне видеться с мадам Лапорт. Я боялась его реакции, и поэтому все мои незадаанные вопросы пока оставались со мной.

И вот, когда запах ладана и оплавившегося воска свечей, которые раньше всегда меня успокаивали, стали приводить в состояние тревоги, я все-таки решилась поговорить с Беранже. Мотивы, побуждающие меня сделать это, были очень искренними — я надеялась, что он скажет мне что-то, что вернет мою душу к Церкви, что поможет мне жить, как прежде: в спокойствии и вере.

Я знала, что Беранже в середине дня всегда прогуливается. Это был его ежедневный моцион перед обедом. И вот я решилась поймать его именно в этот момент (мама уехала в Эсперазу навестить своего

друга, который заболел). Всю первую половину дня я вела себя как положено, ничем не выдавая своего волнения перед, возможно, предстоящим разговором, кроме, быть может, слишком быстрых и нервных движений и того, как выбежала из дома после завтрака, чуть не сбив с ног Женевьеву, нашу козу. Мишель и Жозеф остались дома, он втолковывал ей что-то про свою любовь. Я ничего не сказала Мишель о своем уходе. В свете последних событий общались мы мало. Она знала о моих визитах к мадам Лапорт и не одобряла их. Вот и сейчас она решила, что я направляюсь к ней, и не придавала особенного значения моему исчезновению.

Через несколько минут я уже стояла на тропе, что вела к замку, и поджидала Беранже. Был жаркий летний день. Волнуясь, я жадно вдыхала теплый воздух, но это, конечно же, не помогло: было очень душно. Почему-то вспомнился рассказ мадам Пол о дьяволе, который якобы жил неподалеку, и когда ему было невыносимо жарко в такие дни, он разбрасывал вокруг замка золото, заманивая тем самым людей в ловушки, чтобы потом забрать их себе.

Пока я представлял себе в картинках этот рассказ — на тропинке появился Беранже. Он шел аккуратным шагом, чтобы не поднимать пыли. Как всегда, в своей сутане, которая очень шла ему.

— Здравствуйте, святой отец, — сказала я, изображая удивление от встречи с ним.

— Мари? — Он поднял свою трость в знак приветствия.

— Я... тут... вышла пройтись... — пробормотала я.

— Да, смотри-ка, желания наши совпали. Твое и мое. Могу я присоединиться к тебе?

Мы пошли вместе, рядом, рука об руку, наслаждаясь открывавшимися видами, которыми я любовалась

уже миллион раз. Я все выжидала время, чтобы начать разговор, и никак не могла решиться. Мы шли мимо пушистых кустов и вековых елей, столетних дубов и кипарисов. Обстановка располагала к размышлениям. Иногда встречались кусты диких роз.

Беранже заговорил первым:

— У меня из спальни открывается вид на эти холмы. Я часто смотрю на них.

— Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное?

— Да, конечно, только не из своего окна. Когда-то я много ходил пешком и повидал много красивых и весьма любопытных мест.

А потом он процитировал что-то из Библии. И, конечно же, я не поняла, а он рассмеялся.

— Глупо, конечно, — продолжал он, — но это место почему-то похоже на рай, как я себе его представляю.

Некоторое время мы шли молча. Потом он снова заговорил:

— Иногда я ишу здесь пещеру, сам не знаю почему. Из окна, мне кажется, я вижу ее, а когда прихожу сюда — не могу найти. Многие пещеры в своей жизни я повидал.

— Нашли что-нибудь? — спросила я.

— Ничего. Только камни и обломки деревьев, что свидетельствовало о том, что кто-то уже побывал там раньше меня. Я выходил и искал новую пещеру, но так ничего и не нашел в них. Наверное, это все легенды о том, что в пещерах вообще что-то можно найти.

— Поговаривают, что тут есть секретный лаз сквозь скалы, говорят, знающие люди часто им пользуются.

— Ой, Мари, это все детские истории, — сказал он со вздохом, — смотри на вещи трезво. Это все выдумки мальчишек, ищущих приключений.

— Не только мальчишек.

Он остановился, некоторое время смотрел на меня выжидающе, потом сказал:

— Только не говори мне, Мари, что и ты тоже лазаешь по холмам в поисках пещер, тайных тоннелей или, еще хуже, сокровищ? — Взгляд его был испытывающим. Мое упорное молчание подсказало ему ответ, но он все еще не хотел верить. Он думал, что это такая моя шутка. — Ну здорово, — все же воскликнул он, — и как твои успехи? Нашла что-нибудь?

— Нет, — ответила я. — Но я заинтересовалась легендами. Особенно теми, что касаются катарсов, которые жили в этих местах, по мнению многих, они оставили много сокровищ в тайнике в одном из подземных тоннелей. И их ищут до сих пор все, кому доведется услышать о них.

Беранже встал как вкопанный, но попытался сделать вид, что не услышал ничего особенного.

— Да, действительно эти рассказы интригуют.

Заставляя себя продолжать, я сказала:

— Я хотела поговорить с вами об этом, святой отец. О катарах и их жизни. Много тысяч людей были уничтожены, убиты, сожжены, истреблены Церковью. Я думала о Церкви хорошо...

Он продолжал стоять, не двигаясь, затем поднял голову, и взгляд его устремился к холмам.

— Армией Церкви, — сказал он.

— Да! — немного засомневавшись, ответила я. — Надеюсь, вы меня извините, святой отец, но меня это очень волнует. Я не могу понять, как священник, призывающий к любви и смирению, может отдать приказ на убийство стольких людей?

Беранже грустно улыбнулся:

— Что ты читала?

— Исторические книги. Папа купил мне их в городе. — Я не могла признаться, откуда они у меня на самом деле.

— Я не знал, что ты интересуешься историей, Мари, — сказал он. В задумчивости он дотронулся пальцем до сердцевины одной из роз, поднес к губам и облизал с цветка пыльцу, затем сорвал и протянул мне. — Они проповедовали другую веру.

— Спасибо, — сказала я.

Он снова пошел.

— Вопрос, который ты задаешь, вовсе не простой, Мари. На него нет однозначного ответа.

— Я знаю.

— Крестовые походы были столетия назад. С тех пор все поменялось. — Он шел по тропинке, постукивая тростью по камням. — Эти люди были большой опасностью для других людей. Они тысячами сбивали их с верного пути. Ты же читала. Разве сама ты не могла сделать вывод о том, кем они были и об их вере?

Я кивнула.

— Они были еретиками. Знаешь ли ты историю про Эллайю и Баала? — И когда я отрицательно помахала головой, он принялся мне ее излагать.

История была простая, но я никогда раньше не слышала ее, интереса она у меня не вызвала, и я никогда бы не стала ее слушать, если бы ее рассказывал кто-нибудь другой. Эта история гласила о том, что, если сам Господь Бог мог посылать людям наказание, значит, и Церковь, считая себя справедливой наместницей Бога, могла в некоторых случаях поступать так же, и это было не против веры и не против Бога.

— Катары были другой веры, Мари. Это грех. Большой грех, — закончил Беранже. — Священник не нарушил веры, посылая смерть им. Он, наоборот, сделал хорошо всем тем, кому мешали эти альбигойцы.

— Я поняла, он убил их, чтобы не подорвать мощь и силу правления Церкви.

— Да, потому что души людей не могли без нее. Они нуждались в ней, а еретики отправляли души

людей прямым в ад. — И он так ударил тростью по тропе, что кусочки земли отлетели в меня.

Некоторое время я стояла в молчании, рассматривая цветок, потом спросила тихо:

— Но ведь катары верили в свою веру, как они могли поверить во что-то другое? И разве они убивали тех, кто не принимал их веру? Они ведь не утверждали, что это грех. Может быть, Господь обманывал их?

Мы достигли развилки, одна тропинка вела глубже в холмы, в смешанный лес, другая вела на открытую поляну. Беранже остановился у развилки и молча стоял, задумавшись.

— Я злюсь на вас, — сказала я с ненавистью. — Я не должна была говорить с вами об этом. — Я действительно была раздосадована своей неумной любознательностью. Проговорив, я испугалась, а вдруг теперь он вообще не захочет со мной разговаривать.

Он повернулся ко мне, обхватив себя руками, будто старался сам себя удержать от чего-то.

— Ты очень умная, Мари, — сказал он, — но самое страшное в уме — это когда пытаешься понять то, чего понять нельзя. Это все условности, и вера в том числе. Это не материально. Не надо стараться это понимать буквально. Это можно только принять, и тогда у тебя не возникнет вопросов. — Он долго и пристально смотрел на меня — я это чувствовала, — смотрел до тех пор, пока у меня не возникло желание провалиться, не сходя с этого места. Я посмотрела в направлении деревни и смогла разглядеть только крыши, так далеко мы ушли, совершенно незаметно за разговором.

— Думаю, мне пора идти домой, — сказала я. — Нужно готовить ужин.

Он кивнул.

— Оставь тарелочку и для меня. Я прогуляюсь еще немного.

Когда я уже почти дошла до холма, он окликнул меня:

— Приходи на исповедь, Мари!

По дороге в Назарет

Она пошла с ними, несмотря на порицания Кефы*, который считал, что такая женщина может опозорить их дело. Она была только женщиной, пока что присоединившейся к ним, хотя позже могли появиться и другие. Иешуа шел рядом с ней. На первый взгляд Кефа отступил и пытался с помощью уговоров увести Иешуа.

— Нам нужно обсудить некоторые вещи, — сказал он, — это не имеет отношения к женщине.

Но Иешуа не оставил Мириам, и раздраженный Кефа был вынужден идти вместе с ними.

Иешуа был робок с ней. С другими он мог быть общительным и словоохотливым, но с ней молчал и, казалось, внимательно слушал, даже когда она не говорила. Как будто он пытался услышать, как ее кровь циркулирует по венам.

Прошло тридцать лет с тех пор, как умер Ирод Великий. Тридцать лет с тех пор, как мятежники подняли восстание против империи, тридцать лет с того момента, как легионы Варуса толпились в деревнях, насиловали, рушили до основания, избивали, крушили. Во всех синагогах говорили о разрушении: колонны возвышались на открытом воздухе, не поддерживаемые ничем, лестницы вели в пустоту. В глазах пожилых женщин все еще читалась печаль об их убитых детях. Там еще находилось несколько пожилых

* Служитель при храме.

мужчин, многие из которых попали в рабство в отдаленные уголки империи. Эти люди нуждались в исцелении. Иешуа говорил с ними.

— Час настал! — кричал он. — Царство Господа близко! Раскайтесь и поверьте в хорошие известия!

Одни верили и были счастливы, вторые втайне надеялись, но еще сомневались, третьим причинило душевную боль то, что они слышали. Другие требовали доказательства знамения Господня.

Так Иешуа исцелял, Он прикоснулся грубыми ладонями к глазам слепого, и когда убрал их, слепой пал ниц и кричал:

— Свет! Свет!

Он остановился перед телом избитого мальчика и приказал демону исчезнуть, тот покинул тело ребенка с ужасным ревом, как разбивается огромная волна о корпус корабля. Многие приводили к нему слепых и хромых, истекающих кровью и прокаженных, безумных и одержимых, и он исцелял их, одного за другим. Но даже этих знаков некоторым было недостаточно. До Иешуа были и другие целители, но сейчас их не было здесь, может, они в это время находились в рабстве у римлян, работая на их полях?

Но Мириам надеялась. Она шептала слова пророка Иешуа, пока шла:

— Ради ребенка, который появился на свет, ради нас, сын, дарованный нам; власть лежит на его плечах, и он назван Чудесным учителем, всемогущим Богом, вездесущим Отцом.

Ее отец был главой синагоги, и он чтит Священное Писание больше, чем кто-либо другой. Ни одна женщина в Галиле не была столь прилежна в занятиях, как Мириам. Ее отец не мог поверить, впрочем, как и многие в деревне, что женщина может быть пригодна к учебе. С четырех лет, когда отец впервые прочитал ей предание о сотворении мира, Мириам стала

заучивать наизусть Тору. Даже в ту пору, до того как стали явно появляться признаки одержимости, она чувствовала, что дьявол овладевает ее разумом. Только голос отца, поющий псалмы, мог ослабить тиски дьявола, облегчить нарастающую агонию. Она просила отца читать священные слова снова и снова, а затем повторяла их за ним.

— Святой Дух не отодвигается перед лицом стихии, — повторяла она и видела безбрежный океан, Галил ночью, невидимую и вспенивающуюся на ветру. — Сделай так, чтобы стало светло, — просила она, и из недр океана светились желтые лучи, прорезающие тьму. — Позволь земле рождать живых существ для их же блага, — говорила она, и они появлялись: каменный козел*, поднимающийся по горам; вебрь, нюхающий кедр; кобра, разматывающая свое тело и распускающая капюшон. Таким образом Мириам пыталась укрощать дьяволов, сидящих внутри нее.

Но чем старше становилась Мириам, тем сложнее ей было умирять демонов. Они овладевали ею, когда она останавливалась, чтобы перевести дух; ее шепот становился быстрым, громким и одержимым. Было ясно, что ни один мужчина не захочет взять ее в жены. Мать Мириам принимала ее страдания, как свои, и поддерживала ее в том, чтобы она посвятила себя изучению Священного Писания.

— Есть здесь другой пророк Бога, которого мы можем спросить, — шептала Мириам, — певца приемника Иоиля**, преемника Самуила, преемника Елкана***, преемника Иероваама****, преемника Тоаха*****...

* Или тур.

** Иоиль — библейский пророк; один из пророков Ветхого Завета.

*** Елкана — левит, отец пророка Самуила.

**** Иероваам — первый царь северного Израильского царства; ввел народ в грех идолослужения.

***** Тоах — один из мужей колена Левина и один из предков пророка Самуила.

О недуге Мириам знала вся деревня, но набожность сделала ее известной во всех городах Галила и даже в Кфар Нахуме. Люди, приезжавшие в ее деревню, слушали ее бормотания и преклоняли перед ней колени, прося благословения, но жительницы деревни, наоборот, прятали своих детей, когда Мириам проходила мимо. Некоторые даже бросали в нее камни.

Однако Иешуа не испугался.

— Какой подарок сделал тебе отче, Мириам! — сказал он. — Его слова всегда у тебя на языке! Какое счастье!

Но Мириам чувствовала себя проклятой. Произнесение слов не прибавляло знаний. Она хотела избавиться от непрекращающегося шепота; она хотела спокойствия, согласия, понимания. Она надеялась, что Иешуа сможет ее этому научить.

Он сопровождал их, говорил с ними, но одновременно казалось, что он не с ними. Он появлялся, чтобы выслушать. О времени, когда он отсутствовал, говорил, что Господь разговаривал с ним. Спустя некоторое время Мириам еще больше уверовала, что отче беседует с Иешуа точно так же, как и ее отец разговаривал с ней.

Глава IV

Отношение самого Беранже к Церкви удивило и взволновало меня. Я была настолько поражена, что могла только молча встречать его взгляды. Некоторое время мы с ним не общались, но я страстно желала быть подле него. Слава Богу, борьба его и моей воли длилась недолго. Однажды вечером он встал рядом с моим стулом, выглянул в окно и начал насвистывать песенку: «Марионетта, Марионетта, маленькая кокетка».

— Прекратите насвистывать эту песню, — сказала я вызывающе.

— Ну надо же, оказывается, она умеет разговаривать, — произнес он делано удивленным тоном.

Я отвела от него взгляд и сказала:

— Почему я должна разговаривать, когда мне нечего сказать?

— Это же неправда, Мари, тебе же есть что сказать! Ты злишься на меня, поэтому молчишь.

Я повела бровями.

— Я не виню тебя, — сказал он серьезно, — просто я не смог должно ответить на твой вопрос.

Я одарила его взглядом.

— Нет. Ну, что вы.

— Я ответил в порыве чувств, не успев как следует подумать.

— Так ответьте мне сейчас, вы действительно уверены в том, что Церковь была права, убивая всех этих людей?

Беранже тяжело вздохнул:

— Я думаю, то, что думают все. Что случилось, то случилось. Да, я признаю, Церковь совершила ошибку, но изменить это уже нельзя. Факт остается фактом. На все воля Божья.

— Я тоже так думаю, — сказала я понимающе.

— Ты молодец, что размышляешь о подобных вещах, Мари. Я не думал, что ты настолько умна и внимательна. Я был сражен твоими вопросами и не был готов к разговору. Поэтому был весьма груб.

— Я понимаю.

Шепотом он добавил:

— Я не должен грубить тебе, Мари, я вообще не должен так грубо разговаривать ни с кем, а уж тем более с тобой.

— Хорошо, — сказала я, поднимая голову и встречаясь с ним взглядом, — я вас прощаю.

Выражение его лица резко изменилось, словно я сняла с его души тяжелый камень, — он стоял и радостно улыбался, о, сколько же в нем было шарма.

И я была рада, что освободилась от гнетущего чувства и мы снова могли непринужденно разговаривать друг с другом. Но у меня все равно остался вопрос. Действительно ли он верил в то, что только что сказал мне: что Церковь совершила ошибку, или сказал это лишь для того, чтобы возобновить отношения со мной. Но я не стала его об этом спрашивать. Я решила выбрать тот ответ, который грел мою душу.

А потом наступили выборы. Всю неделю перед выборами мой отец провел в таверне с другими мужчинами, разделявшими его политические интересы. Я представляла, как они пьют, провозглашая тосты за Робеспьера, Гамбета, Клеменса и Республику. Мы слышали его пьяные возгласы каждый раз, когда он возвращался, впрочем, его было слышно от самой таверны. Отправляясь домой, он непременно напевал Марсельезу. Однажды в таком состоянии отец наткнулся на Беранже, который, как обычно, читал, сидя у окна. Отец, будучи пьяным, очень часто задирает его: политическая отстраненность Беранже никак не давала ему покоя. Когда же он был трезв, у них были вполне хорошие отношения: Беранже даже помогал отцу починить крышу, поднять сарай или же что-то еще делал по хозяйству, а после ужина они обычно вместе курили и мирно беседовали на различные темы. Но в пьяном состоянии отец не давал пройти мимо и обязательно к нему цеплялся. В этот раз отец поинтересовался о том, что думает Беранже о построении своего собственного дома. В ответ на это Беранже рассказал ему о планах реставрации церкви, и, услышав такое, отец просто пришел в бешенство. Потихоньку, слово за слово, он добрался до политической темы и начал жарко излагать идеи своей партии. Беранже, мягко возражая ему, продемонстрировал свою стойкость и нежелание менять свои убеждения. За республиканцев голосовать он не собирался.

Выборы породили нешуточные страсти: возникали жаркие споры, иной раз доходило даже до драки в таверне. Однажды ночью я вдруг проснулась от крика отца, он опять спорил с Беранже.

— С Церковью покончено! — орал отец. От его голоса трясся потолок.

— Что заставляет вас так думать, месье Эдуард? — учтиво спрашивал Беранже.

— Республиканцы выиграют, и тогда Церковь окончательно отделится, проиграв.

— Но почему? — продолжал настаивать на своем Беранже.

— Тот, кто собирается тратить деньги по своему усмотрению и только на себя, ничего не сможет дать людям.

Я слышала, как мама в соседней комнате начала одеваться, чтобы выйти к ним.

— Ничего? — переспросил Беранже.

— Лишь пустые обещания. Наихудшая степень лжи.

В коридор уже вышел Клод, и Мишель открыла глаза:

— Что происходит?

— Тс-с! — приложила я палец к губам.

Мама вышла в холл со свечой в руках:

— Эдуард! Поднимайся наверх.

Но он ее проигнорировал.

— Скажите-ка мне, святой отец. Вы верите в Бога?

Голос Беранже был мягким, но уверенным:

— Конечно!

— И вы думаете, что там, на небе, к вам будет какое-то другое отношение из-за вашей веры, только не врите, ради бога?

— Я верю в жизнь после смерти. Что еще вам сказать?

— Жизнь после смерти! Что это значит? Объясните мне!

— На небе нас встретит Бог, — сказал Беранже без промедлений, — мы очистим душу от всего мирского и будем продолжать жить везде, вокруг! Бог любит нас всех, и вас, Эдуард, таким, какой вы есть. Мы все обязательно попадем на небеса.

— А откуда вы знаете, что там есть что-то, кроме темноты? — не унимался отец.

— Потому что я знаю это и верю в это. Вера есть в каждом. Она внутри нас. Она светлая, поэтому на небесах светло. Там любовь Господа. Бог так любит мир, что послал к нам своего единственного сына, хотя и знал, что его убьют.

— Ой, да не смешите меня! У вас нет никаких конкретных объяснений. Одни слова. Пустые обещания, как я и говорил.

— Эдуард! — закричала мать.

— Ответьте мне, святой отец, какой отец пошлет на гибель своего сына?

— Достаточно, Эдуард, — сказала мать таким тоном, что на этот раз отец обратил на нее внимание. И я услышала, как отец бурчит, но поднимается наверх, и через короткое время раздался его храп. Мать спустилась вниз извиниться за отца перед Беранже:

— Он хочет вернуться в лоно Церкви и очень хотел бы поверить, но сам же себе этого не позволяет. Мужчина! Он боится, что кто-то его осудит.

— Те, кого он боится, такие же, как и он, Изабель. Совершенно такие же. Слишком напуганные, чтобы что-то слышать или понимать. Я помолюсь за него. За них за всех.

Некоторое время они оставались вдвоем. Я прислушивалась еще какое-то время. Вопрос, заданный моим отцом, только сейчас дошел до моего сознания. А во что же он действительно верит? Я ворочалась и не могла заснуть. Я слышала, как мама поднялась и легла, как Беранже отправился спать... А я до самого утра находилась в какой-то полудреме...

* * *

В день выборов все собрались у церкви, люди тихо переговаривались, покашливая, с волнением переминались с ноги на ногу. Многие поехали голосовать

в Эсперазу. Волнение нарастало. Беранже должен был сказать какую-то речь, но его до сих пор еще никто не видел.

Никто не знал и не предполагал, что именно он скажет. Все знали только то, что он против выборов и новомодных идей республиканцев, и так же все знали, что большинство людей все же будут голосовать за Республику, и хотели знать и видеть его реакцию.

Наконец он вышел. Выглядел, как всегда, безупречно. Он начал говорить спокойно и уверенно.

— Сегодня момент национального доверия. Вы сами будете ответственны за свой выбор, свои мысли и свое будущее. Сегодня мы видим Церковь такой, какая она есть. Мы видим помощь в вере, но иногда церковные деяния похожи на испорченное вино. Я не призываю вас голосовать ни за одну из партий — ни за приверженцев монархии, ни за Республику. В нашей стране хозяева вы сами. Прислушайтесь к себе. Посмотрите вокруг, посмотрите на наших детей, загляните им в глаза, какое будущее вы для них хотите? На основании этого и выбирайте, за что именно вы хотите отдать свои голоса.

Вы не можете сделать свой выбор самостоятельно? Вам нужен человек, который поведет вас, — так выберите себе такого. И не важно, будет ли это священнослужитель или представитель партии республиканцев, главное, чтобы вы верили ему, доверяли и оказались правы в своем выборе.

Укрепляйте наше государство. Стройте заводы, фабрики, Бог всегда будет с вами, при любом сделанном вами выборе. правильным он будет или нет. Пусть Ренн-ле-Шато процветает. Я взываю к вашей вере. Лишь она может подсказать вам верный шаг, привести на путь истинный.

Такие слова он сказал. Слова, которые никто не ожидал услышать. По лицу моего отца я поняла, что

даже он задумался. А ведь он первый агитировал всех голосовать за республиканцев, но слова Беранже заставили его задуматься. В церкви стояла абсолютная тишина. Никто не осмеливался первым произнести хоть слово.

В этот момент я поняла, что разозлилась на него. Он со своей правдивостью и такой проникновенной речью совсем запутал тех, кто пришел на выборы уже с точным решением. Внес сумятицу в души людей.

Видя такое его поведение, я решила его «наказать», выкинув из головы все мысли о нем. Не могла я позволить себе любить мужчину, который мог так поступать с людьми. Как-то я спросила Мишель, кого она видит в роли моего мужа, и она назвала мне имена нескольких мужчин в деревне, кто, по ее мнению, мог бы мне подойти.

— Ну, Мартин слишком скучный, — сразу же отреагировала я.

— Зато он надежный и симпатичный.

— И ты думаешь, я действительно смогу его полюбить? У него всегда столько колкостей на языке.

— Мари, так нехорошо говорить, да и вообще, уж очень ты разборчива. Пройдут годы, а ты так ни за кого и не выйдешь, — разозлилась Мишель.

Дома мы не говорили о выступлении Беранже. Он же вел себя как и прежде: будто ничего не произошло — мило беседовал с матерью и Мишель. Когда же мы оставались с ним наедине, то снова напряженно молчали, я даже избегала встречаться с ним взглядом. Папа тоже общался с ним весьма натянуто. Однажды мама не выдержала и сказала ему, что больше не может находиться во мраке его плохого настроения. Что если он хочет продолжать сидеть с таким выражением лица, то пусть поищет другое место, но только не дома. Отец стукнул вилкой по столу и встал.

— Мам! — воскликнул Клод.

Но она промолчала.

— Политике не место за столом! — сказала она после небольшой паузы.

Беранже сидел рядом со мной. Я чувствовала на себе его взгляд, но мы продолжали молчать. Мне казалось, что он легко может остановить эту ссору, но почему-то он не стал этого делать. А лишь когда понял, что я нарочно отворачиваюсь от него, и увидел, что отец уже надел свой пиджак, встал и сказал:

— Месье Эдуард! Пожалуйста, поймите же и мою точку зрения. Я неразрывно связан с Церковью и не могу ради вас изменить своих взглядов.

Отец нацепил кепку на голову и вышел, дверь за ним закрылась.

— Эдуард! — Беранже снова окликнул его.

— Оставьте его, святой отец. Он прогуляется, остынет, вернется, и все будет как прежде.

— Но вы все-таки скажете о виновности Церкви? — спросила я.

— Ну ты-то не начинай, Мари, — ответила мама.

— Я не думаю, что и в данном случае виновата Церковь, — ответил Беранже.

— А когда же вы признаете ее вину? — огрызнулась я.

Клод повернулся в мою сторону, а Мишель смотрела на меня, вытаращив глаза.

— В далеком прошлом. Конечно же, в некоторых действиях Церкви...

— Например? — не унималась я.

— Мари, не нападай, — оборвала меня мать.

— Я ни о чем не могу думать сейчас, — сказал Беранже, втыкая вилку в кусок мяса, желая переменить тему.

— А я могу, — продолжала я. — И мне кажется, что вы не в состоянии признать, что Церковь делала и делает какие-либо ошибки. Вы просто слепо верите, и все. Вообще-то не очень-то я верю в то, что

вы признаете, что Церковь делает ошибки. Я думаю, вы просто слепо верите.

— Правда ведь? — поддержала меня Мишель. Но в спорах она не была сильна, поэтому тон получился игривый.

— Как вы узнаете, когда Церковь ошибается, а когда нет? — завершила я нападение.

— Мари! — заволновалась мать, — ты не можешь разговаривать в таком тоне со святым отцом.

— Ты говоришь как отец, — поддержал маму Клод.

— А что в этом плохого? — вызывающе спросила я.

— Я понял твою точку зрения, — наконец снова включился в разговор Беранже, — ты должна осознать, что Церковь не просто сборище людей, священников, это очень много людей, объединенных великой верой. Твое право верить в Бога или нет, но необоснованно обвинять Церковь, ради того, чтобы просто обвинять, не может никто. — Он резко повернулся ко мне, его колени уперлись в мой стул, он продолжал что-то с жаром говорить, но я его уже не слышала. Он сидел слишком близко ко мне и слишком волновал меня. Мы смотрели друг на друга, а его слова раскатывались по тихой комнате, совершенно лишённые для меня какого-либо смысла. Я впала в странное чувство блаженства, но, к счастью, быстро спохватилась, сообразив, что все могут заметить мое состояние, и взяла себя в руки. В этот момент я услышала похвалы матери в его адрес:

— Bravo, святой отец. — На ее глазах блеснули слезы, она даже захлопала в ладоши, а я так и не услышала того, что он мне говорил.

К счастью, подготовка к свадьбе Мишель вскоре захватила всех нас. Отец так старался заработать на свадьбу, что пропадал на фабрике день и ночь. В доме

делали ремонт, он стал более красивый и уютный, более современный, что ли. Жозеф ужинал у нас регулярно, что помогало нам лучше его узнать. Даже Беранже меньше проводил времени в церкви, уделяя больше внимания дому. Это была самая счастливая пора в деревне: зрел виноград и зерновые. Беранже утверждал, что все это от Бога, и казалось, это действительно так. В этом году был хороший урожай, деревня ликовала. Мадам Дитенди придумала новое вино, ее муж звал всех попробовать, месье Маллет по вечерам играл на аккордеоне, мадам Лебадо пела.

Наша семья вела себя более сдержанно, так как с нами жил Беранже и мы готовились к свадьбе. Нужно было больше работать. И вот наступило время, когда Беранже начал рассылать приглашения — маминим подругам, папиным друзьям, знакомым со стороны Жозефа. Каждое приглашение было строго обсуждено в семейном кругу и выверено. В итоге все равно оказалась приглашена почти вся деревня.

В день свадьбы мы помогли Мишель одеться в шелковое платье, которое Жозеф купил ей, она сама уложила свои прекрасные волосы в красивую прическу, и все мы торжественно проследовали в церковь. Церемония удалась на славу.

Однажды днем к нам пришел почтальон. Я не сразу его заметила. Некоторое время он переминался с ноги на ногу, так как застал меня моющей полы и не хотел наследить, потом все же заговорил:

— Не могли бы вы, Мари, передать святому отцу вот этот конверт?

— О, здравствуйте, месье Дерамон, могу, конечно. — Я медлила еще какое-то время, руки были мокрые, и я не хотела пачкать предназначенный Беранже конверт. Почтальон терпеливо ждал. Я закончила мыть полы, вытерла руки и взяла конверт. Он был подписан ровным, красивым почерком.

— Вы точно передадите его, Мари?

— Не беспокойтесь, месье Дерамон. Конечно, передам. Это же так несложно.

— Конверт очень важный, — бубнил почтальон, — он обязательно должен попасть непременно в руки святого отца.

Пообещав ему, что передам письмо Беранже, я закрыла дверь и продолжила заниматься домашними делами. Конверт я подала Беранже сразу после того, как накрыла для него обед. Он неторопливо вскрыл конверт, прочел письмо и усмехнулся.

— Меня отстраняют от службы в вашей деревне, Мари, — сказал он, и губы его искривились. Письмо он небрежно бросил на стол рядом с тарелкой.

— Что? — воскликнула мать, — что вы имеете в виду? Как отстраняют?

— Духовенство сокращает мое жалованье. Я срочно должен ехать в Нарбонн. Меня переводят, я получил назначение, теперь буду преподавать в семинарии. — Выражение его лица стало таким, словно эта новость была самым худшим, что может быть в жизни.

— Но почему? Как такое может быть? — пробормотала мать чуть ли не со слезами в голосе.

— Это потому, что я живу у вас. — Он не смотрел ни на кого из нас. По его голосу я поняла, что он совершенно убит этой новостью.

— Но почему они вас отстраняют?

— Потому, что я преступил порог дозволенного. По их мнению, я отвернулся от Церкви.

— Но это ведь не так, и они должны знать об этом! — сказала мама, вставая. — Как они могут так поступать?

— Все течет, все изменяется, Изабель, — сказал Беранже куда-то в пустоту. Он закончил есть, положил ложку рядом с тарелкой, внимательно посмотрел на меня, будто хотел сказать мне что-то важное. Я почувствовала, как участилось биение моего сердца.

Я не могла знать, что там, в его голове, но чувствовала, что взгляд его полон страсти, и мне так захотелось, чтобы он взял меня за руку.

В конце концов он положил салфетку на стол.

— Очень вкусно, Мари, — сказал он, затем встал и тихим голосом произнес, что ему пора собирать вещи.

Вечером за ужином мама выговаривала отцу:

— Все это случилось потому, что ты с самого начала не хотел, чтобы он приезжал.

— Да нет, я хотел, — робко оправдывался отец, — ты знаешь это лучше чем кто-либо.

— Да? А как я узнаю, что ты не входишь в число тех, кто хотел ему навредить? Ты же первый всегда нападал на него!

— Теперь, Изабель, — сказал Беранже, — месье Эдуарду не придется делать ничего подобного.

— Замолчи! — прикрикнула мать на Беранже.

Клод с удивлением засмеялся. Мать, утирая слезы, убежала наверх, где решила спрятать свое горе в подушку.

— У тебя есть кто-нибудь еще, кто закончил бы твой «трактат», Клод? — спросил Беранже.

Клод молча кивнул.

— Ну что ж, мы будем скучать по вам, Беранже, — сказал мой отец.

— И я буду скучать по вам по всем, — ответил тот и, глядя прямо на меня, добавил: — очень!

Назарет

Они добрались до Назарета накануне Шаббата*, тяжело взбираясь на холм, где стоял город. Некоторые

* Шаббат (саббат) — суббота, день покоя, день недели, в который запрещено работать.

горожане радостно приветствовали их, но лицо матери Иешуа — ее тоже звали Мириам — было строгим и обеспокоенным, она сразу же повела его в дом.

— Здесь есть люди, которые хотят убить тебя, — сказала она. — Они слышали, что ты говорил. — Она стала умолять его остаться дома этой ночью, не ходить в синагогу на закате, потому что боялась за его жизнь. Но он отругал ее.

— Они несчастливы со мной. — Он пожал плечами. — Неужели это может удержать меня поклоняться моему Господу?

Но Мириам была напугана. Она с беспокойством наблюдала, как Иешуа и его брат Иаков надевают одежды для богослужения. Мириам ухватила край одежды Иешуа, когда он собирался идти в синагогу, а когда он с силой выдернул край одежды из ее рук и вышел, Мириам открыла рот и стала стонать настолько громко, что эти звуки были похожи на мычание коровы во время отела. Кефа ударил ее, и она упала на пол. Он вышел из дому и снаружи запер дверь на засов.

— Не смей открывать свой рот до тех пор, пока мы не придем, — сказал он, — или я собственными руками отрежу тебе язык.

Затем пришел страх, овладев ею, затем он проник и в саму ночь, уничтожив ее покой. Солнце садилось, и воздух стал быстро остывать. Она прижалась к двери, чтобы услышать голоса, песнопения, хоть что-нибудь из синагоги, но было тихо. Только крикеты робко пытались нарушить безмолвную тишину. Но вскоре их щебетание становилось все громче и громче, превращаясь в пронзительный крик. Она металась из угла в угол, била по табуреткам, корзинам, словно зверь в капкане. Она боролась с искушением броситься на грязные стены. Она больше не могла оставаться внутри.

Около стены стояла приставная лестница. Мириам оперлась о скамейку и встала на лестницу, это позволило ей дотянуться до потолка — грязные ветки вдоль нескольких деревянных планок, покрытые глиной. Она поломала о глину все ногти на руках, но лестница оказалась довольно низкой, и она упала. Она вновь залезла на лестницу, но снова упала, ударившись подбородком о край скамейки и до крови прикусив язык. В конце концов несколько веток отломались и упали на пол. Затем она сорвала часть кровли, оттянув на себя побольше веток, и стала отбрасывать их назад до тех пор, пока дырка в крыше не стала достаточного размера, чтобы она смогла пролезть. Затем она ухватилась за одну из планок и, приложив все усилия, протиснулась в дырку. Семья Иешуа наверняка разозлится, что она разрушила крышу, и, возможно, больше не пустит ее в дом, но ей это уже было неважно. Мириам была так напугана этой ночью его отсутствием и неизвестностью судьбы, которая ожидала его.

Отсюда она могла видеть синагогу: дверь была закрыта, но мерцающий свет просачивался сквозь щели. Она спрыгнула вниз и побежала туда, придерживая подол платья. Дверь со скрипом открылась, и она почувствовала приятный запах мяты, которой опрыскивали пол перед началом службы. Она в нерешительности остановилась у входа, боясь быть обнаруженной. Но никто не вышел, и она стала пробираться к внутренней комнате, нашла лестницу, ведущую на балкон, где обычно на службе сидели женщины. Стайка детишек играла в бабки* около двери; она прокралась позади них и проскользнула вдоль стены, прячась от света. Жена Иакова сидела, держа на коленях дочь, рядом

* Бабка — надкопытный сустав ноги у животных. Игра, заключающаяся в сбивании такой костью других таких же костей, расставленных в определенном порядке.

находилась его мать, которая поглаживала руку внучки; обе они расположились напротив детей.

Один из мальчиков, а это был сын Иакова, подбежал к своей матери и что-то зашептал ей на ухо. Она обернулась. Это побудило ее свекровь сделать то же самое. Они долго и с любопытством изучали Мириам. Жена Иакова спросила у его матери, кто была эта женщина.

— Иешуа все время находится рядом с ней и везде сопровождает ее, — сказала она с участием в голосе. — Он нашел себе молодую жену?

Мать Иешуа покачала головой и вздохнула. Она сказала, что не знает, но надеялась, что нет. Она видела, что у Мириам часто случаются судороги и она постоянно что-то шепчет.

Мириам было плохо видно сквозь ширму, но слышала она все. Иешуа нараспев произносил молитвы. Она знала его голос лучше, чем свой. Там читали священные псалмы от Исаака*:

— Дух Господа во мне. Он прислал меня сюда, чтобы исцелять разбитые сердца, провозгласить свободу пленникам. Объявить этот год годом Божьего благословения. — Затем наступило молчание, и Мириам почувствовала, что ее сердце бьется где-то около горла.

— Сегодня, — произнес он, — исполнится Священное Писание.

Возникло напряженное молчание, а затем воздух взорвался свистящим шепотом.

Иешуа продолжал:

— Я говорю с вами от имени Господа Бога Израилева. Его день настал. Парализованные пойдут! Незрячие прозреют! Демоны будут спасаться бегством от него! Торжествуйте во имя Его!

* Исаак — сын Авраама и Сарры.

— Ты не в себе, — сказал наси, встав около него на бима*. — Пожалуйста.

— Я пришел, чтобы сказать вам, что Царство Божие здесь. Вы столько ждали, но больше ждать не нужно!

— Кто ты такой, что утверждаешь, будто говоришь устами Господа? — громко прокричал широкоплечий мужчина.

— Почему ты спрашиваешь меня? — отозвался Иешуа.

— Ты ждешь, что мы проглотим все, что ты сказал? Ты, сын плотника Иосифа?

— Ты думаешь, что я обманщик, потому что не испытал на себе чудеса, которые я творю.

Раздался другой голос, тихий и сердитый:

— Это правда. Среди нас есть люди, которые нуждаются в исцелении и специально пришли в твою страну.

Еще одни голос произнес:

— Почему ты не исцелил своего отца и жену, если Бог наделил тебя таким даром?

Несколько голосов раздались одновременно, стараясь перекричать друг друга. В итоге самый громкий голос перебил все остальные:

— Даже если он может творить такие чудеса, как мы узнаем, что именно Господь наделил его такими способностями?

Затем раздался сильный грохот. Мириам с другими женщинами и детьми бросилась к ширме и, сдвинув ее, просунула голову. Иешуа стремительно отбросил стул с бимы, и он свалился прямо на площадку, которая была забита людьми. Один из них упал. Но ему помогли встать.

— Я должен был предположить, что такое может случиться здесь! — заревел Иешуа. — Земляки,

* Платформа или возвышение, с которой в синагоге читается Тора.

я предсказывал вам, что буду встречен с ненавистью и отвращением! Но послушайте меня, жители Назарета! В дни Илии*, когда небеса в течение трех с половиной лет не посылали дождь на землю, сколько женщин Израиля стали вдовами? Сколько людей умерли от голода? А ведь Господь направил Илию только в Сидон**! В Сидон! В дни Илии, когда столько было прокаженных, скольким удалось очиститься от грехов в Израиле? Только одному! Нааму*** из Сирии!

— Что ты хочешь сказать, Иешуа? — прокричал кто-то. — Что Господь не любит свой народ?

— Когда люди насмеваются над его словами, сказанными с любовью, когда они плюют на жертвы, на которые он пошел ради них, как он может любить таких людей?

Затем голоса людей в гневе обрушились на него, шум был настолько сильным, что, казалось, сотрясаются стены синагоги и даже основание горы. Женщины похватали своих детей и побежали вниз по ступенькам, спасаясь бегством из этого хаоса. Остались только Мириам и мать Иешуа. Они наблюдали, как мужчины в один миг заняли биму, подобно тому, как вода заполняет яму. Пятеро из них быстро взлетели по лестнице к кафедре и, крича и толкаясь, окружили Иешуа. Один из них — самый высокий и широкоплечий — схватил Иешуа и толкнул его на лестницу, в то время как другие, все еще крича, следовали за ним. Внизу у лестницы они были встречены сторонниками Иешуа. Андреас схва-

* Илия — израильский пророк, боровшийся с культом языческого бога Ваала, который был Богом естественных сил природы.

** Сидон (в настоящее время Сайда, город на юге Ливана) — финикийский город, славившийся своими пурпурными красками и стеклянными изделиями.

*** Наам — один из сынов Бела, сына Вениамина, сопровождавший Иакова и сыновей его в Египет.

тил за ноги широкоплечего мужчину и попытался свалить его, но другой мужчина не позволил ему это сделать. Кефа сражался с другим человеком, а Иаков и Иоханан дрались сразу с тремя. Большинство мужчин находились в эпицентре драки до тех пор, пока они не стали похожими на огромных животных, ревуших от боли.

Наси все еще стоял на биме, крича:

— Остановитесь! Остановитесь! Вы оскверняете святой день! Вы оскверняете Шаббат! — снова и снова выкрикивал он, надрываясь.

Мириам начала дико вопить, и от этого звука несколько мужчин повернули в ее сторону головы. Но широкоплечий мужчина, которому помогали два других, продолжал тащить Иешуа к двери, держа его за ноги. Несколько человек следовали за ними, но большинство все еще были заняты дракой. Мириам и мать Иешуа помчались вниз по ступенькам.

Мужчины выволокли Иешуа за пределы синагоги. Сотни людей, словно спускаясь с отвесной скалы, вереницей устремились вниз.

— Ноах! Отпусти его! — закричала мать Иешуа.

— Иди домой, Мириам! — сказал один из людей. — Ты хорошая мать. Иди сейчас же домой. — Человек приблизился к ней, протягивая ей руки, но Мириам отодвинулась. Она дрожала.

— Он ничего не сделал, чтобы заслужить подобную смерть! — крикнула она снова. — Он уроженец этого города, сын своего отца, сын Божий, как и любой из вас! Отпустите его!

Иешуа боролся, но широкоплечий мужчина еще сильнее схватил его и позвал Ноаха.

— Он говорит о любви Господа, как будто он один знает, что это такое, — сказал Ноах. — Он богохульник и должен быть убит! — Ноах поднял Иешуа и потащил его к утесу.

— Не делай этого, Ноах! — раздался голос позади Мириам. Это был Иаков, брат Иешуа. — Ты что хочешь до конца своих дней носить клеймо братоубийцы, как Каин? Иешуа твой брат, так же как и мой.

Ноах колебался достаточно времени, чтобы Мириам успела разбежаться и, вытянув вперед голову, ударить его в живот, словно дикая коза. Пораженный ее поступком, он оступился и ослабил хватку.

— Ты что, судья Господа, — прокричала Мириам, — что можешь предполагать его волю и решать, кого ему наделять своими дарами? Как ты можешь называть богохульником человека, который избавил стольких людей от страданий? А что сделал ты, чтобы не причинять страдания? — Мириам плюнула Ноаху на ноги, затем — на землю, прямо в грязь, и растерла ногами. — Чтоб тебе умереть тысячу раз и чтобы каждые предсмертные муки были более предыдущих!

— Прислушайтесь, что говорит бесноватая! — сказал мужчина, стоящий позади Ноаха. Другие засмеялись.

— Уходи, женщина, — произнес Ноах, отталкивая ее в сторону. — Ты рискуешь своей жизнью, вмешиваясь в дела мужчин.

Тем временем Леви, один из двенадцати мужчин, которые прибежали из синагоги, сдал грудью Иешуа и повел его от Ноаха к утесу. Андреас, Шимон и Иоханан подошли и встали около Леви и Иешуа.

Тогда к ним стал приближаться наси. Он шел медленно, опустив голову и накручивая бороду на пальцы. Они ждали. Казалось, что гнев людей рассеялся в ночном воздухе, делая его глубже, а намерение опозорить Иешуа еще серьезнее.

— Вы ведете себя как дети, — произнес наси, его голос дрожал от гнева. — Вы осквернили святой день, испачкали грязью место нашего собрания. Раз-

ве об этом он просил вас? Мне стыдно, я чувствую отвращение. Мое сердце разбито.

Ноа выступил вперед, обращаясь к служителю.

— Равви, — начал он, — нет ведь такого закона, что за богохульство полагается смертная казнь?

— И какое богохульство, скажи мне, Ноа, совершил Иешуа?

— Вы сами говорили, что он осквернил Шаббат.

Священник вздохнул:

— Уничтожение имущества не является осквернением Шаббата, согласно закону. Не за что приговаривать его к смерти. К тому же это не соответствует самому духу этого дня, духу покоя.

Он строго взглянул на Иешуа, затем опять обернулся к Ноа:

— Твоя жестокость, Ноа, также неуместна.

Ноа глубоко вздохнул, пытаясь совладать со своим гневом. Он взглянул вверх на небо, где в темноте светила одна звезда.

Раввин продолжил:

— Ты должен научиться не использовать только силу в решении спорных вопросов. Обсуждение и высказывание несогласия — это тоже богоугодные дела, поскольку это путь, с помощью которого можно лучше познать Бога. А жестокость — это просто отвратительно. Сделай пожертвование, Ноа, и молись, чтобы Бог простил тебя. И всех вас.

Служитель обернулся к Иешуа:

— Иешуа.

— Да, равви, — сказал Иешуа, выступая вперед.

— Ты очень одаренный учитель и лекарь, Иешуа. И это Господь одарил тебя многими талантами. Но как же ты можешь говорить, что Бог не любит свой народ? Я не удивлен, что Ноа так рассердился. Ты должен уважать великую любовь Бога к Израилю. И тебе тоже надо помолиться о прощении.

Иешуа склонил голову:

— Да, равви, — смиренно произнес он.

— У нас много проблем из-за Рима, — продолжил священник, — зачем же мы создаем себе еще большие трудности в своем собственном стане?

Все молчали.

Затем вновь заговорил Ноа:

— Равви, у меня есть предложение. Вы говорите, что Иешуа — очень одаренный лекарь. Я не сомневаюсь в этом. Но почему бы ему не излечить нас? Почему бы ему не показать нам, как он это делает? Почему он просто не вылечил несчастную, одержимую демонами женщину, которая сопровождает его?

Все посмотрели на Мириам. Она переводила взгляд с одного мужчины на другого, затем резко повернула голову к Иешуа. Он стоял в самом центре, окруженный людьми. Он выглядел изнуренным настолько, будто не ел много дней и не спал много ночей. Она видела, что он решился показать им, свое умение, но поняла, что это может окончиться неудачей. Он слишком устал. Она заметила, как жена Иакова бежит к ним, и вспомнила о пробитой крыше, упавшей лестнице и перевернутой скамье, ветках и комьях глины, раскиданных по полу.

— Иешуа, — обратился к нему раввин, — Ноа сделал достойное предложение.

Мириам следила за тем, как Иешуа обернулся к ней и с трудом поднял ослабевшие руки вверх к небу. Но она не смогла бы вынести вида его поражения и в то же время не сумела бы устоять перед гневом жены Иакова. Она сорвалась с места и побежала вдоль обрыва, пока не нашла крутую козью тропинку, которая вела вниз по откосу. Она стала спускаться по этой тропе, хватаясь за камни и колючие кусты. Мириам слышала голос Иешуа, который звал ее,

и знала, что он и все остальные поймают ее, если она не поторопится.

Она заметила на склоне горы небольшое отверстие прямо около крепкого молодого деревца, выросшего на камнях. Она нырнула туда. Перед ней открылся проход в просторную пещеру, где можно было стоять во весь рост. Здесь было холодно и сыро. Она потуже завернулась в свою накидку.

— Ты, который касается земли и размалывает ее в пыль, — прошептала она, потом прислушалась к тому, как вокруг зазвучало эхо.

Она взобралась на плоский камень, лежавший возле стены, и села, подтянув колени к груди. Она не будет спать. Когда лучи заката проникнут в темноту пещеры, она выберется отсюда и проберется к подножию горы, чтобы встретиться с Иешуа и его двенадцатью спутниками, направляющимися в Назарет.

Глава V

Мое состояние после ухода Беранже было очень странным. Каждый день, что бы я ни делала — накрывала на стол или что-то по дому, — я постоянно ощущала его присутствие. Будущее ощущалось как нечто однообразное и монотонное — обычный набор дел и обязанностей: сбор овощей и винограда, готовка обеда, работа на огороде и скотном дворе, сбор яиц, дойка Женеьевы и прочие дела. Нескончаемые и скучные домашние дела. Но без Беранже они мне казались совершенно лишенными какого-либо смысла.

Вскоре я поняла, что не одинока. Всем жителям деревни не хватало его — его доброй улыбки, манеры разговаривать и держаться, давать советы и просто жить нашей жизнью. Мы приходили в церковь, где был уже другой священник, которого нам прислали, но это было не по велению сердца и души, а лишь как исполнение долга. Родители забрали своих детей из воскресной школы. Было невероятно тоскливо. Приближалась зима.

Новый священник весьма успешно пользовался всем тем, что удалось исправить и наладить Беранже, по-

лучая его жалованье. А вот уважением он не пользовался да и вообще был отталкивающей личностью. Люди к нему не тянулись.

А мама продолжала обвинять отца в отъезде Беранже. Когда же он пытался отшутиться — она обижалась и устраивала сцены, заканчивающиеся скандалом. Вскоре после нескольких недель такого поведения отец не выдержал и сказал:

— Послушай, Изабель, может, тебе и плохо, но я тут не виноват. — Он взял бумагу и продолжил: — Давай напишем петицию, протест, соберем подписи всех жителей деревни и отправим в Духовенство. Пусть его восстановят, может, тогда ты успокоишься и поймешь, что моей вины в этом нет! Моя подпись будет первой. Обойди как можно больше людей и направь это мэру.

— И что мэр с этим будет делать? — недоверчиво спросила моя мать, но прошение из рук отца взяла.

— Не знаю. Но, возможно, он поможет нам.

На следующий же день мама составила прошение. К первым за подписью она пошла к мадам Готье и мадам Пол, которые с радостью согласились его подписать. Через неделю, собрав более чем сотню подписей, прошение отнесли мэру Лапорту. Он поставил необходимый штамп, свою подпись, наклеил марку и повез в Духовенство со всеми надлежащими почестями.

Моя жизнь после отъезда Мишель с Жозефом в Карказон через несколько недель после свадьбы и переезда Беранже превратилась в довольно тоскливое одинокое существование. Чтобы как-то отвлечь себя, я стала ходить к мадам Лапорт гораздо чаще, чем прежде, и просиживала у нее дольше обычного. Если же она была занята, она оставляла меня в библиотеке, где я с удовольствием читала ее книги. Ее странная черная кошка составляла мне компанию. Я читала Золя, Вольтера, Гюго, Флобера и Стендаля в

полной изоляции от окружающего мира, болтаясь по просторам знаний, вдыхая жизнь, реальную и не очень, отделяясь от всех жителей деревни. Я читала Дарвина «Эволюция человека» и была поражена его доводами о происхождении людей. Самое большое внимание я уделяла церковной литературе, этот вопрос по-прежнему волновал и захватывал меня. Я пыталась найти как можно больше литературы о Христе, я читала, много размышляла, увязывая полученные знания с тем, что происходит в нынешнем мире. Все больше и больше я разочаровывалась в поступках Беранже относительно безотчетного принятия деяний Церкви. Я стала уговаривать себя, что он слишком взрослый, с ним не может быть интересно такой девушке, как я, и почему раньше я не общалась с другими парнями из деревни, и почему не могла себя представить влюбленной в кого-то другого? Это было бы очень даже и неплохо.

Мое столь углубленное погружение в мир знаний имело и обратную сторону: мне все сложнее и сложнее было покидать библиотеку мадам и возвращаться в наш маленький убогий домик, где постоянно гулял сквозняк и дуло из всех щелей. Пока я что-то делала по дому, мысли мои путешествовали по Парижу, где женщины ходили с пудельками в сумочках, по Бразилии, где мужчины покоряли опасную Амазонку, борясь с крокодилами и непредсказуемостью течения, по Западной Америке, славившейся своими сказочными пейзажами. Вскоре у меня появилась мечта — попутешествовать по свету, увидеть своими глазами все то, о чем я читала в библиотеке мадам Лапорт.

Я перестала скрывать от матери, что часто посещаю мадам Лапорт. Как-то вечером она спросила, куда я собралась, и я ей обо всем рассказала. К моему удивлению, реакции, которой я ожидала, не последовало. Она не стала меня ругать, лишь, в свою

очередь, удивилась, почему я не сказала ей об этом раньше. А еще она сказала, что все это время думала, что я пропадаю с каким-нибудь молодым человеком. Потом она поинтересовалась, почему я туда хожу, и я ответила, что у мадам очень много исторических книг и мне нравится их читать. Тогда она кивнула. Мама была за образование, и вообще она считала, что я могу проводить свое свободное время так, как мне нравится. И все же она спросила:

— Почему ты проводишь все свое свободное время в одиночестве, ведь девушки твоего возраста, и такие же хорошенькие, проводят его совершенно иначе?

Я ничего не ответила матери. Так считала не только она, но и многие в деревне. Практически все женщины избегали мадам Лапорт и, конечно же, не понимали, что нас может связывать. А о ней с осуждением говорили, что она принимает меня только потому, что ей скучно и у нее нет своих детей.

А потом вообще произошла странная вещь! Жерар, который так внезапно исчез из жизни Мишель, вдруг появился в моей. Он встретил меня как-то вечером, когда я шла к замку. Я поприветствовала его, не останавливаясь: мне было довольно трудно на него смотреть, так как увиденная мною картина в подвале до сих пор стояла у меня перед глазами.

— Ну и куда ты так торопишься?

— Я иду навестить мадам Лапорт.

— А почему ты ходишь к ней? Разве ты не знаешь, что она еврейка? — спросил он.

Это испугало меня по двум причинам: первое — мы с Мишель подумали о том же самом, когда встретились впервые с мадам и не могли поверить в то, что это может быть правдой. И второе — Жерар произнес слово «еврейка» таким тоном, что я испугалась за мадам. Я знала, на что могут быть способны люди, особенно когда им представится случай. Она была такой ум-

ной, такой интеллигентной, у меня вызывало недоумение, почему ее не любят и сторонятся в деревне.

— Иисус был евреем, — парировала я и продолжила свой путь.

Меня поразило то, с какой легкостью я смогла использовать свои знания и насколько они углубились. Прежде я не задумывалась об Иисусе, как о еврее. Конечно, я об этом знала, но знала и то, что Церковь представляла его как антиеврея. Рождение от евреев признавалось, но все остальное по этому вопросу скрывалось. А то, что мне удавалось найти в книгах мадам, было столь противоречивым, что требовало от меня дальнейших поисков и углублений. Я стала изучать Израиль, его обычаи, нравы, образ жизни евреев различных провинций.

Но Жерар! Он впервые заговорил со мной после того случая в подвале. И теперь каждый вечер он встречал и провожал меня по дороге к мадам от дома до дома, он регулярно проходил мимо моих окон. Все происходило точно так же, как когда-то с Мишель. Но все эти его действия абсолютно не волновали меня, он по-прежнему мне не нравился. И по моим представлениям, я не могла нравиться ему. У меня были не такие пухлые губы, как у Мишель, и не такая стройная фигура, и грудь была гораздо меньше. Хотя он тоже изменился с тех пор. Теперь у него были длинные волосы, и он уже не казался таким привлекательным, как раньше. Мы были бы самой непривлекательной парой. Это не значит, что я была уродиной — кожа моя была гладкой, а фигура — аппетитной. Это заключение я сделала самостоятельно, впрочем, я многое поняла про себя, читая книги мадам. Свои густые волосы я собирала в тугой пучок, демонстрируя томную округлость своего лица. Меня считали странной, необычной девушкой.

Жерар, вероятно, тоже так считал, стараясь комплиментами отметить мою необычность.

— Такая прическа открывает твои прекрасные глаза, — говорил он.

Я не благодарила его, думая, что он меня просто дразнит. Но время шло, а он каждый день с невероятным упорством продолжал говорить бесчисленные комплименты. Он хвалил мои платья, мои волосы, лицо и даже мою начитанность.

— Ты так много читаешь, — говорил он, — девушки не должны быть такими умными, как ты.

И вскоре случилось именно так, как когда-то почти в шутку сказал Клод. Жерар стал ухаживать за мной. Он присылал мне открытки и цветы, демонстрируя свое отношение открыто. Об этом знали все. Я не думала, что наши отношения с Мишель как-то пострадают, если она узнает, что за мной ухаживает ее бывший жених. Жозеф был ближе к идеальному мужу, но он увез от нас Мишель, а с Жераром можно было жить и в нашей деревне. Он-то уж точно не собирался никуда переезжать.

Моя мама с энтузиазмом приветствовала намерения Жерара, хотя и знала мое к этому отношение. Факт оставался фактом. Мне было с ним невероятно скучно. Да, у него была выразительная внешность, у него был опыт обращения с девушками, он познал их немало. Однако мне не хотелось, чтобы он попусту тратил на меня время, ведь я-то не собиралась его с ним проводить. Но он, казалось, не обращал на это никакого внимания. Он продолжал ухаживать, много рассказывал мне о своей семье и о себе. Но что было хуже всего, он никогда ничего не читал. Когда я пыталась поговорить с ним хоть о чем-то, что я прочитала, он закатывал глаза и восклицал:

— Ну, началось! Опять ты за свое!

Его мозг был не в состоянии принимать какую бы то ни было информацию. Ему все казалось глупым.

Единственным спасением были еженедельные письма от Беранже. Он подробно рассказывал в них и о том, как устроился в Нарбонне, и какая там жизнь. В его письмах всегда было что-то новое и познавательное. Он преподавал в семинарии, которую посещали только мальчики, и письма его были полны смешных историй про них — кто-то засыпал на уроке, кто-то все время жевал, и Беранже заставлял их выплевывать все и внимательно слушать урок. Иногда он писал о своем брате Дэвиде, который тоже преподавал в семинарии. Он всегда хоть строчку, но писал лично для меня. И я перечитывала их снова и снова. И он присылал подарки: модели корабликов для Клода, носовые платки и коралловое ожерелье для меня. Я была очень горда.

— Однажды я заработаю много денег и куплю тебе золотое кольцо, — сказал как-то Жерар. — С бриллиантами.

Он ухаживал за мной всю весну. А когда зацвела сирень, он пригласил меня на пикник. Одну. И я согласилась. Он набрал полную корзину разной еды, фруктов и вина, и мы отправились с ним на холмы вдвоем. Только он и я. Он нежно ухаживал за мной, расстелил плед на траве, разделил еду, наполнил бокалы, но я попросила его налить мне воды. Отказалась пить вино.

— Что не так с вином? Моя мама приготовила его специально для тебя! Я так старался!

Мне пришлось выпить бокал, и он тут же наполнил его снова.

— Я буду пьяной, Жерар, — рассмеялась я.

— Когда девушки навеселе, они такие забавные, — ответил он.

Тогда я обратила внимание на его внешность. Его губы были полными и яркими, как у женщины, волосы его были длиннее, чем у кого-либо из мужчин

в деревне, они прядями спадали на его загорелую шею. Он был сильным и хорошо сложен, но не так хорошо, как Беранже. Он всегда выглядел так, будто только что вернулся с вечеринки. Одет аккуратно, чисто, с иголки, улыбался и был доволен собой.

Вскоре, чуть запьянев, я отвела от него взгляд и стала рассматривать, какая яркая трава, голубое небо, как быстро плыли по нему облака. И тут он впервые поцеловал меня. Я позволила ему это. Он почувствовал мою слабость и начал нежно целовать меня в шею, в губы, руки его уже обнимали меня, нежно гладили по спине, прижимая к себе все ближе и ближе. И это было прекрасно. Но, как только он прекращал меня целовать и начинал говорить, мне сразу становилось скучно.

Ему казалось, что я его дразню, потому что дальше поцелуев продвинуться у него не получалось. Он спросил меня:

— Как мне это сделать, Мари? Дай мне совет!

— Что ты имеешь в виду? — прикинувшись, что не понимаю, о чем это он, спросила я.

Одним весенним днем, приблизительно через месяц после того, как мы с Жераром были на пикнике, я получила известие от Беранже. Он обещал вернуться. Мэр подал прошение в Духовенство, они долго рассматривали его и решили, что, если священнику удалось наладить в деревне такой порядок, прихождение были довольны, дети учились в школе и пожертвования возросли, а при новом священнике все снова ухудшилось, то, пожалуй, он заслуживает того, чтобы вернуться на свое место с восстановлением жалованья. Конечно же, не обошлось и без хлопот самого мэра. Это известие тут же разлетелось по всей деревне, мама сразу же простила папу, и мы с Клодом побежали сообщить ему, что он больше не будет спать внизу.

Теперь со всех сторон были слышны разговоры, которые начинались со слов:

— Когда святой отец вернется...

К нам в дом стали приходить все те, кто подписывал прошение сразу после нас. И мадам Баптис, и Пол, и Будо. Жители были благодарны нам за проявленную инициативу и считали, что это мы вернули Беранже, к которому все они уже успели привыкнуть и так полюбить. Почти во всех домах начались генеральные уборки, все готовились к приезду Беранже.

Ну а я была просто на седьмом небе от радости. Я вбила себе в голову, что Беранже возвращается из-за меня. Ко мне! И я поняла, что не смогу больше выносить Жерара с его тупыми шутками и недалекими взглядами. Я решила порвать с ним отношения. Понемногу я стала избегать встреч с ним. В конце концов мама заметила это и сказала:

— Ты можешь не выходить за него, Мари, но хотя бы не относись к нему как к собаке: то позовешь, то оттолкнешь! Ну имей хоть немного снисходительности!

Приближалось лето, а вместе с ним приближался и день возвращения Беранже. Я становилась все более озабоченной. Я боялась, что он меня забыл. Я мечтала о нем, бредила им, желала его. Меня стали раздражать поцелуи Жерара, а теперь, в преддверии возвращения Беранже, мне казалось, что каждый раз, когда я целовалась с ним, я грешила. Что я могла с собой поделать, если с Жераром я просто проводила время, а Беранже любила на самом деле. Я знала, что ни отец, ни мать не одобряют моего поведения, если вдруг узнают, кого я действительно люблю. Я молчала об этом, но от общения с Жераром я отказалась. Как и прежде, я ходила к мадам Лапорт, в церковь, делала всю необходимую работу по дому, но свободное время не проводила ни с кем. Я ждала возвращения Беранже.

Как-то, по дороге к мадам Лапорт, Жерар все-таки поймал меня. Он подждал меня на площади и, внезапно схватив за руку, остановил. Он сказал, что ему нужно поговорить со мной наедине. Я грубо ответила ему:

— Что тебе от меня нужно?

— Мари, неужели ты не можешь уделить мне и минуты? — Он потащил меня по площади, куда-то вниз по ступеням, потом толкнул меня в сторону ограды, спиной я оказалась прижата к цветочному кусту с шипами, и они вцепились в мои волосы, словно пальцы.

— Я хочу спросить, выйдешь ли ты за меня замуж?

Не удержавшись, я рассмеялась.

— Что? — спросила сквозь смех.

Он осмотрелся вокруг, чуть помедлил и произнес:

— Ты слышала, что я сказал.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, Жерар? — проговорила я. — Ну, честно, почему?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну мы же совершенно не подходим друг другу. Почему бы тебе не спросить других десятерых девушек, которые были у тебя и любят тебя до сих пор?

Он стиснул зубы и продолжил:

— Я спрашиваю тебя!

— Послушай, Жерар, это не очень хорошая идея, не надо нам жениться. Мы поубиваем друг друга в первую брачную ночь.

— Да нет, я этого не сделаю. — Он схватил меня руками за голову и притянул к себе.

Я постаралась вывернуться и сказала:

— Нет? Тогда, может, тебе больше понравится, если я сама себя убью?

Он совершенно озверел и зарычал на меня:

— Так ты не хочешь выйти за меня?

— Нет, Жерар, нет. Как можно ответить еще яснее? Я думаю, что ты скучный, занудный и утомительный. Я не хочу выходить за тебя. И кончено!

— Ты шлюха, вот ты кто! — Эти слова прозвучали для меня как удар хлыста. — Ты все ждешь возвращения своего священника, чтобы раздвинуть перед ним свои ноги, не так ли? Разве ты не видишь, как я пытаюсь спасти тебя, пока ты ею не стала?

Я была поражена не только от его слов, но и оттого, что он знал про мои чувства к Беранже. Я отвернулась от него и попыталась подняться вверх по ступеням, но он схватил меня и прижал к себе с такой силой, что я еле могла дышать. Потом повернул меня к себе и поцеловал сильно и страстно. Я попыталась закричать, но его губы полностью закрывали мои, и звук просто не мог прорваться. Одной рукой он схватил меня за грудь, другой сорвал с меня юбку и начал расстегивать блузку. Он сорвал бы с меня всю мою одежду, если бы внезапно не появилась мадам Лапорт с маленьким серебряным пистолетиком в руке.

— Почему бы тебе не пойти домой, Жерар? — учтивым тоном проговорила она.

Он отпустил меня, и я отвернулась. Он отступал медленно, но когда достиг тропинки, побежал стремительно, не оборачиваясь. Скоро его совсем не стало видно. Но перед тем, оказавшись на безопасном расстоянии, он крикнул:

— Шлюха и предательница — прекрасная пара! Мари, ты когда-нибудь думала о том, что можешь никогда не соблазнить своего дорогого священника? Разве ты не понимаешь — никогда нельзя доверять евреям, — в заключение выкрикнул он и сразу же исчез за углом по направлению к деревне.

Я пыталась привести в порядок свою одежду, но Жерар разорвал ее почти в клочья. Растерявшись, я никак не могла сообразить, как же мне дойти домой. Мадам Лапорт стояла как ни в чем не бывало, спокойно убирая пистолет в маленький потайной карманчик платья. Она будто бы и не слышала его по-

следних слов. Я пыталась стереть слезы со своего лица. Волосы мои были растрепаны.

Мадам вздохнула, но я не увидела проявлений гора и боли на ее лице. Она аккуратно убрала свой пистолет и с нежностью подала мне руку.

— Идем домой, Мари, — сказала она, — позволь мне предложить тебе одежду.

Итак, она подала мне руку, и я приняла ее. Физическая поддержка была мне сейчас так же необходима, как и психологическая. Мы вошли в замок через кухню. Мадам Сю во все глаза уставилась на меня, когда мы вошли, но не проронила ни слова.

Наверху мадам подобрала для меня платье и сказала, чтобы я переделалась в ее спальне. Я сбросила свою безнадежно испорченную одежду и переделалась в то, что нашла для меня мадам. Все тело ломило, я с трудом могла двигаться. Видимо, вырываясь от Жерара, я так напрягалась, что потянула мышцы, но что я против него! А сейчас я не могла застегнуть платье, оно было приталенное, а пуговицы — сзади. Доброе расположение мадам — это было замечательно, но из головы никак не уходил пистолет. Я так была удивлена, что она оказалась в нужном месте и в нужное время, придя мне на помощь, что забыла спросить, откуда у нее пистолет. Пока я переодевалась и раздумывала, слезы высохли совсем. Я стала разглядывать ее спальню. Выглядела она как комната одинокого человека. Было очевидно, что жила она здесь одна. Односпальная кровать, маленький дамский столик, такой же аккуратный, как и книжные полки, и прикроватная тумбочка. Несколько писем и небрежно лежащих книг не создавали беспорядка. На дамском столике лежала щетка для волос, расческа, зеркальце — все серебряное. Я села перед зеркалом, за столик, и принялась рассматривать себя. Мой пучок съехал набок. Щеки запали, словно я была больной. Да, да, я выглядела больной, пьяной, идиоткой,

да как угодно, только совершенно не похожей на себя. Я оделась, заново причесалась, припудрилась, постаралась хоть как-то привести себя в порядок.

Окна мадам выходили на церковь. Она могла наблюдать мессу прямо из окна. Я все гадала, действительно ли она еврейка. И не было ли это, в таком случае, грешно, что ее окна выходили на церковь? Мне так хотелось верить, что Жерар сказал неправду. А если нет, то как же она могла выйти замуж за католика, за мэра. Он-то евреем не был! А людей разных вер повенчать не могли. Этот вопрос почему-то не оставлял меня в покое. Меня и раньше удивлял их брак, а теперь, после того как я увидела эту комнату, совершенно перестала что-либо понимать. Это была комната женщины, которая проводит ночи одна.

Я положила расческу на место, вышла из комнаты и направилась в библиотеку, намереваясь встретиться там с мадам.

Она уже ждала меня и налила мне маленький стаканчик бренди. Я выпила. Оно обожгло мне горло.

— Платье тебе идет, — сказала мадам.

— Спасибо, — ответила я, чувствуя себя неловко в нем. Оно сидело на мне как-то не так.

— Присядь, Мари. — Жестом она указала на стул.

— Спасибо, мадам, за вашу доброту. Я перед вами в долгу.

— Я рада, что пришла вовремя.

— Как вы узнали, что я там? Вы нас услышали?

— Я видела вас из окна. Когда Жерар потащил тебя прочь с площади, я заволновалась. Я не могу оставаться в стороне, когда мои друзья в опасности.

Это был первый раз, когда она назвала меня другом. Для меня это было и неожиданно и приятно одновременно.

— Жерар — свинья! — сказала я, голос мой дрожал. — То же самое он проделал и с Мишель в про-

шлом году. Я случайно застала их. — Эта догадка пришла мне в голову только в разговоре с мадам. Я удивилась совпадению и обрадовалась, что помогла тогда своей сестре. Что у меня была возможность ей помочь. Случайно! — Но вещи, которые он говорит о вас, — это просто уму непостижимо!

— То, что он сказал обо мне, Мари, — это правда. — Она стояла у камина, от которого в комнате было очень тепло, и все равно она была мертвенно-бледная, и мне казалось, что она немного дрожала. В руках она держала свою кошку, легким движением большого пальца поглаживая. — Я еврейка. И это я написала в Духовенство клязу на святого отца перед выборами. И я не считаю себя предательницей. Это уже домыслы Жерара.

Мне стало не хватать воздуха, будто я получила удар в живот. Я стиснула пальцами стакан так сильно, что еще немного, и он, наверное, треснул бы.

— Надеюсь, я не потеряла твое доверие, — вдруг закончила она. Мадам усадила кошку на коврик перед камином и подошла к столу. — Я и не думала, что святой отец для тебя больше чем просто друг. Хотя Жерар не тот человек, который может верно оценивать ваши отношения. — Она открыла верхний ящик стола и переложила пистолет из своего кармана в ящик. Затем она села на пуф перед столиком и положила на него руки.

— И да, и нет. Все не совсем так, как сказал Жерар. — Я почувствовала, как запылали мои щеки, и сделала еще один маленький глоток бренди. — Он для меня как член семьи.

Мадам лишь кивнула и посмотрела на свои руки.

— Я сожалею, если причинила тебе боль.

Я набрала в легкие побольше воздуха:

— Почему вы так сделали? Зачем вы написали в Духовенство?

Она снова вздохнула:

— Я не согласна с его позицией и взглядами. С тем, как он проводит службы и что на них проповедует. За него не должны были голосовать. Надо было как-то это предотвратить.

— Почему? — упиралась я, хотя полностью была согласна с ее мнением.

Она грустно улыбнулась:

— Мне следует задуматься, почему ты так настойчиво интересуешься.

— Вы поступили так, потому что вы еврейка? — заметила я.

— Моя национальность тут не играет роли. Религия не придает этому значение. Только правительство.

— Но ведь вы же его совсем не знали, — запротестовала я, чувствуя, как учащенно забилось мое сердце. — Вы никогда не ходили в церковь, кроме того раза!

— Мне было достаточно одного раза, чтобы услышать то, что я слышала.

— Вы хотели избавиться от него.

— Мари, я не думаю, что это мудро с нашей стороны, обсуждать сейчас то, что мы обсуждаем. Пожалуйста, приходи завтра, если хочешь! — Она встала и вышла за дверь. Я поняла намек и последовала за ней к выходу.

Я не вернулась ни на следующий день, ни в какой другой. Я заняла сама себя тем, что помогала моей матери готовиться к встрече Беранже. Я никому ничего не сказала о Жераре, а мама ничего и не спрашивала о том, почему он перестал приходить к нам. Я подумала, что теперь его «чувства» явно иссякли. Он же, перестав со мной общаться, поступил довольно гнусно, распустив слух, что якобы он потерял ко мне интерес, потому что я холодная и бесчувственная, что только хорошо выгляжу, а больше во мне ничего и нет. А я скучала по библиотеке мадам, по моим вечерам чтения, по пирогам мадам Сью, по самой мадам

Лапорт и по той жизни, которую разрушила сама, своими руками. Но я не могла простить ее за то, что она сделала. Это по ее вине Беранже отправили так далеко от меня, так надолго, и этот факт перекрыл все положительное, что было связано с именем мадам Лапорт.

Итак, я готовилась к возвращению Беранже.

* * *

Он вернулся июльским вечером, почти что через год с того дня, как вынужден был уехать. Был очень теплый и ясный день. Мы все встречали его около дома, который выделили ему власти, мэр даже произнес речь, а мой отец был горд тем, что затеял все то, что помогло нам вернуть Беранже назад. Беранже пришел в восторг, когда увидел, как мы устроили все в его доме. Он крепко обнял моего отца:

— Это все ваша идея, я знаю, Эдуард, так ведь?! Спасибо! Теперь я буду снова рядом с вами.

Отец рассмеялся.

— Я на это надеялся, — ответил он.

Булочник, месье Флитч испек огромный торт, апельсиновый с шоколадом. Теперь, когда все приветствия и рукопожатия были закончены, мы начали есть торт и пить чай в честь возвращения Беранже.

Беранже, не переставая, рассказывал нам о своей жизни в Нарбонне.

— Я столько времени провел с несносными мальчишками! И вы не представляете, что этот город весь пропах тухлой рыбой. Каждый день я только и мечтал о том, чтобы вернуться сюда, в эту прекрасную деревню.

— Ну, так давай, — подтрунил над ним мой отец, — наставь нас на путь истинный. Хочешь, чтобы у тебя снова было столько друзей, сколько нас тут? Сможешь хранить все наши секреты?

Беранже засмеялся:

— А вы действительно готовы доверить мне все самое сокровенное?

Тут в разговор вступила старая мадам Лиль:

— Святой отец, расскажите лучше, какие заведения вы посещали в Нарбонне.

— О, ну я ходил в разные салоны.

— И вы даже были в салоне мадам Лебадо?

— О, она очень красивая леди. Очень образованная и интеллигентная.

— И почему вы решили туда сходить, святой отец?

— Вы хотите узнать?

В таком русле разговор продолжался очень долго. Перебивая друг друга, люди задавали ему вопросы, желая узнать как можно больше. Он всем все подробно рассказывал и отвечал на все вопросы. И вот, спустя какое-то время, когда любопытство слегка поискало, Беранже вдруг сказал:

— Ну ладно. У меня есть для вас сюрприз. Хотел сообщить вам на воскресной мессе, но не могу удержаться. У нас появилась возможность получить подарок от человека, который очень интересуется нашей деревней. Подарок этот, конечно же, денежный. Сумма достаточная для того, чтобы отремонтировать церковь. Пожалуйста, пусть каждый выскажется, что, по вашему мнению, тут надо изменить, отремонтировать, привести в порядок.

Послышался гомон и шепот. Все обсуждали услышанное. Мой отец спросил:

— Так откуда деньги?

— Тот, кто их решил подарить, пожелал остаться неизвестным.

Опять перешептывание.

— Так вы будете мне помогать?

Стояла гробовая тишина. Вдруг кто-то пропел «Аллилуйя», и несколько человек его поддержали.

На лицах появились улыбки, было видно, что Беранже остался доволен тем, как люди прореагировали на его слова.

Мне трудно описать словами, что я испытывала, когда Беранже вернулся. Я постоянно искала случая, чтобы остаться с ним наедине. Я приходила к нему на мессу, на исповедь, но даже это не давало мне возможности почувствовать, что мы одни. Постоянно кто-то вмешивался, перебивал, искал и требовал его внимания еще более настойчиво, чем я. Он никому не мог отказать в общении, и мне казалось даже, что он нарочно избегал случая остаться со мной наедине.

Время текло незаметно. За всеми моими домашними делами, за всеми моими ежедневными обязанностями я и не замечала, с какой скоростью оно пролетало. А я по-прежнему искала встречи с Беранже, только теперь я стала себя уговаривать, что делаю это лишь для того, чтобы «просто поговорить».

Я наблюдала за тем, как постепенно приходит в порядок наша церковь. Как ремонтируют крышу, как меняется убранство внутри, какое внимание уделяется реставрации алтаря и как радостно и оживленно жители нашей деревни помогают Беранже во всех его начинаниях. Как радовался он сам тому, что люди так охотно откликнулись и приняли участие в таком непростом деле.

Конечно, ремонтом занимались не только жители. Беранже нанял строителей-кровельщиков из Люмокса, для того чтобы они отремонтировали и покрасили крышу. Старый месье Бадо все сокрушался, как может Беранже так расточительно тратить деньги, пусть и просто подаренные, на таких дорогих рабочих, как эти, из Люмокса. Беранже лишь пожимал плечами и отвечал:

— Это обитель Божья. Тут считаться не стоит.

Я помогала во всем, где только можно, даже убирала легкий строительный мусор. Но, что бы я ни делала, я все время поглядывала на Беранже. Участвуя во всем происходящем, я ощущала себя единым целым с ним. Иногда я думала: неужели есть еще кто-нибудь, кто, помогая, вкладывает всю свою душу так, как я!

Несмотря на то что Беранже почти каждый день, как и прежде, обедал и ужинал у нас, моя мать взяла на себя обязанности по его дому. Я и там помогала ей. Я старалась проводить как можно больше времени в атмосфере, которая так или иначе имела хоть какое-то отношение к нему.

Я все еще не до конца верила в то, что просвирка в вине — это тело и кровь Христа. Я много спорила на эту тему, так как прочитала достаточно литературы у мадам Лапорт, в которой утверждалось, что это не так. Чем больше я узнавала о вере вообще, тем меньше становилась моя собственная.

Но Беранже ничего не замечал. Он был доволен моей внимательностью на мессах и хвалил меня за это. Он просил меня собирать для него чертополох, и я ему не перечила, а делала это с удовольствием. Это же было для него!

Я перепробовала все возможные методы заставить Беранже хоть где-то одного, но все было напрасно. Единственное, что у меня было, — это возможность находиться рядом с ним, в кругу других людей, и вдыхать один с ним воздух. У меня было, казалось, несбыточное желание подержать его за руку, погладить по волосам. К счастью, у меня хватало сил не делать всего этого. Я старательно сдерживалась, хотя и продолжала уверять себя, что я ищу встречи с ним только для того, чтобы поговорить.

Наконец-то ремонт церкви был закончен. Был положен пол и заменены скамейки. Теперь можно было заниматься убранством внутри. И люди, у которых

возникали какие-то идеи, советовались сначала с мамой или со мной. Они рассуждали так, что если это понравится нам с мамой (ведь мы были к нему ближе всех), то можно отправляться с этим предложением уже напрямую к нему.

Иногда жители деревни забавляли Беранже наивными, почти детскими вопросами:

— Как вы думаете, святой отец, стало лучше с хорошей крышей?

Тогда Беранже смеялся и шутил в ответ:

— А как вы думаете, может, лучше стоять под открытым небом и слушать мессу под проливным дождем, ветром или снегом?

В то непонятное и неупорядоченное время я сделала наше первое открытие.

Изгнание бесов

Ночь, когда он наконец излечил ее, была безлунной. Он провел целый день в молитвах под немилосердно палящим солнцем. Она ходила к ближайшему колодцу семнадцать раз, чтобы принести ему воды, и всякий раз возвращалась с пустым ведром, потому что люди, толпой окружавшие его, останавливали ее и выпивали всю воду. В последний раз она упала на землю и в отчаянии разрыдалась. Она ненавидела толпу, толпа была жестокой, грязной, оборванной. Так много людей — калек, уродов, больных. Дети с распухшими животами и деревяшками вместо ног. И кругом — глаза, огромные глаза, молящие о помощи, похожие на глаза коз, предназначенных для жертвоприношения. Разве можно помочь им всем? Мириам плакала, пока ее рыдания не перешли в истерический смех, она стала кататься по земле.

Когда припадок прекратился, она заметила, что вокруг нее собралась небольшая толпа.

— Это она с ним? — спросил один человек.

— Она — его жена, — ответила какая-то старуха.

— Не говори глупостей, — сказал еще кто-то, — как может такой демон быть его женой?

— Если бы она была его женой, он бы, наверное, уже давно вылечил ее.

Мириам с трудом встала на ноги и убежала в поле, подальше от взглядов и обвиняющих голосов. Она добежала до большого валуна и спряталась в тени от толпы. Она пробудет здесь до темноты. Когда все эти люди разойдутся.

Она видела, как несколько человек развели костер и собрались вокруг него, но она не хотела присоединяться к ним, потому что знала, что они стыдятся ее. Она хотела быть возле Иешуа. Она хотела, чтобы он излечил ее, но ей было страшно. Она жила, одержимая бесами, всю свою жизнь. Как же она станет жить без них?

И все же ей хотелось быть с ним рядом, заботиться о нем. Она хотела касаться рукой его запавших щек, водить пальцем по его запекшимся от жажды губам, класть голову ему на плечо, чувствовать его дыхание. Она хотела ощущать прикосновение его жестких пальцев к своей коже, как он касается ее плеч и спины, как он ощупывает ее живот, ноги. Ей хотелось, чтобы он превратил ее в нечто целое. Ей хотелось, чтобы он обнимал ее, потому что чувствовала, что без его рук она рассыплется на части, а ее душа всплывет вверх, как масло на воде, и испарится в этом сухом и неприветливом мире.

— Иешуа! — крикнула она. — Иешуа!

Она выкрикивала его имя снова и снова, пока не услышала звук шагов, приближавшихся к ней. Она протянула руки вверх, ожидая, что он обнимет ее, но это был Кефа.

— Его здесь нет, — сказал он. — Ты не можешь замолчать?

— Где он? — спросила она.

— Он ушел, чтобы молиться. — В руках у Кефы был факел, он поднес его к лицу Мириам. Она заморгала и отпрянула назад. — Почему ты не моешься? Ты такая грязная и мерзкая.

Она зашипела на него, как змея. После того как он ушел, Мириам уснула.

Несколько часов спустя она проснулась. Ей показалось, что что-то изменилось вокруг, как будто бы ветер перестал дуть и стих. Она села и приложила руки к камню, который все еще был теплым от нагревшего его за день солнца. Ее пальцы нащупали что-то твердое и мягкое — кожу. Испугавшись, она отдернула руки.

— Это я, Мириам, — сказал он. Он сидел с ногами на камне, и то, на что наткнулась рука Мириам, была его нога в сандалиии. Он спрыгнул на землю. — Я не хотел будить тебя.

Она встала:

— Я хотела сказать спасибо.

— Зачем ты звала меня?

— Ты слышал? — спросила она.

— Я был не очень далеко.

Она не знала, что ответить. Он стоял прямо перед ней, она чувствовала его дыхание. Его плечи расправились, и она представила себе, как он обнимает ее и прижимает к себе, как его твердые пальцы гладят ее по спине. Мириам хотела, чтобы он сказал, какая она необыкновенная, чтобы он громко вслух произнес, что любит ее больше, чем других. Но как могла она просить его сказать такое? Его глаза, большие, темные, с тяжелыми веками, напомнили ей глаза, что она видела у людей в толпе. Ей было понятно, что ее мечты о нем были такими же безнадежными и невысказанными, как и мечты и желания многих других.

Она была всего лишь одной из птиц, которые клевали крошки у его ног. Она отвернулась и убежала в темноту.

— Мириам! — позвал он и последовал за ней. Она побежала быстрее, чувствуя, как ремешки ее сандалий врезаются в кожу на ногах.

— Не убегай, Мириам! — кричал он. — Ты всегда убегаешь!

Она почувствовала движение воздуха возле своего локтя, когда он попытался схватить ее за руку, но она вырвалась и побежала дальше. Колодец был далеко впереди, она проделала этот путь столько раз за прошедший день, что смогла бы найти его даже в темноте. Это будет долгое падение, и вода будет холодной и черной, но не чернее этой ночи.

Она добежала до колодца и ухватилась за камень рукой, затем перебросила одну ногу через край колодца. Из глубины поднялся холодный ветер, она колебалась какое-то мгновение, словно почувствовав леденящий холод воды. В этот момент он схватил ее за талию обеими руками и оттащил от края колодца, поцарапав ей ногу о камень. Он швырнул ее на землю и встал рядом, тяжело дыша.

Она свернулась в клубочек.

— Встань! — велел он.

Она не двигалась.

Он прикрикнул:

— Встань, Мириам! — Он схватил ее в охапку и поставил на ноги, но она снова упала на колени, зарывшись лицом в грязь и прикрывая голову руками. Он может ударить ее, если захочет; она больше никогда не станет смотреть ему прямо в глаза.

— Мириам! — снова с мольбой выкрикнул он. Потом она почувствовала, как он опустился рядом с ней на колени, накрыл ее руку своей. Он прошептал, все еще не отдышавшись от быстрого бега:

— Разве ты не знаешь, Мириам? Разве ты не знаешь, как ты нужна мне?

Она заплакала, ее слезы падали на пыльную землю. Он взял ее за локоть и осторожно поднял, ее лицо оказалось прямо перед его лицом. Он пригладил ее волосы, стряхнул пыль с ее щек, взял ее за подбородок и поцеловал в губы. Его губы были сухими. Она не открывала глаза, ей хотелось только чувствовать, но не видеть. Мириам ощущала тепло его дыхания. Потом все куда-то исчезло. Она открыла глаза. Он стоял на коленях в пыли прямо перед ней, вытянув руки вперед, с повернутыми вверх ладонями, как будто бы хотел, чтобы она положила в них подарок.

— Позволь мне излечить тебя, Мириам, — сказал он. — Ты нужна мне. Дай мне вылечить тебя.

— О, учитель, — сказала она. Она опустила голову вниз и скрестила руки на груди, как это делали другие.

И пока все семь бесов покидали ее один за другим, вопя, как вздорные чайки, сотрясая ее тело конвульсиями, он держал ее в объятиях. Когда же и последний ушел, заставив ее испытать мучительные боли, вокруг воцарилась тишина. Был слышен только стрекот цикад и биение его сердца, так близко, как будто бы биение звучало у нее в голове. Он поднял ее и понес через поле, назад к огню, где уложил на постель из трав. Он накрыл ее плащом и сидел рядом, положив руку ей на голову, согревая ее до тех пор, пока она не уснула.

Глава VI

Однажды ранним весенним утром, перед мессой, когда я подметала пол в церкви, прямо позади меня появился месье Лебадо.

— Извини меня, Мари, но я хочу что-то тебе показать.

Я последовала за ним к лестнице, ведущей на колокольню. Он указал на старую дубовую балюстраду, которая прежде была своеобразным фризом, украшавшим свод церкви. Она валялась у подножия лестницы, а вокруг нее куски штукатурки.

— Я пришел звонить в колокол, — говорил месье Лебадо, — и наткнулся на все это. Ведь балюстраде сотни лет. Она стояла тут с момента постройки церкви. У этих парней из Люмокса нет причины сносить ее.

Я наклонилась к балюстраде, чтобы ее поднять, и заметила странный блеск внутри. С одного края был отбит кусок, он лежал недалеко на полу. Наверное, при падении он откололся, обнаружив внутри балюстрады отверстие, в котором что-то блестело.

Я выпрямилась, постояла перед ним, но так, чтобы месье Лебадо не заметил обнаруженного мною отверстия:

— Да, вы правы. Я замолвлю словечко святому отцу.

— Какое несчастье, — проворчал он и отправился на колокольню.

Когда он исчез из виду, я запустила руку в отверстие и достала маленький серебряный флакончик, закупоренный пробкой с выгравированными вензелями А. В. Я поднесла флакон к носу, надеясь почувствовать какой-нибудь запах, но вдохнула лишь пыль. Тогда я попробовала открыть крышку, я сильно схватила ее пальцами и стала тянуть — не поддавалась. Еще раз. Еще раз. Получилось.

Колокол прозвенел несколько раз, пять или шесть. Одной из своих шпилек я попробовала достать что-то из узкого горлышка флакона. Сначала сыпался лишь мусор, за ним выскочила бумажка, скрученная в тонкую трубочку.

В этот самый момент я услышала, как спускается месье Лебадо. Я быстро спрятала флакон в карман и притворилась, будто размышляю над тем, как можно исправить то, что разрушили рабочие. Он остановился на последней ступеньке, посмотрел на балюстраду и тяжело вздохнул.

— Прости меня, Мари, но если ты знаешь, что еще хочет изменить или перестроить святой отец, лучше скажи мне сразу. Еще одной такой картины я не переживу. — Тон его был такой недовольный, будто это была моя идея реставрировать церковь.

— Ничего не могу вам сказать, он не обсуждает свои планы со мной, — ответила я.

Месье Лебадо с удивлением посмотрел на меня:

— Он поступает так, будто все здесь старое и прогнившее, но это не так. Хотя церковь и старинная, но здесь много чего простоит еще века. Скажи ему и это

тоже, Мари. — Он спустился с последней ступеньки и стал медленно удаляться.

Я же села на лестнице и стала бережно разворачивать бумагу, она была очень хрупкая. Вверху листка был эскиз чего-то похожего на нашу церковь. Художник явно пытался обратить внимание на алтарь, самый маленький, который находился у северной стены, посвященной Святой Деве Марии, с черными плитами перед ним.

Ниже эскиза было несколько строчек текста, похоже, на латинском языке, написанных неровным почерком.

Я вошла в основной зал церкви. В этот же момент туда пришла мадам Флетч, жена булочника. Она встала на колени перед алтарем и читала молитву, склонив голову. Я свернула бумажку и убрала ее в карман. Затем неспешно направилась к алтарю у северной стены. Я сосчитала количество плит перед ним. Одна из плит прямо у алтаря казалась необычно большой, точно больше, чем все другие на полу. Я стала отходить, поглядывая, не замечали мои действия мадам Флетч. Но глаза ее были закрыты, а губы беззвучно шевелились, произнося слова молитвы.

Я вышла, снаружи никого не было, я снова достала бумажку. Рисунок был точной копией алтаря, вплоть до всех плит на полу. Я заметила новый знак: слабую точку справа в углу самой большой каменной плиты.

Я почувствовала себя очень неловко, стоя здесь, на ярком дневном свете, держа в руках бумажку. Мне казалось, что из-за угла за мной следят и видят мою ладонь насквозь. Я не могла больше носить эту тайну в себе или «в своем кармане»; не понимая, что же я нашла и что теперь со всем этим делать. Я решила отнести все это Беранже, так как точно знала, что он

читает на латыни и прояснит мне наконец, что все это значит.

Он открыл дверь с куском хлеба в руке.

— Заходи, — сказал он, подвигая мне стул к маленькому кухонному столу. Он предложил мне сесть и только потом обратил внимание на выражение моего лица, сам заволновался и спросил:

— Что случилось?

Я резко подала ему флакончик и бумажку. Пока он все рассматривал, я рассказала ему обо всех деталях, которые отметила для себя и смогла запомнить. Особое значение я предала плите у алтаря. Беранже изучал бумажку с интересом.

— Что там написано? Это латынь?

Он выдержал момент, прежде чем ответить.

— Это фрагмент из Писания: «Открылись ли тебе врата смерти? Видел ли ты врата великой темноты?»

— Странно! — сказала я.

Он снова исследовал бумажку некоторое время. Потом, отправив в рот последний кусочек хлеба, сказал:

— Покажи мне, где ты это нашла, Мари.

У подножия колокольни я показала ему деревянную балюстраду, которая, падая, разбилась, и обнажилась щель, из которой я все это и достала. Он наклонился перед ней, как и я, и взгляделся в темноту. И когда он там больше ничего не нашел, он прикрыл щель штукатуркой.

— Замечательно, — прошептал он, вставая.

— Кто-то спрятал это, пытаясь избежать каких-то проблем, — сказала я.

— Да!

— И как вы думаете — что все это значит?

— Мне, правда, нечего сказать, — произнес он, убирая флакон в карман.

— Думаете, там что-то спрятано? Эти знаки кажутся мне намеренными.

— Спрятано? Что, например? — повернулся он ко мне.

— Я не знаю. Что-нибудь дорогое.

— Ты сокровища имеешь в виду? — Глаза его блеснули.

Я пожала плечами, сама тут же усомнившись в своих словах:

— Может быть.

— Возможно, — начал он, — это простая чернильная капля, случайно упавшая на лист, когда писали эту бумагу.

Больше у нас не было времени обсуждать найденное мною. Беранже нужно было готовиться к мессе, а мне надо было идти, чтобы продолжить прерванные дела. Но все последующие часы я могла думать только об этом маленьком флакончике с бумажкой и ни о чем больше. Должно быть, какой-то из прежних священников сотворил это послание, потому что ни один взрослый человек в нашей деревне не мог толком ни читать, ни писать, особенно по-латыни. Они получали все новости на мессе, либо в таверне, либо соседка передавала соседке. Они не могли читать книг, потому что большинство не умели читать, так же обстояли дела с их дедушками и бабушками. Тем более бумага была написана не просто на латыни, а это была цитата из Библии. Кто еще, кроме священника, будет цитировать Библию? Я пришла к выводу, что именно так все оно и было. Но что именно он спрятал под плитой? Может, там содержится какое-нибудь страшное послание от Иова?

Разговор за ужином в этот вечер был напряженным, и весь вечер был заполнен разговорами моей матери. Беранже и я не могли вернуться к обсуждению найденного мною. Я все поглядывала в его сторону, надеясь поймать его взгляд, но, даже поймав,

я ничего не могла разглядеть, столь он был непроницаем. Но вскоре он посмотрел на меня очень пристально. Я не могла понять причину и подумала, что может быть он злится на меня, но не могла сообразить за что.

Мать стала злиться, что никто не обращает на нее должного внимания и никто с ней не разговаривает, бросила ложку на стол и забрюзжала на меня:

— Ну, хватит кокетничать, Мари, ты смущаешь нас обоих.

Когда я завершила все свои дела после ужина, я всем сказала, что должна еще сделать кое-что у священника, и понеслась по пятам за Беранже.

— Это был священник, — заявила я прямо с порога.

Но его не интересовало мое предположение.

— Послушай, Мари, ты ведь никому не говорила о том письме, которое я получил в прошлом году?

— Нет, — выпалила я, удивленная его вопросом.

— Ни Мишель, ни даже своей матери?

— Да нет же, нет! — заверила я его. — Ни одной живой душе, святой отец, как вы и просили.

— Спасибо тебе, Господи! — громко выдохнул он.

— За что? — спросила я.

Он стал мне рассказывать:

— Ты, наверное, уже догадалась, Мари, о нашем благодетеле, который дает нам деньги на реконструкцию церкви?

— Ну, — уклончиво ответила я, — у меня есть подозрения.

— Это тот человек, который восстановил меня в должности местного священника. Я перед ним в долгу.

И он рассказал мне следующую историю.

Однажды ночью к нему в приход пришел человек и принес письмо от высокопоставленной персоны. В письме для него была инструкция, следуя которой он должен был открыть счет в обычном банке

в Перпиньяне. Он переведет туда три тысячи франков для Беранже в течение недели. Так же его информировали о том, что эти деньги он должен потратить на восстановление Ренн-ле-Шато. Он хотел, чтобы Беранже время от времени информировал его о том, как движется восстановление, и чтобы он сообщил, если он найдет там что-то неординарное.

На следующий же день Беранже сел на поезд до Перпиньяна, открыл счет и вернулся в Нарбонн ожидать следующих вестей. Как и было обещано, через несколько дней он получил письмо из Карказона, сообщающее, что его услуги снова понадобились в Ренн-ле-Шато.

— Очевидно, этот человек имеет большое влияние на Церковь, Мари. Должно быть, он действительно силен.

— Да, — согласилась я, изумляясь, — а про этот флакон и письмо? Вы думаете, он про них знает?

— Я не уверен, но я обещал сказать ему, если что-то найду.

— Конечно, — сказала я хмуро. Мне не хотелось приостанавливать наше расследование, тем более раскрывать его перед странным, незнакомым человеком. Мне хотелось написать новое письмо и послать ему во флаконе, а самой отодвинуть камень и посмотреть, что же там на самом деле спрятано.

Беранже, увидев мой настрой, добавил:

— Было бы здорово, Мари, если бы ты помогла мне написать письмо.

Итак, мы провели несколько часов вместе, размышляя, как лучше написать о произошедшем. В кабинете Беранже было очень мило и уютно. У него был большой дубовый письменный стол, маленькая настольная лампа, два стула, таких же массивных и великолепных, как и стол, а над столом

в терракотовой раме висело распятие. Беранже продиктовал первые несколько строчек и снова стал переспрашивать меня:

— Скажи, Мари, как это действительно произошло?

Я снова начала пересказывать ему, и тут он меня прервал:

— А почему бы просто не написать все это так же подробно, как ты рассказываешь. Ведь ты же там была?

Он следил за моей рукой, которая проворно бегала по бумаге, а теперь остановилась, чтобы обмакнуть перо в чернила. Я писала подробнейший отчет, все так, как просил Беранже, себя я называла его домохозяйкой.

— Как хорошо ты пишешь, Мари! — сказал вдруг Беранже, сильно удивившись. Я подняла голову и взглянула на него. Он смотрел на меня так странно, что я почувствовала, что краснею до самых ушей, и снова опустила голову над письмом.

— Где ты научилась так красиво писать? — спросил он. — Мои ученики в семинарии, и те не писали так красиво, как ты, даже наполовину.

— Это все из-за книг, наверное, — предположила я. — Я много читаю. Мне это нравится.

Он почтительно кивнул, и я закончила отчет, более не останавливаясь. Когда я поставила точку, он взял бумагу из моих рук и прочитал.

— Здорово, — похвалил он, — только давай добавим еще строчечку, например: «Я буду ждать Ваших дальнейших инструкций, уважаемый. Ваш священнослужитель, Беранже Сонье».

Я выполнила его просьбу и подала ему бумагу, чтобы он ее подписал.

— Интересно, что он будет делать? — спросила я и тут же добавила: — Как вы думаете, он попросит нас отодвинуть камень?

— Понятия не имею, — сказал Беранже, потом помолчал, размышляя о чем-то, и добавил: — Мы должны ждать его указаний!

Итак, мы ждали! О-о, это было время бесконечных ожиданий. Я ежедневно подходила к этому алтарю, поднимала камень взглядом и представляла себе, что я там найду, когда мне представится такая возможность. Может, там украшения? Может, посуда, инкрустированная драгоценными камнями? А может, ценная историческая книга или что-то еще. Каждый раз фантазии моей не было предела.

Но проходили недели за неделями, один месяц сменял другой, а нам никто так и не отвечал. Я принялась уговаривать Беранже поднять камень, не дожидаясь ответа. Я объясняла ему, что никакого греха в этом нет, что ничего плохого не случится. Возможно, тот человек по каким-то причинам не получил нашего письма, возможно, получил и ждет, пока мы самостоятельно поднимем камень и напишем ему подробный отчет о том, что именно мы там нашли.

Но Беранже упорно отказывал мне, настаивая на том, что мы должны ждать, что человек этот влиятельный, а главное, заинтересованный, иначе не стал бы просить о такой услуге, тем более хлопотать о том, что бы его перевели обратно в Ренн-ле-Шато, да еще дали средства на реставрацию. Ждать, ждать и ждать. Так настаивал Беранже, и я не могла пойти вразрез с его убеждениями. Казалось, выдвигаемые мною предположения о том, что именно было спрятано под камнем, не интересовали его, лишь однажды он сказал:

— Может, это какой-нибудь тайный шифр? Да что уж гадать! Наверняка там что-то есть.

— Как вы думаете, что там?

— Я, правда, даже и представить себе не могу, Мари!

Чтобы отвлечь свое внимание на что-то другое и отстать от Беранже с расспросами и домыслами о том, что же все-таки лежит под плитой и когда мы это узнаем, я решила навестить мадам Лапорт. С некоторым удивлением я поняла, что не была в замке уже больше года, с того самого момента, как произошел этот ужасный случай с Жераром. Я, конечно же, вернула ей одежду, которую она одолжила мне, но больше не возвращалась в замок. Несколько раз я встречалась с мадам просто в деревне, но мы не перекинулись и парой слов.

Уже на следующий день я стояла у нее на пороге с тарелкой печенья в руках. Раздражение, которое я почувствовала к ней однажды, прошло, как только я вспомнила ее доброе отношение ко мне. А от того, как она меня приветливо встретила, я просто ожила — словно ничего не случилось и не было этой разлуки сроком больше года. Она пригласила меня войти и попросила мадам Сю принести кофе в библиотеку.

Мое поведение с мадам очень отличалось от моего поведения с Беранже. С Беранже я могла быть сама собой, пошутить, поиграть, поделиться с ним чем-то, требовательно о чем-то просить, с мадам же все было совсем по-другому. Тут я была спокойной, уравновешенной, интеллигентной и даже чуточку жеманной. Ее присутствие не давило меня, но обязывало к совершенно другому поведению.

После того как мы поговорили с ней немного о пустяках, предусмотренных светской беседой, мадам спросила, не пришла ли я выяснить, зачем мадам написала в Духовенство на Беранже

— Да нет! — запротестовала я. — Все это уже давно в прошлом.

— Я хочу кое-что рассказать тебе, Мари. И думаю, тогда ты увидишь некий свет в произошедшем.

— Ну, тогда хорошо. Раз вы настаиваете.

— Я родилась не здесь, в Ренн, — начала она, — а переехала сюда, будучи девочкой, из Лиона, где провела все свое детство. У моей семьи там была вполне хорошая жизнь. Мой отец старался дать мне разностороннее образование — водил меня по музеям, учил английскому, латинскому и ивриту. Я была единственным ребенком. Мы вместе танцевали по вечерам после ужина, мама играла менуэты и вальсы на пианино, а отец кружил меня по комнате, будто я была первой леди в высшем обществе. — Казалось, будто она переносилась в то время, пока, вспоминая, рассказывал мне о нем. Потом она замолчала и сидела, глядя прямо перед собой отстраненным взглядом, затем продолжила:

— Мой отец был человеком высоких принципов. Он был идеалистом. Он был уверен, что человек не должен отдавать свою судьбу в руки Господа, а должен сам заботиться о себе. Он изучал историю, всегда был на стороне всего нового, но революционером не был. Он ненавидел войны и любил свою страну. Он писал в газеты, восхваляя Францию и настаивая на том, чтобы евреям давали гражданство. Он был уверен в том, что Франция была самой прогрессивной страной, лидирующей во всей Европе. Он любил такие слова, как «свобода», «равенство», «священность».

Она посмотрела на свои руки, лежащие на коленях, посидела, подумала, опустила их и сказала:

— Его убило сборище антисемитов прямо перед Пасхой. Они вытащили его из своего дома и насмерть забили дубинками и прикладами ружей. Рот ему они заткнули кляпом из газет и подожгли его. В наследство нам осталось немного денег, и мама

была вынуждена отправить меня с двоюродным братом моего отца жить сюда, в Ренн-ле-Шато. Больше живых Лапортов не осталось во Франции.

— Так мэр Лапорт ваш родственник? — выпалила я, сразу же устыдившись собственного тона. Ее признание взволновало меня, и у меня не нашлось ничего более подходящего, чтобы ответить.

— Второй кузен. Да.

— Но он же не еврей.

— Нет. Мой дедушка, отец моего отца, оставил веру, женившись на моей бабушке. Они были не такими людьми, как все. Когда моя мама написала мадам Лапорт, матери Филиппа, — это был первый раз, когда наши семьи пошли на общение друг с другом за тридцать лет; семейство Лапорт согласилось меня принять, но только без моей матери.

Я представила себе маленькую мадам Лапорт, с трудом взбирающуюся на холмы, еле плетущуюся с тяжелой корзиной или чемоданом, в грязи и пыли.

— И что она сделала?

— Она вернулась в Лион. Она не могла оставаться в Париже.

— Я сожалею о вашем отце.

Она нетерпеливо тряхнула головой:

— Я рассказываю все это тебе, Мари, не для того, чтобы вызвать у тебя жалость, а для того, чтобы ты поняла, почему я написала о Беранже. Религия очень могущественна. Она может принудить человека поступить так, как он не хочет. То, что проповедует Беранже, — просто опасно. Смотри, как все стараются следовать его примеру, походить на него, буквально-таки смотрят ему в рот. Они пойдут за ним, куда угодно, ему стоит только пальцем поманить. Я не могу допустить, чтобы с кем-то здесь произошло что-то похожее на то, что произошло с моим отцом из-за религии и антисемитизма. Он использует

христианские идеи не во благо людей, а во благо себе, а они не видят этого. Разве священник или вообще Церковь могут так поступать? Разве можно отделять душу от тела в живом человеке? У мужчин, которые убили моего отца, было очень сильное чувство веры. Они были фанатами.

Я кивала, думая о ее пистолете. Испытывала ли она когда-нибудь чувство страха за свою собственную жизнь?

— Поэтому я поступила так, — продолжала она. — Церковь никогда не должна быть партнером правительству. Каждый человек должен сам владеть своей душой и телом, а не так, чтобы правительство — телом, а Церковь — душой!

Хотя лицо ее и было спокойным, чувствовалось, что в душе ее бушует буря, а голос дрожит и от него веет холодом. Никогда раньше я не видела ее эмоций и никогда впоследствии, кроме этого дня.

— Надеюсь, я не сказала слишком много. — Откинувшись на спинку кресла, она посмотрела на меня. — Я знаю, ты верующая католичка, Мари. Я знаю, ты найдешь в себе силы и будешь с радостью посвящать себя религии. Я завидую тебе, но не в этом.

— Да, конечно, — пробормотала я. Сейчас было не время обсуждать с ней мои собственные крушения иллюзий. Они казались слишком банальными, не имеющими значения по сравнению с тем, что она рассказала мне.

— Для меня всегда было загадкой, как люди могут быть такими доверчивыми, такими легкими на подъем, когда дело касается религии, и как некоторые могут так низко пасть, когда дело касается ее же.

— Я думаю, тут не без дьявола обходится, — предположила я.

Она засмеялась:

— Да, это уж точно, Мари. Не без дьявола.

Приближалось лето, а от влиятельного австрийского лица мы так ничего и не получили. Мы с Беранже были обеспокоены: кто закончит начатое, если он так и не ответит, и узнаем ли мы, откуда тут взялся флакон с запиской? Я уже было начала подумывать о том, чтобы ночью тихо пробраться в церковь и поднять плиту самой. Но однажды он поймал меня и наедине сказал, что на следующей неделе нам привезут новый алтарь, а старый надо будет убрать. На мой вопрос, откуда нам привезут новый, он ответил, что когда был в Нарбонне, то встречался со многими людьми, разговаривал на разные темы, и одна очень состоятельная дама нашла его очень приятным собеседником. Она попросила его рассказать о себе подробнее, особенно о тех местах, где ему приходилось работать. Он и рассказал ей о Ренн-ле-Шато. История нашей деревушки так понравилась мадам, что она решила подарить нам что-то, и Беранже, тогда еще не подразумевавший, что с алтарем могут быть связаны такие события, попросил ее о новом алтаре, так как сам давно хотел заменить его. Вот сейчас-то она и решила его прислать.

— Когда рабочие начнут устанавливать алтарь, им будет необходимо поднять несколько камней. Я попрошу их отодвинуть и тот, который отмечен на рисунке. Тогда и посмотрим, есть ли там что-то, подтвердится ли какая-нибудь из твоих гипотез.

Можно и не говорить, как это известие подняло мне настроение. Я ждала прибытия алтаря с необузданным предвкушением.

Итак, он прибыл. Привезенный из-за холмов на мулах, которые валились с ног от усталости. Вся деревня вышла посмотреть на то, как Беранже сам помогает разгружать его и вносить в церковь, не стесняясь того,

что священник вовсе и не должен заниматься такого рода трудом. Люди, привезшие алтарь, сменили одежду, для того чтобы не попортить ее в момент разгрузки. Беранже как был в сутане, так и остался в ней. Алтарь был действительно новый и весь так и сверкал золотом. Когда на него попадали лучи солнца, больно было смотреть.

— Должно быть, вы потратили на него все свои деньги, святой отец, — высказался месье Вердье.

Беранже, казалось, его не слышал. Он стоял и смотрел на сиявший золотом алтарь, пораженный его красотой.

— Хозяин предупредил — вы сами его подкрасите, — сказал один из рабочих.

Беранже кивнул.

— Очень хорошо, теперь давайте будем его устанавливать.

Я засиделась в церкви в тот день, несколько раз подмела пол и вытерла пыль даже в самых недоступных нишах. Рабочим понадобилось много времени, чтобы передвинуть старый алтарь. А за это время я сбегала домой и постаралась как можно быстрее выполнить все свои дела и сразу же бросилась в церковь обратно. Я влетела внутрь и услышала стальной звон инструментов и скрежет, с которым камни с трудом поддавались передвижению.

Наконец они подняли и ту каменную плиту. Беранже кинулся туда, я встала у него за спиной. Под камнем была небольшая ниша, из которой Беранже достал потертую кожаную суму. Я затаила дыхание. Он просунул в суму руку и извлек оттуда старинную книгу в кожаной обложке. Все было в пыли. И сума и книга. Я достала из-за пояса платок и подала его Беранже, чтобы он протер вещи. Страницы книги были высохшими и пожелтевшими, такими же, как и листок, который я достала из флакона.

Перелистав книгу, я не успела заметить, на каком языке она была написана, но предположила, что на латыни, Беранже быстрым движением спрятал ее где-то в складках своей сутаны.

Из-за спины Беранже я увидела на каменной плите очертания какого-то изображения. Я стала вглядываться, но не успела ничего рассмотреть, так как Беранже велел рабочим вернуть камень на место.

— Нет! — выкрикнула я, сама испугавшись своего голоса. — Нет, Беранже, посмотри, там что-то есть.

Все четверо присели на край отверстия, каждый со своей стороны, и опустили головы, чтобы разглядеть то, что увидела я. Из-под камня шел затхлый воздух. В нос ударило сильным неприятным запахом.

— Да, там действительно что-то есть, — сказал один из рабочих.

Внизу был рисунок, похожий на наскальные. Там были изображены два полукруга, напоминающие арки. Наверху одной арки два животных следовали друг за другом, наверху другой — тоже два животных, но их морды были повернуты друг к другу. Под арками были изображены люди, сидевшие на лошадях, с кружками в руках, похоже, они что-то пили. Они были развернуты в разные стороны, видимо, изображая путь каждого в противоположную от другого сторону. Над правым рисунком на потолке арки было вдавлено несколько кружочков, похожих на старинные монеты и поблескивавших, словно золото.

— Сокровища, — ахнул один рабочий, то ли шутя, то ли серьезно.

Беранже взял одну монету в руки, повертел ее, надкусил и сказал:

— Да нет же. Нет. Это не сокровища и даже не деньги. Это старинные церковные предметы. Они не представляют собой совершенно никакой ценности.

Это просто маленькие медали, какими раньше украшали себя маленькие девочки, собираясь в церковь.

— Как вы докажете, что это не золото? — спросил второй рабочий и подозрительно посмотрел на Беранже.

— Если бы это было золото, то на монете остались бы следы от зубов, золото ведь мягкий металл, а на этой не осталось ничего.

Рабочий недоверчиво взял монету из рук Беранже, сам надкусил ее и проверил, не осталось ли вмятины. Действительно не осталось.

— Для меня они выглядят как золото, — настаивал он.

И тут Беранже суетливо начал поторапливать рабочих:

— Пожалуйста, ставьте камень на место, после того, как вы это сделаете, вы можете быть свободны.

— Но почему? — запротестовала я. — Надо получить исследовать камень.

Я понимала, что потом не смогу одна его сдвинуть.

Беранже буквально-таки пригвоздил меня взглядом к стене и прошипел сквозь зубы:

— Это не твое дело, Мари! Делай, как я тебя прошу, пожалуйста.

Волна возмущения накрыла меня с головой, на какое-то время я полностью потеряла контроль над собой.

— Не мое дело? Как это не мое дело? Это я нашла флакон и записку и принесла ее вам! И в заключение ко всему — теперь это не мое дело?

Криком я привлекла внимание рабочих. Они уставились на меня, даже несколько случайных прохожих с улицы заглянули в церковь.

Беранже быстро пошел по направлению к маленькой комнатке — церковной конторке. Я бросилась за ним и уже была готова войти, но он захлопнул за собой дверь. Я начала колотить в дверь и кричать:

— Беранже! Дай мне войти!

Тишина. Только рабочие начали посмеиваться, передразнивая меня. Один, что был помоложе, высоким, почти женским голосом с подчеркнuto просительной интонацией сказал:

— Беранже, о-о, Беранже, пусти меня. — Теперь все они буквально покатались со смеху. Я же отошла от двери и помчалась домой.

Грешник

Она не узнавала сама себя. Незнакомое до сей поры ощущение покоя охватило ее всю — ее мысли были светлыми и тихими, движения стали плавными, размеренными, а волнения, страхи исчезли. Она чувствовала странную легкость, ее мысли словно бы находились в просторной, освещенной солнцем комнате. Ее представления об окружающем тоже изменились: люди, которых она видела раньше сквозь линзы страха и осуждения, которые казались ей жестокими и грубыми, бесчувственными и нетерпимыми, теперь казались ей просто жаждущими любви Бога. Все они были просто детьми, ждущими успокоения. Демоны ушли; ругательства, срывавшиеся с ее губ, забылись сами собой. Ее перестали гнать и бить. Над ней теперь не смеялись и не издевались, у нее больше не болела голова, она перестала чувствовать себя беспомощной и покинутой. И самое главное, она забыла, что такое страх вообще. Страх исчез, а вместе с ним пропало и все то, что сопровождало его: злоба, ненависть, тревога, опасения, одержимость. Каким же темным и бессмысленным был ее мир прежде! Она не могла поверить, что могла жить в такой темноте и унижениях. Жизнь, открывшаяся перед ней теперь, была светлой и легкой, она была светом.

Наступило утро, легкий ветерок возвестил о наступлении рассвета в горах. Он позолотил тропинку, по которой она шла, собирая ветки кедра для костра. Бурые кролики и зеленые ящерицы разбегались перед ней, стараясь скрыться в тени под листьями. Ее лицо и руки, обращенные к костру, сильно нагрелись, ее пальцы переливались всеми цветами радуги от прилипших к ним чешуек от рыбы, которую она чистила. Краски рассвета перешли из желтых в розовые и оранжевые, и вот воссиял в полном свете день! Как он был прекрасен, сколько в нем было радости! Тьма существует только потому, что есть свет. Даже в ночи светят звезды и луна, которые несут надежду и свет, как слабое отражение радости наступающего дня.

Толпа тоже стала другой. Их глаза, доводившие ее до умопомрачения, теперь светились, как отражение света Великого Бога. Они оставались такими же увечными и страждущими, жаждущими помощи и исцеления. Но они больше не пугали ее, потому что теперь ее душа была спокойна. Ее сознание походило на горящий светильник. Этот мир в душе она сейчас хотела передать всем людям, которые толпились вокруг, кричали, роптали и плакали. Она хотела сказать, глядя по головам и щекам:

«Ш-ш-ш, тише, мы здесь всего лишь временно. Оглянитесь, посмотрите, какая кругом красота. Посмотрите, как все прекрасно. Будьте добры друг к другу. Познайте радость. Вы вскоре уйдете отсюда, покинете этот мир».

К их группе присоединились и другие женщины: Йохана, которая покинула двор Ирода, чтобы отправиться вместе с ними, Сусанна, и Шломит, и многие другие. Они стали искать встречи с ней, робко пытаясь прикоснуться к благодати ее обретенного душевного покоя. Поскольку она была молода и не имела положения замужней женщины, она могла

сопровождать Иешуа дольше всех, и это придавало ей особый статус и уважение, которые ее вполне устраивали. Все женщины работали вместе. Они покупали еду и все необходимое, готовили пищу, стирали одежду, сушили ее на камнях, подавали еду, питье, убирали и чистили. Но теперь они казались ей совершенно другими, изменились их жесты, сила голосов. Все стало иным для Мириам из Магдалы. Она была среди них как путеводная звезда.

Толпа, которая следовала за ними, все увеличивалась. Казалось, что Иешуа раздражают все эти люди и в то же время он приветствует их. Теперь он уже не мог прямо обратиться к каждому, если не вставал на возвышение, каменную стену или крышу или даже на борт лодки, чтобы его могли видеть и слышать все и чтобы устоять под натиском толпы. Мириам и другие женщины обслуживали людей, они разносили рыбу и хлеб, подносили воду к запекшимся губам больных, которые слушали Иешуа. Мириам тихонько напевала что-то, двигаясь сквозь толпу людей.

Когда они были в Найне, Шимон — известный ученый и очень богатый человек, который любил развлечения и удовольствия, — услышал о том, что за Иешуа следует толпа почитателей, и пригласил его пообедать за своим столом в числе немногих других приглашенных — известных и уважаемых в городе людей. Леви, который знал Шимона и не любил его, отговаривал Иешуа от этого обеда.

— Он хочет унижить тебя. Прости меня, равви, но он считает себя человеком более знатным и высокопоставленным по сравнению с тобой, и он хочет, чтобы и ты в этом убедился.

Но Иешуа не послушался. Он принимал все приглашения — и от трактирщиков, и от ученых мужей, и от прокаженных и палачей. И он хотел, чтобы Мириам пошла с ним тоже.

— Они прогонят меня прочь, — возразила она, — я ведь женщина, а не жена тебе.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной, — это все, что он сказал.

Она согласилась, но сильно нервничала. Она боялась, что они сами идут в какую-то ловушку, она встречалась с такими людьми, как Шимон, в Магдале — людьми, которых заботит только собственное положение.

Мириам обедала вместе с другими женщинами и детьми в отдельной комнате, где им были хорошо слышны голоса мужчин. Они склонили головы, когда Шимон благословил еду. Они слышали, как мужчины произнесли благословение вину, после чего слуги принесли остатки им. Они угощались хвостами овец, огурцами и оливками в медовом и сливочном соусе; чечевицей, сваренной вместе с луком-пореем и кинзой, хлебными лепешками с тмином и корицей. На десерт слуги принесли блюда с инжиром, финиками, гранатами, миндалем и кешью. Вино было приправлено специями. Дети быстро поели и выскочили из-за стола, чтобы поиграть. Женщины беседовали о своих семьях тихими голосами, чтобы не помешать разговорам, которые вели мужчины. Они стали спрашивать Мириам о ее семье, предполагая, что она — жена Иешуа.

— Где ваши дети? — спрашивали они. — Они не путешествуют вместе с вами?

Мириам едва слышала эти вопросы, она вслушивалась в то, что произносил голос Иешуа в соседней комнате.

— Мои дети? — переспросила она. — У меня нет детей.

Она знала, что правильнее будет прояснить положение и объявить, что она не замужем за Иешуа или кем-то другим, но она не могла заставить себя сделать это.

Женщина, задавшая этот вопрос, извинилась, затем отвернулась и больше к ней не обращалась, другие тоже не стали задавать ей вопросов. Это вполне устраивало Мириам, она с некоторым волнением продолжала прислушиваться к происходящему в соседней комнате.

Внезапно разговор мужчин прекратился. Женщины немедленно замолчали. Последовало томительное молчание. Наконец Шимон заговорил:

— Подлинный пророк должен угадать, кто мог задеть его подобным образом, — его голос был преисполнен презрения, — и не должен позволять этого.

Иешуа заговорил:

— Шимон.

— Да, равви, — с сарказмом произнес Шимон. Остальные мужчины рассмеялись.

— У меня есть вопрос для тебя.

— Задай его, — предложил Шимон.

— Был один кредитор, у которого было два должника. Один взял в долг пять сотен динариев, а другой — пятьдесят. Ни тот ни другой не могли вернуть их. Поэтому кредитор простил им их долги.

— Глупый кредитор, — сказал Шимон, и снова раздался смех.

— Вот мой вопрос. Какой из должников любит этого кредитора больше? — спросил Иешуа.

— Тот, который взял в долг больше, конечно. Ему не пришлось отдавать большую сумму денег.

— Взгляни на эту женщину, — сказал Иешуа. Женщины в соседней комнате обменялись удивленными взглядами. О ком это он говорит? Все женщины были здесь. Мириам встала и, обогнув стол, направилась к двери. Отсюда она могла видеть мужчин.

Они пиршествовали на манер римлян: возлежав перед низким столом на некотором возвышении. Молодая женщина, голова которой была непокрыта —

волосы, украшенные серебряными нитями, ниспадали на обнаженные плечи, — босая стояла на коленях перед Иешуа. Она держала его ногу руками и целовала ее вновь и вновь, так, как будто бы отпивала что-то глотками из бокала. Кровь прилила к лицу и шее Мириам.

— Вышвырните ее отсюда. Она смущает наших гостей и оскверняет нашу трапезу, — сказал Симон.

Слуга направился к женщине, но Иешуа сел и усадил ее возле себя. Слуга остановился возле него в замешательстве.

— Когда я прибыл сюда сегодня вечером, Симон, ты не омыл мои ноги, не поцеловал меня в щеку и не смазал мое тело маслом, как принято делать по отношению к каждому гостю. Эта женщина, которая не знает меня и у которой нет по отношению ко мне, как к гостю, никаких обязанностей, вымыла мои ноги своими слезами и осушила их своими волосами. Она нанесла на них мазь и целовала их так, как будто бы это были лица ее любимых детей.

Женщина расплакалась и спрятала лицо на груди у Иешуа.

— Она — блудница, Иешуа, — сказал один из мужчин. — Это ее работа, она знает, как доставить мужчине удовольствие.

— Мне все равно, кто она, — продолжал Иешуа, а женщина продолжала всхлипывать, прижавшись к нему. — Она полна любви, а ее грехи, множество грехов, прощаются ей.

— Кто ты такой, чтобы прощать грехи? — злобно набросился на него Симон. — Уведите ее отсюда, как я велел, — обратился он к слуге, который вновь приблизился к женщине и грубо оторвал ее от Иешуа.

— Вера твоя велика, — сказал ей Иешуа, — она поддержит тебя.

Слуга повел женщину к двери, где стояла Мириам, она посторонилась, чтобы пропустить их. Мириам заметила крючковатый нос и запавший беззубый рот у этой женщины. Иешуа вместе с другими мужчинами наблюдал за тем, как она уходит, потом их взгляды обратились к Мириам. Она знала, что ей надо спрятаться, неправильно, если женщина прерывает мужское собрание, но ее лицо и грудь пылали от гнева и унижения.

— Кто она такая, Иешуа? — спросила она.

— Женщины сегодня слишком бесстыдны, — произнес Симон.

Иешуа встретился взглядом с Мириам, но ничего ей не ответил, а выражение его лица тоже ей ничего не сказало. Затем он повернулся к столу.

— Если ты думаешь, что я пригласил тебя в мой дом, чтобы унижить, то ты ошибаешься, — последнее, что она услышала из уст Симона, но не задержалась, чтобы услышать остальное. Слуга, который вывел женщину за порог, вернулся. Мириам вышла через ту же дверь.

Ночь была прохладной, в небе сияла полная луна, ярко освещая дорогу. Слуга швырнул босоногую женщину прямо на землю. Она лежала здесь и плакала, ее лицо было выпачкано пылью. Мириам стояла возле теплой стены дома. Женщина подняла голову и смотрела на Мириам, краска на ее веках была размазана.

— Ты — его жена, — сказала она.

— Нет, — ответила Мириам. — Его жена умерла. У него нет жены.

Женщина встала на ноги и стряхнула пыль с одежды и волос.

— Так ты одна из тех женщин, которые сопровождают его повсюду?

Мириам смотрела в сторону. Она не знала, что кто-то может думать о ней, как об «одной из этих женщин».

— Я хочу пойти с вами. Я думаю, что смогу. Но у меня есть дети. Тебе повезло, — сказала женщина и пошла прочь.

— Почему ты так вела себя там? — спросила Мириам достаточно громко, чтобы женщина обернулась. — Почему ты это сделала?

— Не ревнуй! — сказала та. Она покачала головой. — Ты рядом с ним все время. У меня была только одна-единственная возможность, и я ею воспользовалась.

— Значит, ты не знала его прежде?

— Нет, не беспокойся. Он никогда не навещал меня.

— Ты не боялась, что тебя вышвырнут вон?

Женщина рассмеялась.

— Я не боюсь Шимона. Мы с ним знакомы. — Она подняла руку. — Да пребудет с тобой Бог.

Она направилась вниз по дороге к центру города, в свете луны ее плечи сияли, как мрамор.

Мириам следила взглядом, как уходит эта женщина, потом направилась в противоположную сторону, вниз по склону, в поисках воды. Ей хотелось помыть ноги, зарывшись пальцами в мягкий ил. Она скучала по своей семье. Она скучала по запаху розмарина, исходившего от чистого постельного белья — его всегда развешивали после полоскания в озере для сушки на солнце возле розмарина. Она скучала по голосу своего отца, по его постоянному заботливому отношению к ней. Она скучала по переливчатому смеху своих сестер. И по своей матери! Как ей не доставало мамы, ее тихой сосредоточенности, ее терпения, даже ее гнева, потому что причину его Мириам хорошо понимала. Она не понимала Иешуа, не понимала его гнева или его любви к ней.

Она не понимала и своих желаний. Они еще не полностью покинули ее. Это больше не походило на кожный зуд, а больше напоминало волну тепла, как будто бы ее согревали лучи солнца. Когда он пришел

к ней ночью и положил голову ей на плечо, бормоча что-то непонятное, она перебирала пальцами его тонкие волосы и гладила его по голове, чувствуя, как сама становится мягче. Он говорил что-то:

— Жизнь человека — это мучение, Мириам! Это — длинный путь, долгая агония, мучения и страдания!

Время от времени она плакала вместе с ним, но если он оплакивал человечество, то она только себя, потому что чувствовала себя очень одиноко. Ей было стыдно за это.

Глава VII

Я была в ярости, злилась на Беранже за его такое заявление. Я думала, что мы настоящие равноправные партнеры в этом деле. Ведь это я нашла и принесла ему записку с флаконом, мы вместе написали тому австрийцу. А теперь он даже не дал мне как следует осмотреть камень и спрятал книгу, которую мы вместе нашли. Я почувствовала, что он не только не допускает меня к секрету, но и вообще старается избегать меня, и затаила на него обиду, перестав с ним разговаривать. Но надеялась, что он, конечно же, придет ко мне с извинениями, замученный угрызениями совести. Однако ничего такого не произошло. Все свое время он проводил в церкви, планируя новый рельеф подаренного алтаря. Когда я приходила туда подмести или протереть пыль, он даже не смотрел на меня. Если я обращалась к нему, он отвечал намеренно вежливо и односложно.

Он не был художником, но к реставрации лика Марии Магдалины приступил сам. И надо отдать ему должное — расписывать у него получалось хорошо,

и за этим занятием он проводил долгие часы. Казалось, он не мог оторваться от интереснейшей работы.

Как-то я подошла к нему и спросила, что он сделал с найденной нами книгой, он ответил уклончиво, что она должна полежать у него неопределенное время. Так шли дни.

Однажды, поздно вечером, я зашла в церковь и увидела его в коленопреклоненной позе, как и всегда в свободное время занимающегося реставрацией. Сделав очередной мазок, он слегка отстранялся, долго смотрел на Марию, потом снова принимался за работу. Он дотрагивался до нее кистью так, словно боялся причинить ей боль или, наоборот, боялся, что она вдруг оживет и рассмеется как от щекотки, глаза его при этом светились добротой и еще чем-то, чего мне не дано было понять. И тут меня осенило.

— Ты ведь влюблен в нее, Беранже, не так ли?

Он вздрогнул от неожиданности или от испуга и резко обернулся.

— Мари? Я не знал, что ты здесь.

— Ведь именно поэтому ты расписываешь ее, да? По этой причине ты засиживаешься часами возле нее с кисточкой в руках? Но это же... аморально! — Я сама испугалась слова, которое у меня вырвалось, но было уже поздно, оно вырвалось, и я знала, что оно не совсем подходило к ситуации, я хотела бы подобрать другое, но моя импульсивность помешала мне. Я сказала то, что сказала.

Он фыркнул:

— Нет ничего аморального в любви к святому. Как раз наоборот. Выражая любовь к святому, ты выражаешь любовь к Господу.

— Но почему тогда именно она? Почему не Святая Дева Мария, почему не Иисус, не сам Господь, наконец? В чем тут секрет?

Он посмотрел на свою работу:

— Из-за ее стараний. Ее слезы разжалобили Господа. Именно через ее страдания люди научились многое прощать. Если бы не она, никто из нас не был бы рожден.

— А разве люди не рождались и до того, как все это произошло с ней? — давила я на него.

— Ты рассуждаешь, как баптистка, Мари. Баптизм нас не хранит.

Я замолчала. Продолжать эту тему мне было нечем, но и молчать не хотелось. И я снова начала приставать к нему с расспросами:

— Что вы сделали с вещами, которые нашли?

— Ничего. Лежат пока. Я снова написал тому австрийцу. Я надеюсь получить от него ответ. — Тон его снова стал предельно вежливым, не выражавшим ровным счетом ничего.

Его слова оскорбили меня. Он даже не попросил моей помощи в написании письма! Обиженная, я ушла, оставив его наедине с его святой.

Я впала в меланхолию. Я чувствовала себя еще более одинокой, чем в тот год, когда он не жил в нашей деревне. Он не допускал меня к себе, в свой мир. Он сознательно избегал меня. И это было хуже всего. Он был рядом, но в то же время был недостижим. Знать, что он рядом, и не иметь возможности поговорить с ним, обсудить что-то, получить поддержку было для меня просто невыносимо. Мне стало казаться, что он уже не тот Беранже, которого я знала прежде. Он стал другим — холодным, бесчувственным Беранже. И я полностью исключила возможность, что когда-то он может влюбиться в меня.

Я уговаривала себя оставить мысли о том, что когда-то мы можем быть вместе, он ведь, в конце-то концов, священник, и мне не подобает думать о нем так и так себя с ним вести. Надо постараться сохранить то, что еще осталось. Пусть даже это будет просто дружба.

Я стала чаще думать об увиденном под камнем. Мне было интересно, что это были за «монеты» и с чем это могло быть связано. Кто оставил нам это послание и что в этой нише может быть еще. Поскольку Беранже ничего не хотел мне объяснить, я решила попробовать докопаться до всего сама. По памяти я воспроизвела картинку, увиденную тогда. Взяла папин карандаш, бумагу, в которую заворачивали хлеб, конечно, чистую ее сторону, и нарисовала — у меня получилось довольно похоже.

Я думала, может, это какая-то старинная репродукция. Я не могла точно восстановить всех деталей по памяти — не помнила, какой именно был рисунок на арках и точную одежду людей. Но я все время думала, думала и думала об этом. Почему фигурки повернуты в разные стороны, что это за люди, возможно, это и дети, что это за животные, что они несут и куда они идут.

После долгих раздумий я решила показать этот рисунок мадам Лапорт. Если бы Беранже был со мной добрее и поласковее, поприветливее и подружелюбнее — я, конечно же, отнесла бы свое художество ему и рассуждала бы вместе с ним. Но поскольку он сам сторонился меня, более того, сделал все возможное, чтобы оттолкнуть меня, я направилась к мадам Лапорт.

— Мишель прислала мне этот рисунок, — сказала я, — она увидела его вырезанным на какому-то камне в церкви в Карказоне.

— Должно быть, это очень старая церковь, — заметила мадам, принимая рисунок у меня из рук и долго разглядывая его.

— Насколько старая?

— Трудно сказать, но эти животные, скорее всего, олицетворяют свободу, — задумчиво сказала она, — свободу и силу. Они похожи на медведей.

— И я тоже так подумала.

— Да, подобные изображения медведей чаще всего относятся к пятнадцатому или шестнадцатому столетиям, — задумчиво добавила она.

— Думаете, так давно?

— Возможно.

Ко мне вновь вернулся интерес к жизни. Я стала расспрашивать мадам подробно об этом времени, и она охотно рассказывала мне о нем, истории, легенды, а я слушала и пыталась сопоставить ее рассказы с теми знаниями, которые были у меня. Жерар тоже рассказывал мне о них. Мы долго дискутировали с мадам на эту тему, а потом, как всегда, мадам снабдила меня книгами, в которых я могла почерпнуть что-то дополнительно к тому, что она уже мне рассказала.

Я долго просидела у нее в тот день, она все говорила, говорила и говорила, я уже почти что не слушала ее, сидела в кресле и постукивала пальцами по подлокотнику, мне было неудобно прервать ее, но она сама заметила мое отсутствие и сказала:

— Ой, Мари, прости меня. Я увлеклась, тебе, наверное, уже совсем неинтересно.

— Да нет, это был очень увлекательный рассказ.

— Я рассказала бы тебе еще больше, если бы ты точно сказала, где именно Мишель это нашла.

Я вздрогнула. Может, она о чем-то догадывается?

— Я не знаю. Она не написала мне об этом.

Она посмотрела на меня дольше обычного:

— Скажу тебе вот что: если Мишель нашла такой камень тут, в Ренн-ле-Шато, — тут можно было и больше сказать.

Вечером мои мысли перемешались у меня в голове и не давали мне покоя. Она знает, она точно что-то знает, иначе не стала бы намекать мне, что такой камень может быть тут, в нашей деревне. И она знает,

что между мною и Беранже разрыв. Она и об этом знает. Я чувствую это.

За ужином я старалась ни на кого не смотреть, чтобы никто по моим глазам не мог определить моего волнения. Я все время думала о мадам и о том, что еще она знала, но не стала мне говорить. Она в своем рассказе упоминала о каком-то короле, Дагоберте Втором. Может, это каким-то образом связано с ним?

Уснуть было невозможно. Я волновалась, думая о том, что же все-таки за тайна скрыта там в этом рисунке. Почему Беранже не захотел более внимательно его изучить, почему мадам предположила, что такой камень может быть здесь, почему отношения с Беранжеом испортились, что вообще происходит?

С трудом дождавшись рассвета, ранним утром я уже стояла у двери замка. Я постучала, но мне никто не открыл, что вызвало мое удивление, так как я точно знала, что мадам встает рано. Вздвинувшись я пошла вдоль стены замка и увидела открытое окно мадам, и там почему-то горел свет, хотя на улице уже было достаточно светло. Может, она провела бессонную ночь, а под утро заснула, поэтому никто не открыл, а свет горит, потому что она, например, уснула в кресле с книгой?

Мои раздумья прервали шаги. Я обернулась и вздрогнула от неожиданности, увидев прямо перед собой мэра.

— Простите меня, месье, я пришла навестить мадам. Когда она будет дома?

— Мадам Лапорт уехала, Мари, — ответил он настороженно. Наверное, он очень удивился, увидев меня на пороге в столь ранний час. — Я только что отвез ее на станцию.

— Куда же она поехала? — спросила я.

— В Париж.

— В Париж? Но почему? И когда она вернется?

— Ну, не так скоро, через некоторое время. Ее старая тетушка заболела, и она поехала ее навестить.

— Ох, — только и смогла произнести я. А в голове сразу же появились странные мысли. Почему она так скоро уехала? И вчера вечером она не упоминала о своей тетушке, может, она получила известие после того, как я ушла, но все равно странно. Мысли мои снова прервал мэр:

— Прости меня, Мари, но я еще даже не завтракал.

— Ах, да, конечно же, месье, простите меня.

* * *

К концу лета реставрация церкви уже была завершена, но только снаружи. Внутри все оставалось по-прежнему, но денег у Беранже уже не было. Он все истратил и теперь думал, как выйти из положения. Где достать средства на завершение начатого.

Новостей от австрийца так и не было.

Беранже отправился в небольшую поездку, сказав, что его не будет, может быть, один день, а может быть, и дольше, но не больше шести. Он собрался навестить свою мать и съездить к кому-то в Нарбонн. Прошла почти что неделя, пока он вернулся. И когда он вернулся, он проводил почти все свое свободное время, сидя у себя в каморке за закрытыми дверьми. А потом вообще стало происходить нечто непонятное. Беранже начал получать столько писем, что почтальон пожаловался, что он не мул — таскать почту мешками для кого бы то ни было. Я посмотрела марки на конвертах. Невозможно было глазам поверить: ему писали из всех уголков страны. Некоторые письма даже из различных городов других стран — Праги, Барселоны и Буда-

пешта. Я не могла понять, что случилось с Беранже. Любопытство буквально съедало меня. И как-то днем я не выдержала. Я пошла к нему.

— Когда ты стал таким известным? — спросила я.

К моему удивлению, он повел себя со мной как ни в чем не бывало. Будто и не было этих долгих недель, практически лишенных общения. Он указал на большую гору писем, улыбнулся и сказал:

— Эти все сегодняшние.

— А кто все эти люди? Кто пишет тебе?

— О, это моя вина. Я лишь хотел немного подправить наше материальное положение, вот и разместил объявления в нескольких газетах о том, что теперь у людей есть возможность заказать мессу, совсем недорого. И смотри, какой результат.

— Тогда давай я помогу тебе, хотя бы разобрать все эти письма.

— О, Мари, тебя словно сам Господь Бог послал.

Он принял мою помощь и показал мне, чем занимался все эти дни. Он завел специальную тетрадь, куда вносил по очереди всех желающих заказать мессу. А желающих было столько, что у него получалось по двадцать мероприятий в день, и расписание было составлено уже на многие недели вперед.

Я не могла себе представить, что один человек может выполнить такой труд, и спросила, не хочет ли он привлечь своего брата к проведению месс, но он молча пожал плечами, и я больше его об этом не спрашивала.

И снова в мою голову поползли мысли о том, что, может быть, еще не все потеряно и мы можем наладить отношения. Я снова мечтала жить с ним в законном браке. Беранже делал мне комплименты совсем не такие, как делает молодой человек девушке, когда ухаживает за ней. И, скорее всего, он вообще не делал их, это я принимала все его слова благодарности

как комплименты. Как-то он заметил, что я готовлю лучше, чем моя мать. И я стала стараться еще больше. Я велела всем — мяснику, булочнику — присылать мне самые свежие продукты. Покупала на рынке самые свежие овощи и фрукты — все по самому высшему разряду. Старалась красиво все подать, колбасу и ветчину нарезала тончайшими кусочками, как бумага. Как только я не колдовала на кухне, и самой высокой моей наградой было смотреть, как он ест все это с удовольствием, и дожидаться момента, когда он положит ложку рядом с тарелкой по окончании трапезы.

Мама даже сделала мне замечание, сказав, что святой отец не дает нам столько денег, чтобы мы могли покупать такие продукты, но я все равно делала по-своему, каждый раз пытаясь поймать одобрительный взгляд Беранже.

И он замечал все мои старания. Бывало, даже он говорил мне:

— Ты превзошла сама себя, Мари.

Клод с отцом тоже были довольны. Они любили вкусно поесть. И Клод даже как-то сказал, что у него есть друг в Эсперазе, чей отец владеет рестораном, и он может поговорить с ним, чтобы меня взяли туда шеф-поваром. Мама с папой были согласны: они видели в этом отличную возможность найти мне хорошего мужа. Но ожидания Клода не оправдались и скоро все об этом забыли.

Однажды вечером я наводила порядок в доме Беранжеа и нашла на столе письмо. Это был большой конверт, бумага была кремового цвета, оно не было подписано, и на нем не было обратного адреса. Бумага была пропитана лавандой, и почерк явно был женский. Я подала это письмо Беранже за обедом. Он вскрыл его и с жадностью прочел.

— Это от кого? — спросила я.

Он сделал вид, будто и не услышал меня, и кинул письмо в огонь.

А на следующее утро, убираясь у него, я нашла такое же письмо. Та же кремовая бумага, тот же почерк, тот же запах. Я вскрыла письмо и прочла его.

«Святой отец!

Та персона, что пишет Вам, скрывает свое имя для того, чтобы у Вас не создалось о ней превратного мнения. Не будьте к ней строги, так как ее намерения не причинят Вам зла, она никогда бы не решилась доставить беспокойство такому человеку, как Вы, тем более священнику. Она любит Вас с такой силой и пылкостью, с такой чистотой и страстью! Вы заполняете собой ее сердце, владеете им, все ее мысли только лишь о Вас. Лишь о Вас она мечтает, лишь Вас она желает. Долго она носила чувство это в себе и вот не выдержала и призналась Вам в этом со всей своей чистотой, честностью и открытостью. Вы никогда этого не поймете, не поймете, как она страдала из-за Вас, страдает и, вероятно, будет страдать, и жизнь ее от этого — хуже, чем смерть. Она также хорошо знает, как это письмо шокирует Вас, Вы найдете его непристойным, как и она сама находит его таковым, но сердце жаждет этой неосмотрительности, простите ее, я умоляю Вас».

Я схватила это письмо и понеслась прямо в спальню к Беранже. Я знала, что он там. Я постучала и почти что сразу же ворвалась. Он стоял перед гардеробом в одной нижней рубашке.

— Это твой секрет? — завопила я, размахивая письмом. — Ну надо же, как патетично.

Он продолжал одеваться, пребывая в весьма сильном удивлении, ничего мне не отвечая и не зная, что ответить, а я продолжала:

— Вот это называется навестить свою маму, да? Это значит «проведать семью»? Ты навещал женщину.

— Мари, это не то, что ты думаешь, я сжег другое письмо.

Мне так хотелось его ударить, точнее, нет, мне хотелось ему вмазать. И если бы я не была девушкой, я бы так и поступила. Но я лишь на мгновение представила себе, как я буду выглядеть со стороны, что он подумает обо мне и что произойдет с нашими отношениями, и сдержалась. А он спокойно закончил одеваться и спустился вниз. Уже оттуда мне сказал:

— Мари! Ну, хватит уже.

Я спустилась вслед за ним и стала накрывать на стол. Он внимательно следил за моими движениями, я нарезала для него хлеб и поставила на огонь чайник. И тут он сказал:

— А ты ревнива, Мари!

Я разозлилась еще больше. Мне хотелось запустить чайником прямо ему в голову. Я злобно ответила ему:

— Вам лучше уйти, пока я не размозжила вам голову. Тут он откинул голову и захохотал.

— О, Мари, как ты прекрасна.

Я стояла, обескураженная, и смотрела на него. Лицо мое вспыхнуло. Я повернулась к огню, где уже кипел чайник.

— Вы не ответили мне на вопрос.

— У меня ничего не было с этой женщиной. Это не моя вина, что она пишет мне.

— Но, может, вы это как-то поощряете?

— Почему ты так думаешь? Если бы эта женщина была мне дорога и я ждал бы ее писем с нетерпением, я ни при каких обстоятельствах не стал бы бросать ее письма в огонь.

— И не притворяйтесь, что вы не знаете, кто она.

— Но я действительно не знаю этого, Мари. Хотя я могу предположить, но я не уверен. Она одинока, хороша собой и влюблена в священника. Не такая уж и необычная ситуация, — сказал он и уставился на меня.

— Что вы имеете в виду? — сказала я, вновь почувствовав прилив злости, — вы предполагаете, что это я?

— Нет, нет, что ты, Мари, я просто хотел тебя подразнить.

— Не надо меня сравнивать с ней.

Он отпил немного кофе и поставил чашку на стол.

— Я никогда не делал ничего подобного. — Тон, которым он произносил эти слова, убедил меня: он говорил серьезно. — Мари, Марионетта! Ты ни на кого непохожа. Ты сама по себе. Особенная.

Мне так понравилось, как он произнес мое имя, мне хотелось, чтобы оно слетало с его губ еще и еще.

Это был самый первый раз, когда мы дали друг другу понять, что испытываем взаимную привязанность. Теперь он мог брать мою руку в свою, подолгу держать ее и не отпускать. Мы не прятались ни от кого. Все видели, что нас связывает нечто большее, чем дружба. Я и сама понемногу стала надеяться на ровный и спокойный брак. Хотя знала, что Беранже дал обет и то, о чем я думаю, — просто не может быть. Но что поделать, факт оставался фактом — я любила его и желала с такой силой, что никто и ничто не могло меня удержать, особенно теперь, когда я почувствовала его тепло и нежность.

Иуда

Когда Мириам пришла в лагерь, после того как покинула дом Шимона, большинство мужчин и женщин уже спали. Мужчины спали прямо под откры-

тым небом, а женщины под навесами из шерстяных накидок, растянутых на ветках, воткнутых в землю. Костер все еще горел. Возле него, согнувшись, сидел Иуда, помешивая угольки длинной палкой. Мириам кивнула ему и пошла в сторону навеса.

Он окликнул ее и спросил, вставая и держа прут в руке:

— Где Иешуа?

Мириам подошла к нему ближе, чтобы не разбудить остальных женщин:

— Он у Шимона, я ушла раньше.

Он кивнул, глядя прямо на нее. Было странно, что кто-то покинул трапезу раньше остальных гостей, но необычным был и сам ее приход на их первую стоянку.

— Подойди, — сказал он, — постой у огня.

Она не доверяла ему. Она не верила ни одному мужчине, кроме Иешуа. Многие из них были молоды и неженаты и похотливо посматривали на женщин. Она слышала, как один из них пошутил как-то раз вечером:

— Они готовят и убирают за нами, делают все то, чем занимаются жены. Почему бы им не исполнить еще и женские обязанности в постели?

Они долго корчились от смеха.

Однажды, незадолго до той ночи, когда Иешуа вылечил ее, до того, как к ним присоединились другие женщины, к ней пришел мужчина, лицо которого было закрыто платком. Он лихорадочно щупал ее так, как будто бы она была блудницей.

— Не шуми, — приказал он, — я не сделаю тебе ничего плохого.

Она тогда спала глубоким сном, что с ней случилось очень редко, и поначалу еще не совсем проснулась. Ей казалось, что она все еще спит, поэтому она позволила ему дотрагиваться до нее. Она чувствовала, как его руки обшаривают все ее тело.

Но, когда незнакомец принялся раздевать ее, она полностью проснулась.

«Это неправильно, так не должно быть», — подумала она. Глядя на его шею, она резко подалась вперед, как будто бы хотела поцеловать его, но вместо этого укусила его прямо в ключицу так же сильно, как она вгрызалась в кусок жареного мяса. И при этом продолжала думать: «Так не должно быть».

Мужчина вскрикнул от боли, схватившись рукой за шею. Она прокусила ему кожу и почувствовала металлический вкус крови у себя во рту. Он наотмашь ударил ее по лицу, она упала на спину. А когда снова взглянула вверх, мужчина уже ушел. Со другой стороны раздался шум и голоса, послышался звук удара кремня по камню. Рядом раздались шаги.

Леви спросил:

— Мириам?

— Да, — ответила она с сильно бьющимся сердцем.

— С тобой все в порядке? Мы слышали крик.

— Да, все хорошо, — сказала она, — я тоже слышала, он меня испугал.

— Все спокойно, — сказал он, — мы будем сторожить по очереди. Ты можешь спать спокойно.

Сейчас она смотрела на Иуду и думала, а не мог ли он быть тем самым мужчиной. У него были длинные тонкие пальцы, как у того мужчины, и такое же худощавое тело. Иуда стоял и ходил, как цапля, аккуратно поднимая вверх свои длинные ноги так, как будто бы постоянно опасался наступить в козью лепешку.

— Что тебе? — спросила она.

— Подойди поближе, — сказал он, — я не хочу шуметь.

Она с опаской приблизилась. Мириам стояла напротив него, их разделяло пламя костра. На его лице были следы слез.

— Я боюсь, Мириам, — сказал он. Он смотрел на огонь, и в его глазах плясали отблески.

Она не ответила. Она не хотела и не вела откровенных разговоров с глазу на глаз, хотя многие мужчины пытались таким образом познакомиться поближе. Они видели, что Иешуа выделяет ее среди остальных, это противоречило их ортодоксальной вере, это было неправильно, это нарушало все нормы. Теперь они считали, что и к ним она может проявлять такое же внимание, выслушивать их, обнимать. Мириам вовсе не собиралась переходить из рук одного мужчины к другому и третьему, как кусок лепешки, пущенной по кругу.

— Я боюсь, Мириам, — повторил он. — Люди все замечают. Они собираются толпами. Они готовы все бросить и следовать за нами.

— Прости меня, — прервала его Мириам, — но разве это — дурная новость?

— Да, конечно, — неприязненно проговорил он. — Но Иешуа нужно вести их, а не просто говорить с ними. Их число все растет; чем ближе мы к Иершалаиму, тем больше людей присоединяется к нам. Ему следует направить их, управлять ими, иначе они начнут помыкать им и мы утратим все, чего добились.

Мириам смотрела на огонь. Голос у Иуды был громким, слишком громким для ночи.

— Как он может управлять ими? Разве недостаточно того, что он их исцеляет и учит?

— Ты видела, что солдаты все время выстраиваются неподалеку и что они ведут наблюдение. Если Иешуа не сможет управлять этими людьми, они справятся с ними сами.

— Что ты предлагаешь, Иуда?

— Я предлагаю восстание, Мириам, — сказал он, поднимая палку вверх к небу. — Настал час двигаться вперед, действовать. Или хотя бы начать внушать

этим людям какие-то идеи. В противном случае мы никогда никуда не придем.

— Ты хочешь, чтобы он поднял народ на восстание?

— Да, — выкрикнул он. — Восстание! Бунт! Руки прочь, грязные римляне, от нашей земли!

— Тише! — прошептала она.

— Мы теряем время, вся эта суеда вокруг чудес и учения. Нам нужно организовать людей, начать марш, нам надо объединиться против нашего общего врага!

— Ты не хочешь, чтобы люди были исцелены?

— Нет, нет. Конечно, я хочу. Дело не в этом. Но это излечение не имеет ничего общего с нашим предназначением. С нашей миссией. Это всего лишь способ заставить людей слушать.

Мириам продолжала вглядываться в огонь.

— Послушай, Мириам, — сказал он. Он обошел костер и грубо схватил ее за руку. — Иешуа изменился. Разве ты не видишь? Он теряет цель. Его легко отвлечь в сторону. Он часто говорит так, как будто бы голос Бога громом звучит у него прямо в ушах. Но он становится теперь все спокойнее и все печальнее. Иногда я думаю, уж не покинул ли его Бог?

Она высвободила свою руку. Это был он, теперь она поняла. Она узнала его по тому, как он схватил и сжал ее руку.

— И если это действительно так, то ты тоже готов покинуть его? — спросила она. Ее голос звучал возмущенно, как будто бы она сама не сомневалась, что именно так он и собирается поступить. Сомнения Иуды были такими отвратительными, он был так поглощен самим собой, что она испытала к нему сильнейшее отвращение.

Иуда иронично усмехнулся и покачал головой.

— Я совсем забыл, с кем разговариваю, — он презрительно скривил рот. — Как ты допустила, чтобы

он приблизился к тебе, Мириам? Такая воспитанная и прекрасно образованная женщина, как ты? Дочь раввина?

Она бросила на него разъяренный взгляд:

— Тебя это не касается! Я сама выбираю, что мне делать!

— Разве все грехи Израиля — не наше дело? Разве не за этим мы собрались здесь? Разве мы не собираемся спасти Израиль от грехов? Все мы ответственны друг за друга.

— Ты не тот, кто может судить меня за грехи, Иуда. Раскрой глаза, сними с них завесу.

— Ах, как хорошо она выучила слова Учителя, какая примерная ученица! — Он подбросил ветку в костер, они смотрели, как она разгорается. — Он не женится на тебе, ты ведь знаешь. Он сам говорил мне об этом. Жена помешает ему в исполнении его долга, так он говорил.

— Я не ишу себе мужа. Мне не нужен муж. У меня уже есть Учитель. — Она произнесла эти слова с горечью. Она умрет, так и не выйдя замуж, бездетной, одинокой. Это было совсем не то, о чем она мечтала.

— Женщина может быть либо женой, либо блудницей, Мириам. Я вижу, что ты сделала свой выбор. — Он отвернулся и пошел к деревьям на краю расчищенной площадки.

Мириам следила за ним взглядом, она все еще чувствовала боль в руке там, где он схватил ее. Он был ей отвратителен. Она присела перед огнем, положив голову на колени и обхватив их руками. Ее мысли были черны и безрадостны. Ее поведению и всему происходящему не было никаких разумных объяснений. Иуда ревновал. Она чувствовала этот запах ревности, как если бы от него пахло вином. Он ревновал к дарам Иешуа, он ревновал Иешуа к его

все возрастающей славе. Он ревновал Иешуа к ней. Она не могла обвинять его, потому что и сама недавно испытала те же чувства. Стыд пронизывал все ее существо, она стыдилась своего гнева по отношению к женщине, которая омыла ноги Иешуа. Гадливость, ненависть, презрение были проявлениями все той же ревности.

Она знала, что Иуда любит Иешуа, может быть, даже больше, чем все остальные. Когда он слушал, как говорит Иешуа, его глаза светились обожанием и верой. Когда Иешуа ушел, именно Иуда хотел следовать его словам, повторял его слова, пробуя их на вкус. И все же, несмотря на то что ему нравились идеи Иешуа, он презирал его человеколюбие. В его сердце не нашлось места для несовершенств, которые присущи людям, для слабостей, боли, падений, разочарований, которые сопровождают любые высокие устремления и деяния. Он считал, что Иешуа должен быть совершенен во всем и непритязателен. Он считал его Богом и любил его, как Бога, но не мог допустить того, что и сам Иешуа хотел любить.

Огонь взметнулся в последний раз и рассыпался в пепел. Мириам стряхнула со своей одежды золу. Трудности Иуды заключались в том, что он не допускал мысли о человеческих слабостях, он не мог любить никого в этом мире. Он мог любить только Бога. Бог создал человека, осознавая все его недостатки, и объявил его достойным творением. Осуждать людские пороки — это все равно, что сомневаться в Божьем суде, осуждать его творение. Ненавидеть людей — это ненавидеть Бога.

Мириам встала, ее охватила тоска по Иешуа. Она хотела поблагодарить его, сказать, как она любит его. Она воздела руки к небу, простерла их к сияющей луне и звездам, рассыпанным по небу, как зерна, и запела:

— О, мой милый, в расселинах скал, в трещинах утесов, позволь мне увидеть твое лицо. Дай мне услышать твой голос, твой сладкий голос, увидеть твое прекрасное лицо. Поймай для нас маленьких лисят, маленьких лисят, которые портят виноградники, потому что наши виноградники в цвету!

Глава VIII

Мы вели себя осмотрительно, хотя на самом деле нам нечего было скрывать. Ничего грешного мы не совершали. Мы знали, что о нас распускают слухи, но не были обеспокоены тем, что судачат именно о нас. Беранже вел себя так, как если бы он действительно был членом нашей семьи, часто садясь с нами за стол, хотя так же часто я накрывала ему и там, где он теперь жил. Я была очень корректна и, если кто-то находился рядом, не позволяла себе разговаривать с ним хоть с какой-то долей фамильярности. И все же мы испытывали некоторую неловкость, так как оба знали о вспыхнувших сплетнях. Только находясь наедине, мы могли позволить себе вести себя так в отношении друг к друг, как нам того хотелось.

Конечно, мои родители вскоре узнали о наших отношениях. Отец очень расстроился. Я помнила о том, как совсем недавно он подозревал Беранже в желании соблазнить мою мать. Хотя эти его подозрения являлись чистой выдумкой, более того, он знал и уважал Беранже за его непримиримое отно-

шение к подобным вещам и за его неприступность. Мать прореагировала еще тяжелее. Мое сближение с Беранже сначала вызвало ее отчуждение к Беранже, ведь ей казалось, что она потеряла друга в его лице. Затем она стала испытывать неловкость, общаясь с ним, а уж потом она потеряла доверие к нам обоим. Я видела, как мать старательно делает вид, что ничего не знает и ни о чем не догадывается, но я понимала, что на самом деле она хотела, чтобы мы все это прекратили. Чтобы закончились эти наши «близкие» отношения и по деревне перестали ходить слухи. Она все еще надеялась, что я одумаюсь и выйду замуж, и время от времени предлагала мне обратить внимание на того или другого мужчину, но потом перестала это делать.

На мой двадцатый день рождения Беранже подарил мне амулет — янтарь в золотом обрамлении и на золотой цепочке. Отец громко присвистнул, любуясь камнем. У меня на глазах появились слезы, так я была растрогана. Я с благодарностью дотронулась до запястья Беранже. Мама отвернулась.

Она пришла ко мне на следующий день с серьезным лицом и спросила, правду ли говорят люди.

— Я не слышала сплетен, мам, — медленно начала я, думая, как лучше ответить. Когда я увидела, что она не готова услышать правду, что губы у нее дрожат и она ждет от меня совершенно иного ответа, я вежливо ей объяснила: — Я не утверждаю, что это правда, мам. Я могу сказать только, что испытываю глубокое чувство привязанности к святому отцу и это делает мне честь. — Я покраснела, когда говорила, представляя, как отреагирует мать, поняв, что для меня значит заполучить сердце такого мужчины, как Беранже, даже если он и священник.

— Пойми меня, Мари, — продолжала она уже шепотом, ранившим, как бритва, — я могла бы выносить вашу дружбу сколь угодно долго, но если ты заста-

вишь его нарушить обет, ты перестанешь существовать для меня как дочь.

— Мы не грешники, мам, — твердым тоном ответила я. — Он ничем не приступил своего обета. — Не давая мне возможности продолжить, она подняла руки в знак того, что разговор окончен, и вышла из комнаты.

Я на нее не обиделась. Я знала, что наша любовь чиста и будет оставаться такой. Я уговаривала сама себя, что после случая с Жераром мне не нужна физическая любовь. Это не для меня. Этого я не желала, продолжала убеждать я себя. Наши чувства — это брак наших сознаний и душ, это гораздо сильнее, думала я.

Но наше целомудрие постепенно становилось «щекотливым». Мне казалось, что меня охватывает жар, когда Беранже только подходит ко мне. Если он внезапно оказывался рядом со мной, когда я готовила, то у меня все летело из рук на пол: вилки, ножи, продукты — все, что бы я ни брала. Если же в этот момент я начинала разговаривать, то без конца сбивалась, делала какие-то невероятные ошибки, а уж сколько я их делала, когда он мне что-то диктовал, стоя сзади, положив руки мне на плечи! Когда он говорил, я смотрела ему прямо в рот, иногда в глаза. Я просто съедала его взглядом, волосы, лицо, даже уши... меня привлекало в нем все. Теперь дни пошли быстрее, теперь, когда я купалась в его внимании и общении.

Но мои мечты о браке наших сознаний оказались очень обманчивыми. Мы спорили и ругались, как и раньше, и даже больше. Беранже как будто нравилось подсмеиваться надо мной. А мне по стольким вопросам хотелось узнать, что же он думает на самом деле. Поэтому в наших разговорах я старалась задавать вопросы так, чтобы он вынужден был бы отвечать откровенно. Он же, как правило, лишь отшучивался.

Я не могла помочь сама себе. Один раз у нас произошла серьезная стычка относительно теории Дарвина. Я достаточно знала об этом из книг, но мне была интересна и его точка зрения, и как он может сопоставить все это с Церковью, и какова позиция Церкви к этой теории. В этот раз мне удалось сильно его разозлить.

— Как ты, истинная католичка, можешь принимать и не оспаривать, а поддерживать эти бредни? Ты позволишь скоро своему уму выскочить из собственной головы.

— Бог дал мне ум и сердце, — парировала я.

— Да, Бог дал тебе ум, для того чтобы ты делала верный выбор. А еще он дал тебе душу, чтобы она подсказывала тебе, какой именно выбор ты должна сделать.

— Да? Так как же узнать, какой выбор правильный, и почему ты настаиваешь, что правильный именно твой? — спросила я.

— Я настаиваю на том, что знаю сам. Церковь и правда — это все, что мне нужно.

— Но Церковь создали и управляют ею люди!

— Мари! Ты говоришь, как неверующая, и задаешь непростительные вопросы.

Такие разговоры происходили у нас ежедневно. Я все время старалась вывести его «на чистую воду», а он не поддавался. Либо он отвечал уклончиво, либо расплывчато, либо вообще не отвечал. В минуты, когда мы отдыхали от споров, мы говорили друг другу нежности на французском языке. Он называл меня *Mon petit ange*, что означало «Мой ангел», а я ему в ответ: Да, *Mon ours fou* («Мой сумасшедший медведь»).

Как верно заметила моя мать, вся деревня только и делала, что обсуждала нас. Они не только удивлялись нашей дружбе, но и стали нас подозревать бог знает в чем. Особенно Беранже, который «неизвест-

но откуда взял деньги» на ремонт церкви. Конечно же, тот рабочий из Люмокса не смог промолчать и рассказал всем, что святой отец нашел что-то под камнем, что он видел там старинные надписи и какие-то монеты. И об этом теперь знала не только наша деревня, но и весь Люмокс, а может, весть докатилась и дальше, я не знаю. Я узнала про Люмокс случайно, когда пошла присмотреть себе новую шляпку и что-нибудь из нарядов. Не могла же я носить подвеску Беранже со старыми некрасивыми платьями. Там-то я и услышала о том, что, оказывается, «Беранже нашел несметные сокровища у себя в церкви», и там я поняла, что все просто уверены, что мы — любовники!

Однако, надо отдать им должное, они были признательны Беранже за то, что он привел церковь в такое состояние. И это несколько смягчало их осуждение поведения святого отца, что же до меня, то я была слишком незначительной персоной, чтобы заострять на мне внимание, но так было вначале. Однако о нас продолжали говорить везде. Как и раньше, все новости распространялись или в лавках, или на площади, или в местной таверне.

Деревенские жители — практики. Священник нужен им лишь для того, чтобы освещать, благословлять, разрешать или устанавливать какие-то правила и следить за их исполнением. Прежде чем начать что-то сажать или сеять, все бегут в церковь. Религия тоже практична. Чтобы помолиться за здоровье, можно обратиться не к одному, а сразу к нескольким святым, чтобы помолиться о любви — то же самое. Священник, который влюбился, приступил обет, — грешник и должен быть изгнан из Церкви. Думая так о Беранже, они все равно закрывали на это глаза, потому что он сделал так много для нашей маленькой деревеньки. А главное — отремонтировал церковь. Те-

перь есть место, где можно полноценно помолиться и за мужа, и за урожай.

Так что вскоре и моя столь незначительная персона стала весьма приметной, более того, всеобщее презрение обрушилось на меня. Многие говорили мне те же слова, что и мать. Другие пытались открыть мне глаза, намекая на обет безбрачия, другие же вообще, встречая меня, переходили на другую сторону дороги.

Беранже, как я знала, не трогал никто.

Я знала, что во мне они видят реальную угрозу потери своего обожаемого святого отца. Но прошло не так много времени, как вдруг, может, усилиями Беранже, а может быть, сами, но они привыкли к нашей дружбе, перестав обсуждать меня на каждом углу.

Ну, конечно же. Как может пострадать репутация Беранже, когда он провел такой процесс, как реставрация. Наконец-то все было закончено. Крыша починена и заново покрыта, внутреннее убранство заново расписано, покрашено, обставлено и обновлено. Все помнили, с какими трудностями все это начиналось и как упорно работал Беранже, для того чтобы все это поскорее завершилось. И все-таки главный вопрос — кто дал ему деньги и кто этот тайный покровитель и любитель нашей деревеньки — мучил их постоянно. Казалось, история о сокровищах Беранже облетела весь свет.

Прошло уже больше года с тех пор, как я показала мадам свой рисунок и как она намекнула мне на то, что подобное можно было бы найти и у нас в деревне, а потом внезапно уехала в Париж. В тот последний наш вечер она дала мне пару книг. Вскоре я отправила ей письмо, выражая соболезнования по поводу ее тети. В конце письма я добавила несколько слов о камне. Она ответила, написав, что должна задержаться на неопределенный срок в Париже, так как тетя ее очень слаба и процесс выздоровления

идет крайне медленно. Интересовавший меня вопрос остался без внимания, правда, в конце письма была строка — что мы сможем завершить все начатые разговоры по ее возвращении в Ренн-ле-Шато.

Я снова начала интересоваться вещами, найденными под камнем: рисунком, золотыми монетами, книгой. Особенно монетами, которые Беранже называл старинными медалями. На некоторых из них я не видела никаких знаков. Мне было интересно, куда же он их спрятал. Я снова подумала о его частых отлучках и о том, что сумку он почему-то всегда берет с собой.

Как-то вечером я снова завела с ним разговор об этом, и Беранже явно смутился:

— Я думал, ты давно об этом забыла.

— Нет, — ответила я, давая ему понять, что в угоду его желанию «все забыть» делать я этого не буду.

— И все же я буду признателен тебе, Мари, если ты не выбросишь это из головы. Ну, правда. Нет смысла сосредоточиваться на этом.

— Извини, но для меня есть. Я очень интересуюсь этим камнем. И посланием, которое оставил священник. «Ворота смерти» или что-то в этом роде.

— Да, действительно, возможно, он был напуган временными проблемами. Его искали, как ты знаешь. Он, возможно, боялся за свою жизнь.

— Может быть, но мне кажется, тут скрывается нечто большее. Не так ли?

Он не выдержал моего напора и, чуть повысив голос, сказал:

— Когда же ты наконец прекратишь свои выдумки, Мари? Это было давным-давно, пора уже и забыть. Я же ответил на все твои вопросы.

Потом он внимательно на меня посмотрел, казалось, думая, можно ли мне доверять, и вдруг произнес:

— Если тебе очень хочется знать — я продал все это.

— Почему? Кому?

— Ой, ну полно же людей, которые интересуются вещами подобного рода.

— А монеты?

— Я положил их в банк. Мне выдали за них немного денег, — ответил он, избегая встречаться со мной взглядом.

— Я думала, ты будешь ждать распоряжений из Австрии.

— Да, но я и так долго ждал, почти что два года, и не дождался ничего. Я считал каждый пенни, чтобы закончить ремонт.

— А мне ты об этом почему не сказал?

— Я знал, что ты будешь против. Прости меня, моя дорогая, но я должен был выполнить свой долг.

— А что с книгой?

— Это просто старый регистр. Обычные церковные записи.

— Ну, ее-то ты не продал, я надеюсь?

— О, нет, — сказал он. — Она не представляет собой никакой ценности. Она где-то здесь.

Хотя он ответил на все мои вопросы, я чувствовала кожей, что есть еще что-то, что он скрывает от меня.

Это случилось позднее, когда австриец наконец-то нанес нам визит. Он прибыл сырым мартовским утром. В нем сразу можно было узнать иностранца, так отличалась его одежда от нашей. Да и по-французски он говорил с ошибками и чудовищным акцентом. На меня он произвел довольно странное, даже пугающее впечатление, хотя говорил очень вежливо, интересуясь, где он может найти господина святого отца.

Я отвела его в церковь и показала на Беранже, который сидел и делал записи в своей тетрадке. Увидев нас, он оторвался от дел и, когда иностранец представился, воскликнул:

— Ну, надо же, вот случай: наконец-то мы с вами познакомимся. Мое почтение.

— Взаимно, господин святой отец.

— Надеюсь, наша захудалая деревенька вас не удивила?

Австриец засмеялся:

— Путешествие по горам удивило меня настолько, что теперь меня вряд ли что-то может удивить. Великолепное местечко.

— Спасибо, — учтиво ответил Беранже.

Молчание затянулось, Беранже выглядел напряженным.

— Может быть, вам пройтись, джентльмены? — предложила я.

— Прекрасная идея.

— Да, да, — заторопился Беранже. — Жаль, правда, что ваш приезд сюда не совпал с солнечным днем, когда так хороши местные пейзажи.

— Мы можем начать с церкви, — сказал мужчина, когда они вышли за дверь.

— Ну конечно, как видите, мы были очень заняты реставрацией.

Как же мне хотелось пойти вместе с ними, но это могло бы показаться странным. Итак, я принялась за работу: готовила на скорую руку еду, чтобы подать им, когда они вернутся. Они пробыли в церкви больше часа, слишком долго, чтобы просто ее осмотреть. Затем где-то еще бродили и вернулись через два часа. Верхние листы салата уже завяли. Я вытащила их, чтобы потом отдать кроликам и на новые листы положила кушанье. Беранже одарил меня благодарным взглядом.

— Вы должны понять мою позицию, — говорил австриец, — Конечно, я не могу заставить вас согласиться с ней. Я ничего не имею против священников. Это факт. Но среди них есть и такие, чья душа принадлежит не Богу, а императору. В таком случае они поступают не так, как это установлено Церко-

вью, а так, как это нужно императору. Так, например, поступал святой Павел.

Беранже тут же начал жарко оспаривать это высказывание:

— Святой Павел говорил, что Иисус умер за наши грехи, он служил Богу, о каком императоре идет речь? А потом появился апостол Петр с розой и пятью братьями одновременно.

— А что значит «роза» и как это понять «появился»? Вы о них так говорите, как если бы они существовали на самом деле, из крови и плоти.

— Но ведь так оно и было! Посмотрите на мои руки и ноги. Дух и тело неразделимы!

— У меня другая позиция. Я читал Евангелие от Луки, и его проповедование не совпадает с тем, что проповедовал Павел. Вы не можете это отрицать.

— А я и не отрицаю.

При всем своем любопытстве я не могла слышать всего, о чем они говорили, так как вынуждена была подавать, убирать со стола, постоянно возвращаясь на кухню. Потом я увидела, как загорелись глаза Беранже от жаркого спора и как австриец поднимается из-за стола со словами:

— Никогда не пытайся переспорить священника по вопросам Церкви. Никогда не цитируй столько. Я хорошо усвоил этот урок.

Беранже постукивал пальцами по столу:

— Христос сумел презреть тело и превратился в дух!

— Ага, и счастливо себе отправился на небо.

— Да, — осторожно продолжал Беранже, — скорее всего.

— Скорее всего?

— Вы утверждаете то, что прочли в книгах, но это было написано не Богом, а людьми.

— Согласен. А что, в таком случае, вы скажете о грехе?

— Но это же общее понятие.

— Иисус был рожден во плоти, мог ли он быть по-настоящему свободным от греха?

— Что за вопрос!

— Простите, святой отец, что утруждаю вас, но этот вопрос сильно заботит меня. Кто еще, как не вы, может мне дать на него ответ? Никто не может быть свободен от греха, находясь в теле, никто не может отделить душу от тела, значит, и у Христа были грехи, значит, и Церковь грешит, ведь ей же управляют люди!

— Вы не правы, — попытался возразить Беранже, — так бывает, но крайне редко. Вспомните о святых...

— Да уж, — перебил его мужчина, — только и осталось, что вспоминать. И что вспоминать? Христос был рожден в теле человеческом, жил с людьми во грехе, и потом вы говорите, что душа его покинула тело и отправилась на небеса? Как такое может быть? Это похоже на мифологию, наша жизнь построена на реальности. Как можно поверить в то, чего никто не видел?

— Иисус, как вы знаете, был рожден без греха. Святая Дева Мария была девственницей, это известно всем. Если вы хотите найти в Церкви грех, то тогда уж лучше посмотрите на Магдалину!

— Богатый комментарий. Возможно. — Австриец допил свое вино и кивнул. Казалось, спор был закончен. Я только собралась выйти к ним, чтобы забрать тарелки и помыть их, как гость снова начал:

— Святой Павел утверждает, что душа не может покинуть храм Господень, единожды туда попав.

— Это несправедливое замечание, — перебил его Беранже.

— Ну, пожалуйста, — улыбнулся гость лукаво, — дайте же мне закончить. Если мы принимаем факт, что Христос воскрес, умерев только телом, то куда

тогда ушло его тело? Или кто-то его украл и принес к тому месту, где он спустился с небес и снова вошел в свое тело?

— Я не могу согласиться с неправильными выводами.

Австриец продолжал давить:

— Можете ли вы предположить, что тело могло быть украдено?

— Нет, с этим я не могу согласиться. Апостолы, проповедовавшие всю свою жизнь, никогда не говорили лжи. Я никогда не соглашусь с таким утверждением.

— Да, я полагаю, что не согласитесь. — Он так это произнес, что его недовольство я почувствовала даже на расстоянии.

Он сделала паузу. Потом снова заговорил:

— Простите меня, святой отец. У меня репутация бунтаря и спорщика. Вы сами можете убедиться, что так оно и есть. Не надо было мне заводить этот разговор. Я не смог удержаться от спора. Этот вопрос всегда меня занимал; кто еще может ответить на него столь подробно и правильно, как не вы. Простите, если можете. Простите, святой отец. Я вижу, я вас разозлил.

— Ну что вы, не стоит извиняться. — Беранже сразу успокоился, придя в свое обычное состояние. — Не забивайте себе голову ненужным чтением. Примите это как факт. Тот старый священник, должно быть, утратил свою веру, если утверждал подобные вещи. Такие люди становятся хороши для любой работы, но только не священника. Выкиньте его из головы.

Гость мрачно улыбнулся:

— Я приложу все усилия, чтобы последовать вашему совету. — Он опустил руку в карман и достал оттуда серебряный портсигар. Взял сигарету и предложил Беранже, но тот отказался. Закурив, он продолжал:

— Я человек слова, господин священник, я, бесспорно, не святоша, как я уже говорил, но все же надеюсь, что вы останетесь так же искренне со мной, как и раньше. Вещи, принадлежащие этому миру, интересуют меня. И у меня есть особый интерес к вашей церкви, и, несмотря на всю разницу между нами, скажите мне правду. Вот вам пять тысяч фунтов. Согласны ли вы принять их и выполнить условия нашей договоренности? — Он склонил голову и смотрел на Беранже исподлобья.

Меня это поразило. Они договорились о чем-то, чего я не могла предположить, и он не сказал мне, хотя говорил, что рассказывает мне все. Значит, правильно я чувствовала, что он что-то от меня скрывает. В этот самый момент Беранже повернулся ко мне и сказал:

— Мари, оставь нас, пожалуйста, одних.

Оскорбленная, я выполнила его просьбу. Позднее я увидела австрийца, и это был последний раз, когда я его видела, из окна кухни своего дома, спустя несколько часов, когда грязно-розовые облака уже закрывали солнце. Он шел в пиджаке, наброшенном на плечи, и насвистывал что-то, я не могла разобрать что из-за расстояния.

Я сразу же отправилась к Беранже.

— Ты их взял? — был мой первый вопрос. — Ты принял его предложение?

Я думала, что он проигнорировал просьбу этого австрийца и не взял денег. Мне казалось, что я знаю Беранже, и не могла даже представить себе, что может быть иначе.

— Мари, неужели ты не могла сообразить сама, что тебе следует уйти. Тебе нельзя было тут находиться, — ответил он мне со злостью.

— Но почему?

— Я не должен каждый раз говорить тебе, когда именно я хотел бы побыть один или с кем-то наедине.

— Но я же не знала, что он собирается предлагать тебе деньги, — возразила я.

Беранже зыркнул на меня:

— Дело вовсе не в деньгах, а в том, что наш разговор был не для твоих ушей.

— Не будь смешным. Мы сами все время разговариваем на подобные темы.

Он молчал.

— Ну ладно. Извини. Я не собиралась посягать на твою свободу.

По лицу Беранже я поняла, что этого ему недостаточно, чтобы меня простить. Он сидел, демонстративно погрузившись в изучение своих бумаг, не глядя на меня. Я напрасно ждала, что он мне хоть что-нибудь расскажет.

— Простите меня, святой отец, — я снова вернулась к разговору, — но вы должны понять мою любознательность. Вы разговаривали о письмах, которые мы посылали? Он сказал что-нибудь, почему не отвечал?

— Он был на войне.

— А, так он солдат.

— Богохульник, — пробормотал Беранже.

— Он вел себя высокомерно с тобой.

— Он не друг Церкви, Мари.

— Он разозлился, когда узнал, что ты продал вещи, которые нашел?

— Нет, он ими не интересовался. Он больше хотел оклеветать святое имя Христа.

— Тогда почему он так интересуется нашей церковью?

— Будучи на войне, он много видел и слышал о старых захоронениях вещей и реликвий, и в основном, как я понял, все это находилось где-то рядом со святыми местами. Про нашу же церковь давно ходят слухи, ты и сама не так давно искала тут сокровища, помнишь? Эти слухи дошли и до него, особенный ин-

терес вызвала твоя находка. Теперь он просто уверен, что может найти здесь сокровища тамплиеров. — Он замолчал и тряхнул головой. Я же ожидала окончания истории.

— Он рассказал, что давным-давно услышал не о церкви, а о нашей деревне. И не от своей сестры, а от старого французского священника, которого встретил, когда был еще совсем молодым. Тот священник частенько сидел у фонтана на центральной площади Вены, благословляя всех, кто проходил мимо, всегда улыбаясь. Люди прозвали его «Священная улыбка». Многие знали его, но наш австриец сумел подружиться с ним. Этот священник жил во Франции еще до революции. Всю жизнь он старался служить верно, но одна вещь так и осталась не сделана им — он не смог побороть злость и насилие в его собственной деревне.

Этот священник рассказал ему об одной странной своей прихожанке — леди из той деревни, большой покровительницы Церкви, которая постепенно сходила с ума. Якобы она настаивала на своей собственной божественности, настаивала, что она и вся ее семья произошли от Христа, поэтому она верила в Бога так сильно, да простит меня Господь, она говорила, что она потомок Марии Магдалины.

— Ее потомок?

— Я рассказываю тебе то, что мне рассказали, — с ненавистью проговорил Беранже.

— Ясно, — сказала я, испугавшись, что, если буду его перебивать, он вообще перестанет рассказывать мне то, что меня так интересует.

— Вся деревня считала ее сумасшедшей, и священник склонялся к тому же, за исключением тех случаев, когда она рассказывала ему о своих видениях. Бывали случаи, когда эта женщина казалась вполне обычной и ничем ни отличавшейся от дру-

гих. А иногда она так менялась в лице, что сам священник боялся того, что видел на нем, и готов был поверить во все, что она говорит. Она была похожа на Марию Магдалину, и лицо ее искажалось от страданий и боли, будто в нее в действительности бросали камни.

Каждый раз, когда женщина посещала священника, она описывала ему свои видения. И ему казалось, что она приходит к нему только для того, чтобы сообщить полученное новое послание. Он постепенно стал записывать эти видения, никому о них не говоря. Они ужасали его. Когда она умерла, он похоронил эту женщину и книгу вместе с ней, но ее видения продолжали преследовать его днем и ночью. И он решил раскопать могилу, чтобы достать эту книгу и сжечь. Но когда он раскопал могилу, спустя несколько лет после смерти женщины, то увидел, что ее тело не было подвержено тлену. А книга, которую он положил рядом с ней, лежала открытая на ее животе, будто она периодически ее читала. — Беранже замолчал. Он весь дрожал.

Через некоторое время я аккуратно спросила, подталкивая к дальнейшему рассказу:

— И что же сделал священник?

— Он переложил книгу и перезахоронил тело, а вскоре началась революция, и он был вынужден покинуть страну.

— Должно быть, его преследовали, — сказала я.

Беранже сидел не двигаясь, потом вновь заговорил:

— Перед отъездом священник написал ему записку. Наш австриец приехал в церковь, но она уже была разграблена. Однако он знал, что священник спрятал в ней что-то для него.

— Книгу! — сказала я.

— Возможно.

Долгое время мы сидела молча. Потом я снова не выдержала:

— Что за история!

— Нелепая, — поддержал он меня.

— А что за книга, которую ты нашел? Это всего лишь церковный регистр?

— Да, регистрация крестин, свадеб, других обрядов.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Там нет ни слова ни о каких видениях.

— Может, дашь мне почитать?

— Мари, у тебя есть основания не доверять мне?

— Нет, просто мне это интересно, я... я... Я хотела всего лишь посмотреть, просто посмотреть.

— Странно, что австриец не попросил ее у меня.

— Почему? Ты ему о ней не написал?

— Я написал, что мы нашли несколько вещей, но не писал, каких именно.

— Так поэтому он тебя и не спросил, он просто о ней не знал!

— Да, вероятно. Он спросил, не находил ли я какую-нибудь книгу с подобными записями, и я сказал, что нет.

— Ты даже не упомянул о церковном регистре?

— Нет, а зачем? Она совершенно незначима.

— Складывается впечатление, что у тебя были причины скрывать это от него.

— Я не доверяю ему. Он высказывается совершенно неоднозначно. Мы не знаем, что у него на уме, к тому же он все время говорит об этих сокровищах тамплиеров. Пусть Бог поможет ему в его поисках. — Немного помолчал, а затем сказал:

— По всей вероятности, одним из предков этой сумасшедшей был сам Великий магистр ордена тамплиеров, Бертран де Бланшфорт.

— Бланшфорт — это руины другого замка, похожего на наш, но восточнее нашего места.

— Да, там жила семья Бланшфорт. И наш друг интересуется видениями этой дамы, потому что думает, там кроется какой-то секрет сокровищ рыцарей Тампла. Он хочет их найти. Но сначала книгу.

— Понятно.

— Все это просто абсурд, а человек этот — маньяк. — И он потер лицо рукой.

— Итак, ты отверг его предложение? — спросила я. Беранже молчал.

— Деньги, которые он предложил тебе, ты их принял?

— Не говори со мной в таком тоне. Это подарок.

— Но в обмен на услуги.

— Ничего больше, чем просто мое внимание.

— И отчеты ему о том, что ты нашел.

— Я не был готов к появлению человека, который проявит к нам такой интерес.

— Тогда тебе следовало бы отказаться от его денег.

— Они нужны нашей церкви, Мари.

— Но ты солгал. Ты взял его деньги в обмен на что-то, чего не собираешься делать.

Беранже разозлился и со всей силы ударил кулаком по столу. Стакан с водой подпрыгнул, и вода выплеснулась, намочив лежащие на столе бумаги. Остальные бумаги слетели со стола. Он приблизился ко мне и заорал:

— А как ты собираешься жить, Мари? На что? Ты что, думаешь, что будешь ходить в церковь, молиться и Бог подаст? Или еще откуда-то деньги к тебе придут? Ты же сама знаешь все прекрасно! Не прикидывайся дурочкой, моя дорогая Мари. Ты же достаточно умна.

Его слова больно ранили меня, словно в живот вонзили острый клинок. Мне надо было сесть на стул, иначе бы я упала:

— Я пришла сюда не для того, чтобы уличать тебя в чем-то или делать выговоры, — наконец произнесла я.

Он отвернулся, уставившись в точку на стене.

— Я ухожу, — сказала я. И ушла, хлопнув дверью. Я сдерживала слезы до тех пор, пока не дошла до креста на холме, где тропинка раздваивалась и шла через раkitник к Эсперазе. Потом они ручьями потекли по моим щекам. Я очень долго гуляла, пока мои слезы не высохли, а руки не перестали дрожать.

* * *

Через день Беранже извинился. Он принес мне маленький букетик ранних полевых цветов и сказал:

— Я был не прав, Мари. Все зло, которое я испытывал к этому австрийцу, я сорвал на тебе. Прости меня.

Я приняла его извинения и цветы, но его неистовство потрясло меня. И я решила не приставать к нему больше. Он был прав. Я была собственницей. Все это время мое внимание сосредоточивалось только на моих собственных желаниях. Вряд ли я когда-то серьезно задумывалась о его проблемах, нуждах и потребностях. Хочет ли он, чтобы я приходила, хочет ли он моего общества, был ли он доволен тем, что я готовила и что-то делала для него еще. И вообще нужно ли ему это? Его слова вернули меня к действительности.

Я избегала его несколько последующих дней, прося мою мать отнести ему ужин. А когда я была вынуждена обращаться к нему, то делала это совершенно иначе.

Он это заметил и снова пытался завоевать мое расположение. Он хотел развеселить меня, шутил, постоянно приносил цветы, просил меня погулять с ним по холмам и поговорить. Он поделился со мной своими намерениями разбить сад вокруг церкви и попросил моей помощи в отборе красивых камней для его ограждения. Но я отказала ему, сказав, что очень занята делами по дому.

И однажды он не выдержал:

— Я не уйду отсюда, пока ты не поможешь мне. Я весь день буду болтаться у тебя перед глазами, — сказал он.

Я смягчилась. Я вытерла руки и сняла с крючка плащ. Но я шла, глядя не на него, а вниз, делая вид, что ищу камни.

— Почему ты сторонись меня, Мари, — спросил он, когда мы уже достаточно отошли от дома. — Я же извинился, разве нет? Что еще я могу сделать?

Я отвернулась в смущении:

— Я не сторонюсь вас, святой отец.

— Святой отец? — И он громко рассмеялся. — Ты уже годы меня так не называла.

Я продолжала идти.

— Ты даже не посмотришь на меня, Мари? Марионетта? — Он остановился, взял очень нежно мою руку в свою и произнес:

— Пожалуйста!

Я повернулась и посмотрела на него.

— Я стараюсь лишь только не искушать вас, святой отец. Вы были правы. Все это время я была собственницей.

— Да нет же, Мари, нет, — сказал он, водя своим пальцем по моей ладони, — это я был не прав. Мне нужна твоя дружба. Без нее меня просто нет.

Я кивнула, сдерживая слезы, но они все равно покатались по щекам. Он ловил их своими пальцами.

— Моя милая, как я дорожу тобой.

* * *

Я была довольна тем, что между нами восстановился мир и мы могли вести себя свободно в присутствии друг друга. Но я сама постоянно напоминала себе

о том, что произошло между нами недавно, и старалась сдерживать свою страсть.

Но книгу я продолжала искать. В отсутствие Беранже я буквально переворачивала его комнату. Я искала книгу на верхних полках с одеждой, в кресле, под крестом, в кровати под матрасом, на кухне среди посуды, я простукивала стены, может быть, у него был тайник, я даже думала приподнять половицу и поискать там, но была недостаточно сильна для этого.

И вскоре мне улыбнулась удача. Как-то, убирая у него, я увидела, что кабинет, который обычно всегда был заперт, когда он уходил, остался открытым. Вероятно, случайно. Язычок замка торчал, но не вошел в отверстие на противоположной стене. Беранже этого не заметил и ушел. Я скользнула туда, и в темноте стала ощупывать все, что попадалось мне под руку. И в верхнем ящике стола я наткнулась на что-то кожаное. Выхватив это что-то, я выскочила в его комнату и на свету разглядела, что это та самая книга, которую я так жаждала увидеть.

Я открыла книгу. Страницы были очень ветхими и ломающимися. В книге действительно говорилось о том, что уже рассказывал мне Беранже. Это был старый церковный регистр дней рождений, смертей, свадеб, который вели с 1694 по 1726 год. Первые страницы этой книги не вызывали никакого интереса. Но потом я нашла очень занимательную запись.

«В тысяча семьсот пятом году, на тридцатом дне марта, умерла в замке на этом месте Леди Д, семидесяти пяти лет, вдова сэра А.Д., казначея Франции. Она была похоронена тридцать первого числа указанного месяца в церкви этого места, и могила ее за балюстрадой».

Я закрыла книгу и снова ее открыла: *в церкви этого места, и могила ее за балюстрадой*. Сердце мое колотилось. Так, значит, это могила.

Я быстро направилась к церкви и нашла ту балюстраду. Она все еще находилась там, ее даже реставрировали. Я приложила ухо к камню, словно могла слышать голос мертвеца, доносившийся из нее, но, конечно же, ничего не услышала. Я хотела отодвинуть камень, прощупала всю его поверхность, но не нашла, за что зацепиться. Я подумала, что, если там могила, значит, там есть полость, может, я смогу сдвинуть камень, продавить его внутрь. Я налегла на него, но он мне не поддался. Тогда я стала вспоминать, что я читала о тех годах. Я читала, что «меровингиане» часто делали так. В книгах про них я нередко встречала упоминания о различных жестокостях и даже о том, что они использовали человеческие кости в качестве фундаментов для возведения своих построек. Может, и наша церковь построена на костях?

Я снова открыла регистр и стала искать еще какие-либо упоминания о захоронениях в этих местах, но не нашла больше ничего. Почему же эта могила существовала здесь более ста лет?

И каков же Беранже! Теперь мне ясно, что он скрывал от меня. Он знал, что здесь могила. Он знал это. Он же сам мне сказал, что прочитал книгу от корки до корки. Не мог же он быть таким невнимательным, чтобы не заметить этого и не сказать мне об этом. Нет, он нарочно мне об этом не сказал. Он знал о могиле, это точно. Что же он скрывает от меня? Почему он спрятал книгу так старательно? Чего он боится?

Будь он дома, я засыпала бы его вопросами. Но его не было. Как бы я хотела, чтобы мадам оказалась бы здесь сейчас. Я отнесла бы ей эту книгу, рассказала бы про могилу, спросила бы о Темпле и вообще выяснила

бы все, что меня так интересует. Я бы даже могла привести ее в церковь и попросить помочь отодвинуть камень и посмотреть, что же там лежит. Но мадам уехала давным-давно, и я уже начала сомневаться, вернется ли она когда-нибудь. И мне пришлось довольствоваться лишь теми знаниями по истории нашей деревушки, которые оставались в моей памяти.

Но в один из дней я подумала, что здесь осталась библиотека мадам и, если мне удастся получить разрешение мэра, то, возможно, я смогу пользоваться ею и смогу найти то, что ищу.

Мэр сильно изменился с того момента, как уехала мадам. Все свое свободное время он проводил в таверне, а когда он напивался, то там же и засыпал. Со стороны казалось, что он совершенно перестал заниматься своими делами в отсутствие жены, но когда кто-то пытался осторожно намекнуть ему на это, он лишь смеялся в ответ.

Я и не удивилась тому, что, когда пришла к замку спросить о мэре, мадам Сью сказала мне, что он в таверне. Я была несколько сконфужена тем, что мне придется искать его там, ведь никогда прежде я не позволяла себе входить туда. Это было место для мужчин, и только мадам Жанна, жена владельца, могла бывать там. Но, поскольку было еще утро, я предположила, что там пока никого нет.

Внутри было темно, и только скудный свет проникал сквозь просветы в ставнях. В помещении пахло спертым воздухом, табаком и вином. Посреди комнаты стояло несколько столов, на них были водружены перевернутые стулья, стаканы и бокалы были аккуратно убраны на специальные полочки. Поначалу помещение показалось совершенно пустым, но потом, когда глаза привыкли к темноте, я заметила мужчину, спавшего на полу, рядом со стойкой.

Это и был мэр. Его плащ был грязным и мятым, шляпа скатилась с головы и валялась на полу. Даже на таком расстоянии чувствовалось, что выпил он немало: от него невыносимо разило спиртным.

Я прошла дальше и столкнулась с хозяином таверны, свежевыбритым и бодрым. Он удивился, увидев меня, однако поприветствовал вежливо:

— О, здравствуй, Мари, что могу сделать для тебя? — Он проследил за моим взглядом, я смотрела на мэра. — Ты пришла посмотреть на месье мэра? Так вон же он! — И направился к мэру. Он растряс его и поставил на ноги. Но мэр никак не хотел вставать.

— Ну, давай те же, месье, уже утро, пора вставать, да и леди вот пришла, видно, ей надо с вами поговорить. Просыпайтесь! — продолжал он почти кричать на него.

Ворча, мэр наконец-то открыл глаза и уставился на меня, совершенно непонимающим взглядом.

— Простите меня, месье, я не хотела беспокоить вас.

— Ничего, ничего, все в порядке, — пробормотал он.

Мы сели за один из столов, и он заговорил:

— Видите ли, я так скучаю по своей жене, — сказал он, смеясь над тем, что я чувствую себя неуютно в такой ситуации. — Мужчина без женщины — все равно что бездомный. Никому я не нужен, никто за мной не смотрит, никто не заботится обо мне. Я так одинок.

— Но вы же в деревне.

— Я не нужен этой деревне. Все вполне могут справиться с тем, что делаю я, — наклеить пару марок, подписать несколько бумаг или написать пару писем. Вот, Бенсон, хозяин таверны, был бы хорошим мэром.

— Но не таким хорошим, как вы, — ответил Бенсон.

— Ну, тогда вы, Мари.

— Нет, месье.

— Вы, наверное, думаете, что я слабый? И вы не ошиблись, я слаб. Я хочу, чтобы моя жена вернулась домой. Почему она не возвращается ко мне?

— Месье... — Я начала чувствовать себя еще более неловко от таких откровенных разговоров.

— Я вам скажу почему. Ей не нужны люди, ей они неинтересны. Она находит утешение не в них, а в своих многочисленных книгах. Я должен был знать, что она никогда не изменится, но я надеялся, что когда-нибудь у нее появятся дети и они изменят ее: она станет такой же заботливой и ласковой, как другие женщины. И что теперь? Женщиной стал я. Я плачу каждый день по любимой, которая не возвращается ко мне. — И он вдруг расхохотался.

— Мария пришла сюда спросить вас о чем-то, — напомнил ему Бенсон.

— Все в порядке, я могу прийти и в другое время.

— Нет, — рыкнул он, хватая меня за руку и заставляя снова сесть за стол. — Сядьте и говорите, чем могу вам служить, мадемуазель.

— Да нет, ну правда. Я приду в другой раз. — Я смотрела на Бенсона, надеясь на его помощь.

— Это только моя вина, конечно же, — продолжал мэр, — она не хотела, чтобы я следовал за ней сюда. Мне надо было слушать свою мать. Она предупреждала меня. Ха! Маму. Кто это слушает маму, да еще в молодости. А моя жена в молодости была так же прекрасна, как сейчас вы, Мари.

— Что значит следовать за ней сюда? — спросила я. — Я думала, она приехала сюда, чтобы быть с вами, после смерти ее отца.

Он вытаращил глаза, уставившись на меня. Потом произнес:

— Да нет же, моя семья из Куозы.

— А разве мадам Лапорт не ваша сестра?

Глаза его открылись еще шире.

— Кто вам это сказал?

— Она сама.

Он смотрел на меня некоторое время, а потом дико расхохотался:

— Вы шутите. Но мне всегда нравились женщины, которые умеют шутить.

Я посмотрела на Бенсона, который внимательно следил за разговором:

— Ну да, — сказала я, — обожаю пошутить.

Спустя месяц мэр рассказал мне свою версию его женитьбы на мадам Лапорт. Мадам, или Симона, как он ее называл, приехала в Куозу одна, ей было всего двадцать пять лет, и только служанка сопровождала ее. Они приехали в повозке и остановились в деревенском парке. Симона строила глазки всем мужчинам, которые проходили мимо. Мэр как раз играл в мяч с друзьями, когда она обратилась к ним и спросила, не мог бы кто-нибудь указать путь до Ренн-ле-Шато, сопроводив их туда. У Филиппа была небольшая перепалка с друзьями, но уже через очень короткое время он выступал в роли провожатого.

По дороге, пока они ехали, Филипп узнал, что она ехала осмотреть замок, который был выставлен на продажу. Симона была дальняя родственница семьи Бертело, тех самых, которые владели этой деревушкой. Это было как раз после смерти Анны Марии де Бертело.

— Но Анна Мария была сумасшедшей, как и ее мать, — сказал мэр, — но у бедной женщины была причина сойти с ума, она потеряла своего сына, когда ему было всего восемь лет. Она умерла как раз перед революцией. Говорят, она бродила где-то несколько дней, не понимая, ночь сейчас или день, а потом, вся грязная, появилась в церкви. Ты не могла об этом не слышать! — добавил он.

— Семья Симоны, — продолжал мэр, — отдалась от семьи Бертело с тех, пор как дедушка Симоны, двоюродный брат Анны Марии, обратился в иудаизм. Он влюбился в дочь торговца, и когда она не захотела покинуть свою семью, чтобы выйти за него замуж, он покинул свою. Перед бракосочетанием он обратился в другую веру, и его семья перестала его принимать.

Они словно отрезали его от себя, и он с невестой уехал в Лион. Там он открыл свое дело, которое принесло ему известность, деньги, независимость и авторитет. У них было много детей, включая и отца Симоны. Симона — единственная наследница этой ветви семьи Бертело. И когда она узнала, что фамильный замок снова продается, она приехала на него взглянуть.

Симона сразу же влюбилась и в деревушку, и в замок, подписала все бумаги о покупке замка, а жители деревни и Филипп влюбились в нее. Им понравилась новая хозяйка: она была гораздо приятнее и приветливее, чем предыдущие хозяева. Но вскоре они узнали, что она еврейка, и отвернулись от нее. А Филипп сделал ей предложение прямо в ту ночь, когда они впервые прибыли в замок. Симона, будучи опьяненная красотой местности и замком, согласилась.

Когда они объявили об этом своим семьям, то нагнулись на стену непонимания, потому что они были разных вер. И они переехали в замок и стали жить вдвоем, совершенно отдалившись от своих семей.

Вскоре восторг от Филиппа и деревни у нее прошел, и она уединилась, не желая иметь детей. Она читала много книг и вскоре уже не принимала ни одну веру, ни христианскую ни иудейскую. А по деревне скоро поползли слухи, что муж и жена спят в разных спальнях, поэтому у них и нет детей, потом

прочие слухи, на которые только были способны злые языки.

Я выслушала его историю, поблагодарила и уже собралась уходить, мне так о многом теперь надо было подумать, но мэр остановил меня:

— Ты приходила, чтобы спросить меня о чем-то, ведь так?

Спрашивать его о том, о чем я хотела узнать у него раньше, уже не было смысла, и я сказала:

— Я просто пришла поинтересоваться мадам. Передавайте ей от меня привет.

— Будет лучше, если ты при случае передашь ей мой. Она всегда любила тебя.

Меня поразила глубина боли мэра. Я ушла от него, думая о том, кто же из них лгал, а кто говорил правду. Оба рассказывали о сумасшедших женщинах. И Беранже рассказывал мне то же. Интересно, это одна и та же женщина или это разные дамы? Почему все-таки уехала мадам? Почему она не хотела детей от своего мужа? Обманывала ли она меня? Ведь история, которую рассказала мне она, в корне отличалась от той, которую рассказал мне мэр. Если она обманывала меня, то почему?

Бейт-Ания*

На дороге они встретили женщину, которая шла одна. Когда она увидела Иешуа, она решительно направилась прямо к нему. Кефа и Иоханан вышли вперед, чтобы преградить ей путь, защитив его от возможного нападения, но Иешуа коснулся их плеч, чтобы они разошлись в стороны.

* Бейт-Ания, или Вифания, — еврейское поселение.

— Марта, — сказал он, кивнув.

— Учитель, — склонила голову Марта, а когда подняла, глаза ее сверкали от гнева:

— Почему ты не приходил?

— Вот он я, — ответил Иешуа.

— Ты знал, что он болен. И не пришел. Теперь он умер. Элазар* умер. Наши сердца разбиты. Мы думали, что ты придешь.

Иуда выступил вперед:

— Откуда мы могли знать? Мы в пути с самого Шаббата.

— Ш-ш-ш, Иуда, — произнес Иешуа, — я знал.

Марта запрокинула голову назад и посмотрела в небо, чтобы сдержать слезы:

— Как ты допустил, чтобы он умер!

— А сколько других людей умерло в тот же день, что и твой Элазар? — парировал Иуда. — Сколько других страдает? Почему все они не получили особое лечение?

— Иуда, — сказал Иешуа, качая головой, — ты поглупел от гнева. — Потом, обернувшись к Марте, он добавил: — Послушай, Элазар вновь воскреснет.

Марта встретила с ним взглядом.

— Ты вернешь его нам обратно? — спросила она.

— Где он похоронен?

Она указала на отдаленную гору, на которой были видны несколько крупных белых камней, стоящих рядом. Их было хорошо видно на темной горе.

— Сходи за своей сестрой и приведи ее сюда. Мы пойдем к нему вместе.

Марта ушла, поспешно направляясь к деревне.

Мужчины разошлись в разные стороны — некоторые собрались под платаном, другие спустились вниз

* Лазарь (библ.), которого Иисус Христос воскресил через четыре дня после его смерти.

по склону в поисках какого-нибудь источника, чтобы утолить жажду. Женщины — Мириам, Сусанна, Йохана и Шломит — сели вместе в сторонке, неподалеку от платана. Они были обеспокоены и сидели на траве, словно дикие животные, готовые вскочить в любой момент.

— Кто она такая? — спросила Йохана.

Они обернулись к Сусанне — их оракулу. Она помнила имена и взаимоотношения, семейные связи, она запоминала все, впитывая любые сведения, словно губка.

— Сестра жены Иешуа, — сказала она, пропуская стебельки травы между пальцами. — У нее было две сестры, вторую тоже зовут Мириам. — Она стыдливо улыбнулась Мириам из Магдалы. — Элазар был их братом. Когда умерла жена Иешуа, все думали, что он возьмет в жены Мириам. Она моложе и очень красивая.

Йохана взглянула на Мириам из Магдалы с жалостью.

— Где ты слышала об этом? — спросила она у Сусанны, пытаясь хоть немного умерить свой гнев ради Мириам.

— Я разговаривала с матерью Иешуа, — ответила Сусанна, нервно поглядывая на Мириам, как будто бы опасалась, что та может впасть в беспамятство от ревности.

Мириам испытала прилив гнева и стыда. Их деликатность глубоко задевала ее, ей хотелось втоптать их сочувствие в пыль, как пропитанный потом плащ на ее спине. И все же она не могла отрицать, что все происходящее было ей небезразлично, ревность и зависть душили ее.

Со стороны дороги они слышали женский плач. Отчаянные рыдания повторялись снова и снова. Они смотрели на дорогу, но все еще не могли видеть

ту, которая шла по ней и столь безутешно плакала. Потом они увидели Марту придерживавшую за плечо женщину невысокого роста, лицо которой было прикрыто шалью. Иешуа быстро направился к ним. Он опустился на колени перед рыдающей женщиной, и она упала в его объятия. Ее рыдания стали громче и отчаяннее.

— Где ты был? — кричала она сквозь слезы. — Где ты был?

Иешуа прижимал ее к груди, по которой она колодила кулаками. Лицо его исказилось, и он тоже заплакал. Испуганные происходящим мужчины поднялись и направились от платана прямо к трем скорбящим людям.

— Вот я пришел, — сказал Иешуа, — я здесь.

Ревность вновь охватила ее. Как она сможет совладать с этой твердой рукой, которая сжимает ее сердце, когда изо дня в день она видит, как он тратит себя на других? Он тоже страдает вместе с ними. Каждую смерть, каждую рану он переживает, как свои собственные. Даже растоптанное тельце птенца, выпавшего из гнезда, вызывает у него печаль. Как будто бы кровь всех живых существ, всех, кого он любит, пульсирует у него в крови. Она удивлялась тому, что он не плачет постоянно, хотя все время испытывает чувство сострадания. Ее поражало то, что он может учить и лечить, а не просто ходить, неся в своем сердце этот давящий груз вины и сочувствия.

Спустя какое-то время он поднялся, помог Мириам из Бейт-Ании подняться с коленей. Потом последовал за Мартой. За ним устремились мужчины, а затем и женщины. Иешуа вел процессию вверх по дороге к горе, где была устроена гробница. Мириам, которая поймала себя на том, что ревнует, старалась прогнать прочь эти чувства и молилась.

Она была полна предчувствий и ожиданий. Она знала, что Иешуа собирался сделать так, чтобы этот человек восстал из мертвых, сделать то, чего она никогда прежде не видела собственными глазами. Говорили, что Иешуа уже воскрешал, но это была молодая девушка, и произошло это сразу же после ее смерти, правда, Мириам не видела свершенного чуда: это было задолго до того, как она отправилась вместе с ним. Но этот Элазар умер уже несколько дней назад. Его уже обмыли и намазали тело миррой, и он уже был положен в гробницу.

Подумать только, всего лишь месяц назад она бы усомнилась в том, что Иешуа может сделать нечто подобное. Но теперь многое изменилось в ней самой, и даже направление мыслей стало иным. Она знала, что он сумеет это сделать, но это не имело большого значения. Она понимала, что чудеса сами по себе не являются чем-то главным. Да, они тоже играли определенную роль, и они много значили для тех, кто оказывался излеченным, но сам факт излечения того или другого человека, изгнания бесов был не так важен, как присутствие Учителя и его пример.

Любовь, которую он нес в себе и передавал каждому — калеке и прокаженному, богатому и бедному, достойному и отверженному. Это была все та же любовь, которая заставляла его плакать при виде греха женщины, она давала ему силы вернуть назад то, что эта женщина утратила.

Гробница была одной из нескольких, расположенных на склоне горы. И так же, как и другие, она была выдолблена в камне и прикрыта большим валуном, покрашенным в белый цвет. Наверху валунов были сложены пирамидки из нескольких мелких камешков, оставленных здесь скорбящими. Элазара, казалось, очень любили, потому что на валуне около

его гробницы пирамидок было несколько, и они были довольно высокими.

Иешуа постоял на коленях перед гробницей некоторое время, бормоча молитвы. Марта и ее сестра стояли рядом, а другие женщины наблюдали за ними издали. Некоторые из мужчин бродили у края дороги, пытаясь рассмотреть башни Иершалаима, до него было не более двух миль.

Наконец Иешуа поднялся, отряхнул одежду, попросил, чтобы ему помогли откатить камень от входа. Марта, которая вдруг испугалась, стала возражать:

— Равви, уже прошло несколько дней. Там уже будет запах тлена.

Но Иешуа с помощью Кефы и Тома взялся за камень. Они втроем раскатали его и, с криком накренив, опрокинули в сторону — камень упал, открыв вход в гробницу.

Из могилы ударила волна зловонного запаха тления. Мириам начала ловить ртом воздух, а потом ее стало тошнить. Прикрывая рот рукой, она отошла как можно дальше по дороге, и там ее вырвало. С Кефой и Томой произошло то же самое. Потом все втроем вернулись, чтобы взглянуть на Иешуа, который, прижав полу накидки к носу, вошел в склеп. Мириам едва сдержалась, чтобы не окликнуть его, чтобы не умолять его не входить внутрь. Мириам из Бейт-Ании сидела на корточках у входа в склеп, глядя на него.

— Как она выносит это? — недоуменно пробормотала Йохана.

Мгновение спустя Иешуа вышел.

— Кефа, — позвал он, — он не может идти сам.

Кефа с ужасом, застывшим в глазах, глубоко вздохнул и последовал за Иешуа. Прошло еще сколько-то времени, и затем двое из них вновь появились,

неся тело: Иешуа держал ноги, а Кефа, самый сильный из них, держал голову и плечи.

Они уложили безжизненное тело на землю перед склепом. Его голова и лицо были обернуты пеленами, пропитанными благовониями, длинными льняными полосами были обернуты ноги и руки. Мириам из Бейт-Ании опустилась на колени и коснулась его руки. Она вопросительно взглянула на Иешуа.

— Сними пелены, — приказал он.

Мириам из Бейт-Ании начала с руки. Ее руки сильно дрожали. Марта подошла ближе и начала разбинтовывать вторую руку. Лицо было припорошено белым, как хлеб, который собираются поставить в печь. Сестры протерли руки снятыми полосками ткани.

Затем они стали разматывать полоски ткани с ног и наконец приступили к голове. Марта приподняла голову, а ее сестра начала снимать пелены.

Элазар был молодым, на его коже, которая стала серой, не было ни морщинки. Та же самая белая пудра покрывала руки и ноги, ноздри и веки и местами была видна на щеках. Мириам подавила еще один приступ тошноты.

— Элазар, — сказал Иешуа так, как будто пытался разбудить уснувшего ребенка. — Элазар, ты нужен своим сестрам.

Веки вздрогнули.

— Ох, — выдохнула Марта, отскочив в сторону.

Глаза открылись и замерли — они начали оживать: сначала он стал вращать ими, моргать, обводить всех взглядом, Мириам из Бейт-Ании, которая целовала ему руку снова и снова, тихонько вскрикнула.

Мириам приблизилась. Она видела рождение трех своих сестер, поэтому знала о восторге и радости, которую испытываешь, наблюдая за появлением новой

души на свет. Это нисколько не отличалось от чуда рождения. Элазар моргал и смотрел, как все новорожденные, и казался таким же беспомощным и слабым. Он молча двигал губами, не издавая ни звука. Казалось, что он не может поднять ни руку, ни ногу, ни голову. Все, что указывало на то, что он вновь ожил, — это его движущиеся глаза, голубые, как вода в озере.

Марта целовала сандалии Иешуа.

— Спасибо, — бормотала она. — Спасибо.

Кефа опустился на колени в страхе и благоговении. Все, глядя на него, тоже опустились на колени, склонив головы перед лицом чуда восстания из гроба. Иешуа произнес благодарственную молитву, как делал это перед и после каждого чуда, которое он совершал. Мириам слышала в его голосе ликование и гордость.

Прошло время, прежде чем Элазар смог заговорить, и еще больше, пока он смог подняться, поэтому они провели весь день здесь, возле гробницы, ожидая, когда все они смогут продолжить путь: подняться на гору и вновь войти в город. Мужчины от нетерпения суетились. Они говорили о чуде, как о победе, и воображали, с каким триумфом войдут в Бейт-Ания следом за Иешуа и Элазаром.

— Все сбегутся, чтобы посмотреть на чудо! — возбужденно восклицал Андреас.

— Все сомневающиеся теперь уверуют! — провозглашал Кефа. — Они будут бессильны рядом с нами! Славься, Господи!

— А когда мы войдем в Иершалаим, — добавлял Леви, — вместе с Элазаром, кто сможет остановить нас? Мы — как народ, который шел вместе с Моисеем через Красное море!

— Элазар не пойдет в Иершалаим! — раздраженно сказала Мириам из Бейт-Ании. Она приподняла

голову Элазара и поддерживала его за плечи, она укачивала его, а Марта напевала какую-то мелодию и умащивала его ноги соком алоэ, который был оставлен внутри гробницы. — Забудьте об этом. Он останется дома с нами.

Она действительно была невероятно красива, это была правда. Ее темные глаза и резко очерченные скулы производили впечатление чего-то дикого, животного и необузданного. Как она отличалась от своей сестры! Марта была такой спокойной, такой правильной, рассудительной, в то время как Мириам из Бейт-Ании была резкой и опасной, как огонь. Какой же была их сестра? Была ли она столь же прекрасной и страстной, как Мириам? А может быть, она была правильной, как Марта? Любил ли ее Иешуа?

Мириам посмотрела в сторону вновь собравшейся семьи. Иешуа ушел, чтобы помолиться. Йохана и Сусанна отправились на поиски воды. Шломит сидела одна, бессмысленно улыбалась чему-то, как обычно, вне шумной и галдящей толпы. Душу Мириам обуяла печаль. Она устала, испытывала голод и жажду.

Она должна была быть благодарна, ей было чему радоваться: вскоре они будут в Иершалаиме, она надеялась найти там свою семью. Иешуа нес свою благую весть, и люди присоединялись к нему. Мужчины буквально дрожали от возбуждения, предвкушая свой торжественный вход в новое Царство, восстановление справедливости и мира в стране. И, конечно, этого последнего чуда. Но она чувствовала себя опустошенной, полной мрачных мыслей и предчувствий. Воскресение Элазара, оживление мертвого тела было неестественным и пугающим. Он пребывал в покое, а теперь его подняли, разбудили, и он снова будет мечтать, испытывать разочарования

и надежды, горести и радости, снова жить. Она не могла отпраздновать это событие, она не понимала его смысла. Ощущение величия сотворенного чуда, которое еще час назад наполняло ее, померкло. Она снова была самой собой, свободной от обуревавших ее демонов и, может быть, даже более беззащитной, чем раньше.

— Все станут травой, — прошептала она. Она поднялась вверх по склону горы, наблюдая за тем, как при каждом шаге из-под ее ног поднимаются вверх облачка пыли.

Глава IX

Несмотря на то что я объявила войну Беранже, я бы, скорее всего, отправилась к нему и рассказала все, что узнала от мэра, если бы не Мишель, которая приехала следующей ночью со своей бедой.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как она вышла замуж. И она регулярно и очень подробно писала нам о своей семейной жизни: как они живут, как нравится ей вести собственное хозяйство в собственном доме, как она распоряжается деньгами, которые приносит ее муж, сколько времени она уделяет своим куклам и как потом продает их на рынке. Из всех этих писем мы делали вывод, что Мишель счастлива в браке, поэтому и были так удивлены, когда она появилась у нас на пороге с мокрыми и красными от слез глазами и в одежде, мокрой от дождя. Мама сразу же посадила ее перед камином, дала ей сухую одежду и принесла горячего бренди. Мишель сделала несколько глотков и поведала нам свою историю.

У Жозефа была очень тяжелая работа и очень плохой хозяин. Он очень часто задерживал, а то и не

выплачивал жалованье вовсе. Мишель, которая уже потеряла одного ребенка, уговаривала его вернуться домой, уверяя, что он всегда сможет найти работу на фабрике. Но Жозеф упирался, объясняя, что не может вернуться, ничего не добившись на новом месте, ведь он потеряет всякое уважение у жителей деревни. Мишель уже была беременна вторым, и вот, после целого месяца споров и уговоров, в страхе потерять второго ребенка Мишель убежала, пока Жозеф был на работе.

Мама разозлилась на нее:

— Как ты могла так поступить? Если ты боялась потерять ребенка, как могла ты одна отправиться в дорогу по этим горам и холмам? Это же очень опасно и рискованно.

Мама отправила Мишель в одну из комнат, уложив ее в постель и оставив камин гореть. И всю ночь ходила вокруг нее, то поднося ей горячий бренди, то растирая маслом живот, пока не убедилась, что Мишель наконец-то согрелась и успокоилась.

Жозеф приехал к нам на следующее утро. Когда он открыл дверь и увидел Мишель, сидящую перед камином, он упал перед ней на колени и разрыдался. Он думал, что она тяжело больна. Никто из нас не мог доказать ему обратное и остановить его слезы до тех пор, пока сама Мишель не встала и не начала ходить по комнате, поднимая руки и ноги демонстрируя ему свое здоровье. Тогда он перестал плакать и стал ощупывать ее, пытаясь понять, не пострадал ли ребенок.

Вскоре они переехали обратно в деревню. Он согласился, испытав настоящее облегчение, избавившись от своего хозяина-деспота. Он был рад снова жить среди семьи и друзей и растить своих детей в таком прекрасном месте, как это. Мама расплакалась, когда они помирились, папа вышел на улицу и заорал что есть мочи:

— Я собираюсь стать дедушкой!

Они стали жить в старом доме Жозефа, а Жозеф нашел место контролера на фабрике и уходил утром вместе со всеми мужчинами и возвращался домой к ужину.

Беременность Мишель повлияла на меня весьма странным образом. Пожалуй, впервые я задумалась о том, что мне уже достаточно лет, а я даже не замужем и у меня нет возможности родить ребенка и стать матерью, как это сделали уже многие девушки моего возраста в нашей деревне. Меня пугала мысль, а вдруг я вообще окажусь бездетной.

Наблюдая за Мишель, в основном как она становится больше и все менее подвижной, я стала понимать, как мне хочется все это испытать самой, как хочется иметь свою семью. Я видела, как суетится вокруг нее мама и радуется Жозеф, возвращаясь с работы домой, видела, как папа смастерил кровать, мама вязала пинетки и шила рубашечки и пеленки, даже Клод принимал участие во всем этом, а я только смотрела со стороны. Я любила Беранже, но у нас не могло быть близости. Я часто думала об этом. И значит, у меня никогда не будет детей. Мне не суждено было стать матерью, но я уже почти стала тетей, это тоже очень почетное звание.

Ребенок родился в самый жаркий летний день. Было так жарко, будто везде стояли чайники, которые кипели и их забыли снять с плиты. Когда ребенок появился, мне показалось, что он совершенно безжизненный. Но уже через несколько минут, когда повивальная бабка омыла его теплой водой, погладила, в общем, проделала с ним все необходимое, я увидела, что он сразу порозовел, закричал, а когда она положила его рядом с Мишель и он, открыв свой крохотный ротик, попытался сосать ее грудь, то сразу же заснул. Мишель была накрыта простыней, которую сшила мать Жозефа специально для этого случая.

Мишель назвала его Эдуардом, в честь отца, но мы звали его Пичо, потому что он был такой маленький. Все любовались им, а Беранже поцеловал его сразу после крестин и назвал своим племянником.

Пичо стал моей надеждой и маленьким счастьем. Все свое свободное время теперь я посвящала ему. Мне было приятно выполнять обязанности, связанные с уходом за ним, и я с гордостью носила звание его тети. Я знала, что Беранже меня не хватает, но теперь, вместо того чтобы, как раньше, покончив с домашними делами, идти в церковь и быть рядом с ним, делать что-то для него, я неслась в дом Мишель, брала Пичо на руки и нянчилась с ним. Беранже становилось грустно от того, что он видел, как мне хотелось ребенка и как судьба распорядилась мною. Из-за любви к нему я отказываюсь от счастья быть матерью. Он видел, что я жертвовала собой ради него. Ради нашей любви.

Я варила малышу еду, гладила его рубашонки и делала много других разных дел. И Беранже стал проводить много времени в их доме, нянча Пичо. Этот ребенок изменил нашу жизнь: папа стал меньше времени проводить в таверне, отношения Мишель и Жозефа окрепли. Да и все мы стали дружнее, больше времени проводя вместе. Клод сделал для него ходунки, когда Пичо подрос до такого возраста, что мог уже сидеть и упираться ножками. У меня и мамы текли слезы, а отец весело смеялся, когда мы видели, как он катается по дому.

И тем не менее я не забыла об австрийце и мистической книге. История мэра на многое мне открыла глаза. Я обладала довольно редкими сведениями. Сопоставив многие факты, я пришла к выводу, что эта сумасшедшая женщина, у которой были видения о том, что она Мария Магдалина, была матерью Анны Марии Бертело и родственницей мадам. Я не могла

быть в этом уверена, но это было похоже на правду. Я чувствовала. До некоторых пор этих знаний мне вполне хватало. Беранже же, казалось, вообще потерял интерес к камню и могиле. Он продолжал заниматься служением месс по составленному нами ранее регистру. Вспоминая нашу ссору, я не настаивала на дальнейших поисках, да и сейчас все мои мысли были заняты сыном Мишель.

Вскоре после рождения Пичо заболел отец. Как-то раз, когда они с Клодом возвращались с фабрики, отец вдруг так ослабел, что Клоду пришлось тащить его домой на плечах. Клод, придя домой, разрыдался. Отец буквально висел у него на руках. Мама и Клод уложили отца в постель, я побежала за доктором. Он пришел немедленно, к тому моменту отец уже немного пришел в себя. Доктор осмотрел его и велел оставаться в постели несколько дней.

Эти дни мы провели, не выходя из дома. Выполняя домашнюю работу, мы с мамой старались не тревожить отца. Мама часто заходила к нему в комнату, присаживалась на кровать, разговаривала с ним, расчесывала ему волосы или просто вязала. Клоду теперь приходилось работать на фабрике за двоих, мне же по дому, потому что мама почти все время проводила с отцом. Я готовила разные вкусные блюда, сама их изобретала специально для отца, время от времени подменяя мать: ставила ему компрессы, протирала лоб. Отец ласково улыбался и пытался шутить, но все еще был очень слаб. Иногда мы давали ему посидеть, взбивая подушки под спину, но в основном он лежал.

Доктор пришел снова, осмотрел отца и сказал, что у него воспаление легких, от которого можно было спастись только постоянной сменой компрессов, обильным горячим питьем и специальным отваром трав, который он готовил сам и приносил. Как-то он принялся выговаривать нам:

— Это все потому, что у вас такой дом. Ветер дует из всех щелей, гуляет по дому, как хочет. Вот его и продуло.

Мы выполняли все рекомендации врача. Я каждый час варила отцу чесночный отвар, меняла компрессы и давала питье. Но улучшения его состояния мы не замечали, более того, отцу становилось все хуже. Кашель бил его все чаще, он похудел, лицо осунулось, глаза ввалились, и вокруг них были черные круги.

Однажды Беранже собрал нас всех внизу и сказал, что мы должны быть готовы ко всему.

Мама не выдержала, закричала на Беранже и обозвала его лжецом и болваном, сказав, что она видит, как ему становится лучше с каждым днем. Голос ее перешел на визг, и она никак не могла остановиться, выкрикивая угрозы и проклятия, пока Клод не сказал ей, чтобы она прекратила, ведь отцу нужна тишина.

— Мы все будем надеяться на лучшее, Изабель. Мой брат привез мне святой воды из Нарбонна. Я дам ее попить Эдуарду, возможно, это поможет.

Мама не ответила, она знала, как отец относится к Церкви.

— Ваш брат не будет против, если вы отдадите эту бутылку нам? — спросила я.

— Думаю, что не будет, — ответил Беранже.

— Ну что, мам? Давай попробуем? Надо попытаться.

Я знала, что отец будет сопротивляться помощи Бога, в которого он не верит. Но мы могли и не говорить ему, что это за вода. Я сама неоднократно слышала, как он говорил, что не будет пить эту старую воду, которая где-то там стоит много времени и якобы не портится. Он даже пробовать ее не хотел.

В тот вечер Беранже не было с нами. А я не могла больше оставаться в доме, мне нужно было выйти прогуляться. Немного отвлечься от всего происходящего.

Я вышла просто прогуляться, уже было темно, дул сильный ветер. Я шла, сама не зная куда, и набрела на камень, у которого когда-то мы так часто сидели с Мишель и болтали ни о чем. Я села на него. Ветер был такой сильный, что меня с него чуть не сдувало. Я думала о том, что все в этом мире устроено несправедливо. Что Бог дал нам Пичо и тут же захотел отобрать отца, а ведь Пичо еще так мал, для того чтобы терять дедушку, он даже и не вспомнит его, когда вырастет, потому что еще совсем кроха. Чем дольше я сидела, тем сильнее на меня накатывало состояние невероятной тревоги. Я подумала, что, пока я тут сижу и вдыхаю свежий воздух, мой отец лежит и умирает в душном доме. Но я пошла пройтись не потому, что я устала ухаживать за ним или от напряжения в доме, мне было очень жаль его, у меня сердце разрывалось, когда он заходил в кашле, мне так хотелось плакать, но он мог заметить, а я не могла его беспокоить.

Я сидела и смотрела на темное небо, вдруг заметила промелькнувшую тень у деревьев. Это оказалась сова, которая в следующее мгновение пролетела мимо меня и скрылась в темноте. В наших краях совы были редкостью, и увидеть сову считалось плохой приметой. Все равно что предвестник смерти. Она пролетела мимо меня в зловещей тишине, сильно взмахивая крыльями. Я услышала только, как воздух шумит от их движения. По спине побежали мурашки. В голову полезли дурные мысли. Конечно, неисповедимы пути Господни, только он может знать, что теперь будет с отцом, но сейчас, сидя на камне, я подумала, что могу пропустить что-то важное, если тотчас же не вернусь домой. Я нужнее своему отцу дома, нежели здесь, на ветру... в темноте... на камне. Я побежала домой. Влетев в его комнату, я рухнула на колени около его постели и расплакалась.

На следующий вечер пришел Беранже с бутылкой святой воды. Он показал ее всем: маме, Мишель, Пичо, Клоду, — всем, кто находился в комнате, предупредив, что не следует говорить отцу, что ему предлагают выпить. Потом он пошел к отцу и обратился к нему:

— Выпьем немного, Эдуард. — Он поднес бутылку к его губам и влил немного воды прямо ему в рот, подождал, пока он проглотит, потом еще и еще, пока отец не замотал головой, давая понять, что не может больше пить. Но почти сразу же он отвернулся к стене и спокойно заснул.

— И что теперь? — нетерпеливо спросил Клод, ожидавший, что отец тут же поднимется с кровати, как святой Лазарь.

— Теперь мы должны ждать, — спокойно ответил Беранже.

И мы ждали. Терпеливо ждали. Мать и Клод заснули у кровати отца, а я осталась дежурить. В какой-то момент мне казалось, что отец вот-вот перестанет дышать, и вдруг произошло чудо, которого мы все так ждали. Он почувствовал себя лучше. Я продолжала постоянно менять ему компрессы и давала свежее питье, а ведь я уже почти совсем отчаялась, решила, что небеса несправедливы к нам и заберут отца. Но дыхание его стало чище, а взгляд — яснее. И вдруг, когда я, устав, заснула, он разбудил меня своим шепотом:

— У тебя, наверное, уже шея затекла, иди поспи, — прошептал он, поглаживая меня по голове.

Со следующего дня он пошел на поправку. В тот день он съел хороший обед, подобрав ложкой все, что оставалось в тарелке. А за несколько последующих он окреп по-настоящему и уже почти через неделю совсем поправился. Первое, что он сделал, — это вышел на крыльцо и вдохнул свежего воздуха.

Беранже говорил о выздоровлении отца как о чуде и беспрестанно молился Святой Деве Марии и нас зывал к тому же. Я прониклась к Церкви большим уважением. Это действительно было первым чудом, которое я видела своими глазами, а не слепо верила рассказам Беранже, как раньше.

Вскоре я снова увидела сову, но уже не придавала ей значения. Хотя мне показалось странным, почему я снова вижу ее. За отца я совсем не волновалась, но, поскольку совы все же предвестники смерти в наших краях, я невольно отметила ее появление.

Вся деревня праздновала выздоровление отца. Я же теперь верила всему, что прежде слышала от Беранже или от других людей о чудесном выздоровлении кого-то или просто о каких-либо странных вещах. И молилась, молилась, молилась. Я задавалась вопросами «А что, если...» и отвечала себе на них сама, начиная со слова «возможно» или «наверное».

Доктор, лечивший отца, был очень удивлен и очень рад, что состояние, из которого выкарабкаться было уже совершенно невозможно, отступило, даря отцу вторую жизнь. Он все никак не мог понять, как так получилось, и вел долгие разговоры с Беранже, а тот расплывчато отвечал:

— На все воля Божья.

Сам же отец подшучивал так:

— Это произошло потому, что я зять священника.

— Заткнись, Эдуард, — прикрикивала на него мать, — не слушайте его, доктор.

— Я вам скажу еще кое-что, — продолжал врач, — если вы не почините этот дом, то точно все скоро умрете. У вас сквозняк гуляет там и тут. Я не представляю себе, как вы вообще можете жить в таком доме.

Но на ремонт у нас не было денег, не говоря уже о том, чтобы перебраться в какое-либо другое место. А дом действительно был в ужасном состоянии.

В еще более ужасном, чем был, когда мы только переехали сюда. Штукатурка обсыпалась, местами вываливались некоторые камни, окна и двери покосились, над входной дверью, в стенных прорехах, голуби вили гнезда.

— Да его уже и не стоит чинить, — сказал как-то одним зимним вечером Клод. — Забудьте. Сегодня приведешь в порядок то, что сломано, а уже завтра сломается что-нибудь еще. Этот дом такой же старый, как и замок.

— А почему бы вам не переехать ко мне? — предложил Беранже, отпивая немного свежего вина, которое приготовила мать, уютно устроившись в кресле у камина.

Отец не отрывал глаз от огня.

— Согласитесь, это здорово облегчит вашу жизнь сейчас, — продолжал Беранже. — Эдуард совсем поправится, и вы сможете постепенно ремонтировать свой дом, живя у меня.

Мать присела на краешек стула, положила руки на колени и посмотрела на отца. В комнате воцарилось молчание. Все ждали решения отца. И вот он заговорил:

— Это очень великодушное предложение, — начал он.

— Вы думаете о том, как бы его отклонить, Эдуард? — спросил Беранже, хитро поглядывая на отца.

— А вы хорошо меня знаете, святой отец. Я всегда подозреваю альтруистов.

Беранже не отступал:

— У меня есть лишние комнаты, у вас будет все, что вам нужно, — и, видя, что мой отец все еще не готов согласиться, продолжил: — Вы все — моя семья здесь.

Мы переехали через месяц, когда настала зима. Помещение было не намного больше, чем наш дом,

но очень удобным и теплым. Верхнюю, самую большую комнату заняли мои родители, там они устроили свою спальню, я заняла маленькую комнатку рядом с кухней. Клод спал в гостиной, поскольку он был уже достаточно взрослым и часто посещал таверну, не редко приходя пьяным, но никто не делал ему замечаний. Всем хватало места.

Атмосфера дома Беранже действовала на меня очень положительно. Я стала больше молиться и рассуждать о Боге и всех святых. Мои отношения с Беранже были равными, я перестала думать о том, что наши отношения неестественные. Я просто жила.

Но вскоре я стала замечать, что постоянно ощущаю присутствие Беранже. Я узнавала его по шагам, когда он входил на кухню, в то время, как я там готовила; когда он был наверху в своем кабинете, то по моим рукам бегали мурашки, словно подталкивали меня подняться. Когда он произносил мое имя, мне казалось, что он касается меня своим голосом. Я стала ронять предметы, когда он оказывался рядом со мной и смотрел на то, что я делала; я чувствовала его запах от полотенец, которыми он вытирался, от постели, в которой он спал. Я ощущала, как сливаюсь с ним, чувствуя себя его неотъемлемой частью. Но я заметила, что и с ним происходит нечто подобное. Он все чаще прикасался ко мне, внимательно смотрел на меня, не говоря ни слова, подходил ко мне совсем близко.

Когда я подавала еду, он как будто бы случайно мог вскользь приобнять меня за талию. Если я резала овощи к обеду, сидя за столом, он мог подойти ко мне и положить руки на плечи, и тогда я останавливалась, потому что в голове творилась такая сумятица, что я могла порезаться. Когда он находился рядом, я могла думать только о нем и ни о чем более, впрочем, и когда он отсутствовал — тоже.

Но он мог управлять своими желаниями. Он явно часто думал о близости со мной, но не позволял себе ничего лишнего. Иногда мне даже казалось, что он забавляется, глядя на то, как я сгораю от желания и любви.

Наше общение всегда было подчеркнуто отстраненно-вежливым, а я любила его все сильнее и сильнее. Он же становился все неприступнее.

Мы жили вместе долгое время, мы стали уже почти как одна семья. Отец совсем уже поправился. Отношения стали такими теплыми и какими-то семейными, что Беранже иногда даже добродушно поругивался с моей матерью. Бывало, они спорили о чем-то, и, когда Беранже начинал одерживать в споре верх, мать не выдерживала и принималась всерьез на него ругаться — он же по-доброму подтрунивал над ней. Я смотрела на них, и мне было так весело и хорошо на душе.

Беранже чувствовал, что нас тянет друг к другу все сильнее и сильнее, и это заставило его переключить все свои мысли и внимание на перестройку церкви. Он хотел разбить большой сад и как можно больше сделать полезного для нашей деревни. Он все что-то ремонтировал, чинил, строил, красил и всегда был настолько занят, что на общение со мной у него просто не хватало времени. Так прошла зима. Его строительные планы не завершились и до конца лета. Он решил построить библиотеку. Он регулярно служил мессы и был все так же внимателен к нуждам жителей деревни, навещал всех, кому необходима была его помощь.

А еще Беранже был озабочен тем, как построить специальное возвышение для проведения проповеди. В сентябре он собрал рабочих, но через день отпустил их. На мой удивленный вопрос он ответил, что они не достойны такой работы и он найдет лучших мастеров.

Мне показалось странным его решение, но больше я никаких вопросов задавать не стала. Все ждали, пока он наймет лучших работников.

Но, войдя в церковь на следующий день после отъезда рабочих, я поняла, что камень с рисунком исчез. Рабочие успели разобрать старую кафедру для проповедей. Почему-то были подняты и несколько каменных плит, и именно тот камень отсутствовал. Я осмотрела все вокруг несколько раз и очень внимательно. Камня точно не было. По телу пробежала дрожь. Я направилась прямо к Беранже. Ворвалась в его комнату с вопросом.

— Где камень? — требовательным тоном спросила я.

Он растерялся и казался сконфуженным.

— Камень с изображениями, — кричала я. — И не прикидывайся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю.

— А-а, ты об этом, так рабочие вытащили: они будут выкладывать там новое возвышение.

— Но почему ты не сказал мне?

— Да это была обычная работа, Мари. Я и не подумал об этом.

— Ну ты же знал, что я им интересовалась!

— Ну прости меня. — Его тон был отсутствующим.

— Что ты с ним сделал?

— Он на церковном кладбище, в отличном состоянии.

Я побежала туда и действительно нашла его там, но оказалось, что с него пропали все рисунки. Мне нечего было смотреть. Я присела около него, провела по нему пальцем. Поверхность была совершенно ровной.

Новую кафедру соорудили только через месяц. Я часто приходила к церкви и наблюдала за тем, как продвигается работа. В один из дней я увидела на том месте, где раньше лежал камень, выкопанную яму и

ограждение вокруг нее. Меня мучил вопрос, что там происходит, и, когда работы были завершены, я все-таки спросила Беранже:

— И что ты нашел там, под камнем?

Он усмехнулся и ответил:

— Грязь, Мари, что же еще?

Но я успела почувствовать дрожь в его голосе и поняла, что ответ был неискренним. Я была уверена в том, что он нашел могилу. Он стал более беспокойным и выглядел как человек, потерявший покой и сон. Когда я спрашивала, что его беспокоит, он лишь неловко отшучивался.

Однажды ночью я услышала стук входной двери и шаги. Я подумала, что это Клод пришел из таверны. Я быстро надела платье прямо на сорочку и пошла посмотреть. Его комната была пуста, и я вышла на улицу. Было темно и очень тихо. Я направилась в сторону церкви, дошла до нее. Дверь была заперта, но в окнах я увидела слабый свет. Я позвала:

— Беранже.

Никто не ответил. Ночь была холодной и тихой. Через некоторое время я услышала, как стучат мои зубы. Меня била дрожь. Я вернулась домой, поднялась в спальню Беранже, решив, что дождусь его там. Я слышала, как Клод вернулся из таверны, на цыпочках я прошла к кровати Беранже, села и не заметила, как уснула.

Проснувшись от скрипа двери. Беранже вернулся, подошел к кровати и увидел меня.

— Мари, — воскликнул он.

— Ну и что ты нашел?

— Мари, тебя лихорадит. — Он нагнулся, коснулся моей руки, — У тебя ледяные руки. Тебе немедленно нужно в постель.

Он был прав. Меня всю трясло. Я позволила ему проводить меня до кровати. Он уложил меня, напоил

горячим кофе, положил бутылку с горячей водой мне в ноги и сел рядом.

— Ты что-то от меня скрываешь. Что ты делаешь в церкви ночью?

— Ш-ш-ш! Пей свой кофе.

Наутро я заболела. У меня была сильная простуда. Мама ухаживала за мной. Беранже, когда освобождался от своих бесконечных дел, сменял ее. Временами я бредила или проваливалась в какое-то странное состояние — видела и слышала все, словно через туманную пелену. Они рассказывали мне про Пичо, про новости в деревне, про папу, про Мишель, просили и меня сказать хоть что-нибудь, но все, что я могла из себя выжать, это:

— Нет, мама.

Я слышала, как Беранже молился, потом просил меня вернуться, выздороветь, говорил нежные слова:

— Милая Мари, я так скучаю по твоей великолепной стряпне.

Мне стало лучше только к Рождеству. Однажды я открыла глаза, села на кровати и позвала маму. Та подбежала, заметив перемены, и радостно спросила меня:

— Как ты себя чувствуешь, лучше?

Я кивнула. Тут она разрыдалась:

— Боже, как я переживала, как я испугалась. Сначала папа, потом ты. Господь услышал мои молитвы. — И она закрыла лицо руками.

Уже через несколько дней я вышла на улицу, настаивая, чтобы Беранже отвел меня в церковь и показал мне новую кафедру для проповеди. Ведь все это время он неустанно рассказывал мне, что и как делалось, дабы держать меня в курсе всех дел, и теперь я хотела увидеть это своими глазами. Пока мы шли, я опиралась на его руку, ощущая невероятный трепет.

Новые подмостки были великолепны. Они были больше и выглядели внушительно. Беранже разделил их на две части, чтобы на одной он произносил проповедь, а потом, чуть спустившись, причащал. Я была поражена мощностью этого сооружения и тем, как оно замечательно сочеталось со всем, что было в нашей церкви. Правда, то, что он выложил кафедру черепицей, оставшейся от ремонта крыши, мне показалось несколько грубоватым.

— Тебе нравится? Я очень торопился. Не хотел больше ждать. Хотел успеть к твоему выздоровлению.

Я обошла вокруг конструкции и как бы невзначай спросила:

— А что ты тут так глубоко копал?

— О, это для новой церемонии. Ты сможешь увидеть ее вместе со всеми в воскресенье.

И ничего больше я из него вытянуть не смогла.

* * *

В 1891 году, за пять дней до Рождества, застрелился мэр. Он выстрелил себе в голову из пистолета мадам, который она хранила в своем столе. Мы все слышали выстрел, но думали, что это кто-то охотится. И думали так до тех пор, пока мадам Сю не пришла и не сказала:

— Месье мэр покончил с собой, — тихо сказала она, — мне нужна помощь.

Он не оставил даже записки, только недопитую бутылку ликера на столе у мадам Сю. Я уже ничем не могла ему помочь, как, впрочем, и все остальные, и мне думалось, что он застрелился потому, что не мог вынести столь долгой разлуки с мадам. Его кровью был забрызган и ковер на полу, и книжные шкафы, и все, куда только падал взгляд. Как мы ни пытались

придать всему первоначальный вид, кровавые пятна мы оттереть не смогли.

Казалось, его похороны происходили в самый грустный на свете день. Почти вся деревня пришла проводить его в последний путь, даже те люди, с которыми он был не очень дружен, и те, которые сами были не очень общительны.

Приехала и мадам, ее вызвали телеграммой. Она была одета во все черное, и казалось, сама почернела от горя. Жозеф, Жерар и месье Вердые несли гроб, они же опускали его в землю. Каждый из нас бросил горсть земли, народу было так много, что гроб оказался весь покрыт землей. Слезы текли рекой. В деревне все любили мэра.

После всех официальных процедур часть людей пошли в замок, чтобы помянуть мэра. Мадам Сью приготовила стол. За едой перешептывались и обсуждали, что мэр, возможно, застрелился не из-за того, что мадам так долго не было с ним рядом, а из-за того, что сошел с ума, совсем как его предки Бертело. У них у всех была предрасположенность к психическим расстройствам. Так утверждали многие. Другие же во всем винили мадам Лапорт. Дескать, нельзя оставлять мужа так надолго, особенно когда не знаешь, чего от него можно ожидать. Мне неприятно было все это слушать. Я еще не понимала, как сама отношусь ко всему этому, но мне было жалко мадам.

На следующий день после похорон наступило Рождество. В канун Рождества мы вместе с мамой сходили в замок. Мы отнесли ржаной и пшеничный пудинг. Мадам Лапорт открыла дверь в яркой ночной сорочке. Волосы были распущены по плечам.

— Простите меня за такой вид, — прошептала она, — я себя неважно чувствую. Она красиво приняла пудинг из наших рук, а потом исчезла в темноте дома.

— Мы надеемся, вы присоединитесь к нам поужинать этим вечером, мадам, если у вас нет других планов.

— Спасибо, — прошептала она откуда-то из темноты.

Она не появилась ни этим вечером, никаким другим, хотя мы долгое время готовили ужин на большее количество человек, задерживали начало трапезы более чем на час. Через несколько дней я решила все же сходить ее проведать. Постучала раз, два, никто не ответил, и, когда я уже повернулась, чтобы уйти, дверь открылась. Мадам стояла на дороге в ночном одеянии.

Она была похожа на призрак. Я не была уверена, что не побеспокоила ее. Глаза ее были заплаканными и ввалились. Волосы были растрепанными, выглядела она ужасно. В темноте она вообще не была похожа на себя. Она смутилась при виде меня, но все-таки пригласила войти.

— Приятно увидеть тебя, — сказала она.

— Вы больны? — спросил я.

Она не ответила, провела меня в комнату, пригласила сесть и села напротив, держа меня за руку, а вторую руку положив себе на колени. Я откинулась на спинку кресла.

— Ты подумала, что я сошла с ума?

На самом деле я так и думала. Я и сама была очень поражена смертью мэра и не могла поверить в то, что его уже нет среди нас.

— Мари, с тобой все в порядке? Вроде выглядишь неплохо, — прервал мои размышления ее голос.

— Спасибо, хорошо.

— А твоя семья? Теперь я знаю, вы живете в домике священника, я правильно понимаю?

— Да. У нас все хорошо. Мой папа был болен, но теперь он поправился. Мишель и Жозеф вернулись домой, у них есть ребенок.

— Да, я знаю. Это прекрасно. А господин священник?

— Спасибо, хорошо.

Мы не знали, о чем дальше говорить. Хотя мне очень хотелось спросить мадам о многом, но я не знала, с чего начать. Теперь я четко понимала, что совсем ее не знаю. Я хотела спросить ее, почему она так долго отсутствовала, но боялась, что она солжет мне так же, как много лет назад.

Но на какой-то миг мне показалось, что теперь она изменилась, и я решила попытаться. Может быть, она скажет мне хоть что-нибудь.

— Филипп любил меня больше, чем показывал, — стыдливо сказала она. — Я об этом не знала.

— Вы не знали?

Она посмотрела на меня, в глазах мелькнула злость.

— Брак не всегда бывает безоблачным, Мари, — сказала она. — Не все так просто, но я не знаю, почему он так поступил, повода у него не было. — Глаза ее наполнились слезами. — Он казался таким счастливым последнее время, я и не могла предположить, что такое может произойти.

— Все это время он сильно пил, — сказала я.

Она кивнула и отвернулась от меня. Некоторое время мы сидели молча.

— Когда-то я любила его, — сказала она. — Никто никогда не слышал от Филиппа плохого слова. В моей семье его особенно любил отец.

Я кивнула, это была правда.

— Он прислал мне письмо, — сказала она. — Он писал, что я похожа на звезду, далекую и блестящую. Это было все, о чем говорилось в письме, только две строчки. Я рассмеялась тогда, получив это, и не придала значения письму. Подумала, что это просто любовная записка.

— Я думаю, это так и было.

— Да, это была любовная записка, — сказала она, и ее глаза остановились на мне, но смотрели словно сквозь меня.

— Почему вы мне сказали, что он ваш двоюродный брат? — спросила я.

Глаза ее оживились.

— Это был просто импульс, Мари, прости меня.

— Это не был импульс. Вы сознательно обманули меня.

Она медленно кивнула.

— Месье Лапорт рассказал мне все, — закончила я. — Наверное, я единственная в деревне, кто знает об этом. И думаю, напрасно вы соврали мне.

Она грустно усмехнулась.

— Ты права, а я не права, мне не надо было врать, — сказала она.

Я ждала.

— Это был мой протест. Пожалуй, сейчас я готова тебе все объяснить.

— Тогда я могу предположить, что вы обманули меня и в том, что касается смерти вашего о отца, — вызываясь спросила я.

Она так странно посмотрела на меня, что я моментально устыдилась своих слов.

— Нет, — сказала она. — Это правда. Он умер незадолго до того, как я переехала сюда и купила этот замок.

— Извините, — сказала я.

— Все в порядке. Теперь ты знаешь правду.

— Так почему бы вам не рассказать мне всю правду наконец.

— Сначала мне необходимо узнать о камне, Мари. Где на самом деле ты его нашла?

Я вежливо ответила ей на все вопросы, ничего не утаив.

— Здесь, в церкви, — сказала я.

Она кивнула, как если бы ожидала от меня такого ответа.

— Он все еще здесь? — спросила она.

— Да, — сказала я. — Он за церковью, но, к сожалению, рисунка на нем больше нет: господин священник стер рисунок и зацементировал камень в пол.

Она помолчала некоторое время, а потом спросила:

— Расскажи мне, как ты его нашла.

Я рассказала ей все: как нашла флакон, как достала оттуда рисунок, про то, как приезжал австриец, и про всех сумасшедших, про книгу видений и про могилу.

— Вы так и не нашли эту книгу? — спросила она, когда я закончила.

— Я нет, возможно, господин священник, хотя я не уверена, но точно знаю, что он нашел могилу.

— И что он с ней сделал?

— Я не знаю, — сказала я.

— Как ты думаешь, Мари, у нас есть сейчас время пойти и взглянуть на тот самый камень?

Было около одиннадцати часов, но мы отправились к церкви.

Она пыталась перевернуть камень, она так трудилась, что у нее даже покраснели щеки. Я пыталась ей помочь, но наших сил на это так и не хватило. В итоге мадам села и сказала:

— Послушай, Мари, я расскажу тебе одну историю.

— Какую историю? — поинтересовалась я.

— Я хотела поговорить с тобой об этом камне. Я заинтересовалась этим рисунком сразу, как только ты его мне показала. Этот рисунок времен короля Дагоберта Второго. Сейчас его почитают как святого, покровителя украденных детей. — Мадам глубоко вздохнула, затем поднялась, отряхивая с юбки землю. — Могу я продолжать? — спросила она меня.

Я кивнула, поднялась и последовала за ней. Мадам поведала мне длинную историю о своей родственнице леди Жанны Катарины Бертело, умершей в 1781 году. Вероятно, это была та самая женщина, о которой ранее рассказывал мне мэр. Женщина, которая сошла с ума из-за смерти своего сына.

— Она была моей родственницей. Она была пратетей моего отца. Я никогда ее не знала.

Как я поняла, мадам приехала сюда не просто для того, чтобы купить замок, а для того, чтобы найти ответы на многие свои вопросы после смерти отца. Когда она была подростком и начала интересоваться историей семьи и особенно ветвью Кристиана, ее отец рассказал ей трагическую историю о его бездетной пратете Жанне Катарине Бертело, которая жила в замке.

Она очень интересовалась книгами, читала много библейской литературы, и, когда она поверила в Бога, Бог дал ей сына, которого сам же потом и отнял. Она стала представлять себя Марией Магдалиной, ощущала себя невестой Христовой, ей стали сниться сны и приходиться разные видения. Позже она начала записывать их в книгу. Каждый, кто читал эту книгу, потом умирал. Своего сына она похоронила в не известном никому месте, но по преданиям именно там она и оставила такой рисунок.

Мадам закончила. Я спросила ее:

— Как вы думаете, что в этой могиле? Можем ли мы найти там книгу?

Мадам кивнула:

— А почему нет? Я больше чем уверена, что мы можем там найти могилу Жанны Катарины и ее сына, и книгу, которую она написала после того, как сошла с ума.

Потом я быстро сказала мадам, что нам пора идти, потому что наступало время господину священнику

готовиться к мессе. Мы встали и пошли. Мадам заговорила о мэре.

— Мой брак не был счастливым, Мари. Филипп очень хотел детей, а я была слишком напугана и боялась участи Жанны Катарины. Да, я боялась, что мой ребенок погибнет, а я сойду с ума, поэтому я перечитала все книги, которые были у меня в библиотеке. Сказать по правде, это были даже не мои книги, а книги Жанны Катарины. Каким же счастьем было для меня повстречаться с тобой. Мне было интересно говорить с тобой, общаться с тобой, у тебя всегда было на все свое мнение, и ты очень искренна, Мари.

— Мне тоже, — сказала я. — Я тоже была рада.

— Правда, когда ты пришла в первый раз, я очень испугалась, а потом уже не могла представить себе дни без твоих посещений. Ну, потом мне пришлось уехать в Париж.

— Да, вы сказали, что вам нужно ухаживать за больной тетей.

— Ах, прости меня, Мари, тетя умерла много лет назад.

— Дорогая мадам, — сказала я сквозь слезы, — я доставила вам столько боли, простите меня.

— Ну ты же не знала, Мари, я тебя не виню. А потом еще и Филипп. Сколько ошибок я наделала, — сказала мадам расстроенно. — Мне придется снова уехать в Париж, не хочу, чтобы меня видели. — Какое-то время мы шли молча. Потом мадам сказала: — Перед отъездом я хочу сделать тебе подарок. Все книги, которые есть в моей библиотеке, они твои, Мари. Ты заслужила их.

— Но я не могу принять такой дорогой подарок, и мне негде их хранить. Мадам ответила:

— Господин священник сможет построить библиотеку для тебя.

Ершалаим*

Это был город, о котором можно было петь; название, от которого во рту появлялся вкус лакомства. Его название звучало волшебной музыкой для слуха. «Ершалаим, да пребудет мир в твоих стенах, да будет покой под твоими башнями!»

Каждый год Мириам отправлялась сюда в паломничество во время Пейсах**. Они шли всю неделю — ее отец и дяди, ее бабушка, мама и сестры, — останавливались на ночь на постоянных дворах или в домах, где радушно принимали путников. Вид города постепенно менялся, потому как они приближались к нему: из маленького пригорода, лежащего в ложбине, образованной горами, он постепенно вставал перед ними в виде сияющей крепости с мраморными дворцами и величественным храмом, который возвышался над ними, пока они поднимались вверх по дороге, ведущей к воротам. Ворота, казалось, парили над ее головой, как будто бы открывали путь к святости, если только она сможет удержать свой взгляд и постоянно смотреть вверх. Но, как только она перевела взгляд, то увидела множество людей: увечные, безногие, сидящие на циновках, сплетенных из тростника, покрытых грязью и пылью. Заметила слепых с протянутыми руками, изнуренных женщин, держащих на руках истощенных детей, детей постарше с впавшими животами, которые апатично сидели прямо в пыли на дороге. Она вспомнила, как однажды попросила свою мать, чтобы та дала ей монетку, чтобы подать нищему. Но когда обернулась к толпе, та пришла в движение, нищие стали тянуться к ней, поползли, заковыляли

* Иерусалим (библ.).

** Пейсах — праздник освобождения еврейского народа из египетского рабства.

и превратились все вместе в подобие клубка змей, которые только ждали, чтобы накинуться на добычу. В страхе она побежала назад к матери, зарылась лицом в подол ее платья, все еще сжимая монетку в руке.

Помимо прочего, здесь еще были и тошнотворные запахи: удушливый дым исходил от постоянно горящих костров Гегинном*, где, как говорят, в древние времена совершали человеческие жертвоприношения, теперь это место превратилось в свалку. Нестерпимый запах стоял на рыночных площадях, где козы, свиньи, овцы, коровы жалобно мычали, визжали, блеяли и ревели. То же самое творилось и у Овечьих ворот, куда люди приводили свой скот, для того чтобы принести его в жертву. В дни подготовки к главному празднику сверху от Храма вниз по улицам ручьями текла кровь жертвенных животных и сваливалась требуха, все это окрашивало улицы в красный цвет. В тот день от Храма исходили запахи тлеющих внутренностей и ладана, а из каждого дома доносился запах жареного барашка, приправленного майораном и тимьяном.

Ершалаим был городом, где она впервые увидела римских легионеров, которые ехали верхом на лошадях, на них были блестящие доспехи и красные плащи, странные нелепые шлемы, украшенные плюмажами из перьев. И именно в Ершалаиме она впервые увидела, как преступники несут по улицам на своих плечах тяжелые деревянные кресты, как их подгоняют солдаты, когда они совершают свой последний путь вверх к ужасной горе Голгофе — месте, усыпанном черепами.

* Гегинном, или Геенна, — новозаветное название «долины Енномовой». По преданию, здесь во времена усиления идолопоклонства среди израильтян народ приносил своих детей в жертву Молоху.

Это было место, где совершались смертные казни. Дети в Ершалаиме играли в казни и приказывали своим врагам в игре развести руки в стороны, угрожая, что прибьют к кресту. Некоторые даже хвастались, что сами были там, на горе, и видели тела казненных. Мириам никогда не видела этого, ее родители запрещали ей гулять в той части города, которая лежала сразу же за Западными воротами. От других детей она знала, что грифы выклевывают глаза умирающим людям, а собаки крутятся у их ног, слизывая кровь, которая стекает вниз. Смерть долго не приходит, это сплошная долгая, мучительная агония.

Но ужасы Голгофы не могли затмить прекрасный величественный блестящий Храм Ершалаима. Он возвышался на горе над городом, окруженный каменными стенами и террасами, с растущими на них оливковыми деревьями и смоковницами. Мрамор его стен сверкал на фоне известняка, как диадема. Видны были его кедровые портики, под которыми можно было купить лишь очень редких животных и обменять деньги любой страны. Он надменно возвышался над всеми площадями. Сразу же по прибытии в Ершалаим ее семья направлялась в Храм, но не для того, чтобы посетить святыню, поскольку сначала им надо было привести себя в порядок, а просто чтобы увидеть его. Пятнадцать высоких ступеней, ведущих от здания суда к святилищу, величественная колоннада, которая возвышалась прямо над ступенями и окружала место для женщин, а затем зал для мужчин, и, наконец, за самой длинной колоннадой скрывалось помещение для священника, где осуществлялись жертвоприношения. Дальше была святая святых — место присутствия Бога на земле, куда мог войти только самый высокопоставленный священник, который каждый день возжигал там благовония.

Всякий раз она была потрясена до слез видом этого сооружения. Ее отец падал ниц, целовал пыльную землю у ступеней Храма, пел гимны своим дрожащим голосом:

*Как прекрасно место, где ты пребываешь,
О, Господин людского войска!
Моя душа стремится к тебе
В твои чертоги, Господи,
Мое сердце и плоть поют от любви
К живущему Богу.*

Как ей хотелось теперь увидеть своего отца, как она тосковала по взгляду его блестящих умных глаз. Она мечтала ощутить нежные объятия матери. Ей не терпелось войти в священный город, пробиться сквозь толпу в комнату, которую всегда снимала ее семья, где она надеялась разделить с ними пищу, если попадет туда к трапезе.

Все, кто следовал за Иешуа, мужчины и женщины, испытывали сильное волнение, потому что они не знали, что ждет их в этом городе. Они перешептывались друг с другом. Поведение Иешуа в последнее время изменилось: он стал чаще бывать один и много молился, а когда заговаривал о грядущем конце света, то начинал горячиться.

— Что, уже? — спрашивали они. — Это произойдет во время Пейсаха? Неужели эта напасть грозит Царству Бога нашего? — Многие из них верили, что это неминуемо. — Разве Даниил не говорил в своем пророчестве о восстании мертвых из гроба в день Страшного суда? — вопрошали они. — И разве мы сами не видели Элазара, который возродился к жизни?

Мириам спросила Иешуа:

— Пришло это время, рабби? Мы должны готовиться?

Но Иешуа сказал только:

— Будьте всегда готовы, Мириам. Царство наступит само по себе, не возвещая об этом звуком фанфар.

Они остановились на ночлег в Бейт-Ании и вокруг нее. Иешуа остался с семьей Элазара, Мириам и женщины остались во дворе дома, натянув для ночлега навес. Мириам помогла приготовить еду. Элазар лежал на своем ложе и принимал посетителей. Мириам приносила им лепешки и вино, но каждый раз отводила взгляд, когда приближалась к нему. Он пугал ее до дрожи, когда она подходила к нему. Мириам, которая никогда особенно не задумывалась, сколь она чиста в религиозном смысле, теперь мечтала о том, чтобы ее окропили очистительной водой, она мечтала вымыться, чтобы смыть с себя грязь и воображаемые зудящие язвы на теле. Она ничего не могла сделать с собой, но в его присутствии чувствовала себя грязной и недостойной.

Иешуа провел большую часть времени отдельно от всех, он молился. Он казался совершенно отрешенным. Он больше не приходил к Мириам ночью, ему никто не был нужен, кроме его Отца на небесах. Люди видели это. Кефа лучился самодовольством, он ликовал. Он был совершенно уверен в том, что Мириам уже выполнила свое предназначение для Иешуа и тот готов бросить ее.

Иуда отозвал ее в сторону.

— А если он — мессия? — спросил он с предвкушением в голосе. — Почему же он не объявит об этом? Почему он не хочет об этом сказать? Мы могли бы тогда войти в Ершалаим, как единое тело! А сейчас мы все разобщены. Он должен вести нас!

— Он никогда не говорил, что он — мессия, — сказала Мириам.

— Но ты ведь веришь, что он — посланник, разве нет? — спрашивал Иуда. — Ведь так, Мириам?

Мириам молчала. Она устала, она скучала по своей семье, она скучала по Иешуа.

Они отправились в Ершалаим ранним утром, когда солнечные лучи только прогнали темноту ночи. Несколько человек, отдельной группой, чуть в отдалении, шли впереди, остальные — за ними. Мириам и Иешуа шли рядом. Он казался напуганным, но был настроен решительно. Он не поднимал взгляда от дороги.

Когда они приблизились к городу, толпа паломников увеличилась. Они шли не только из Иегуды и Галила, Ханаана и Пиреи, но и из таких отдаленных земель, как Киренаика, Вавилон, Каппадокия, Малая Азия и даже из Рима. Они шли пешком, ведя с собой блеющих овец, поэтому в толпе было жарко и душно не только от человеческих тел и запаха пота, но и от шерсти овец и зловоний их испражнений.

Хотя Элазар и остался дома со своими сестрами, весть о его воскресении передавалась из уст в уста. Головы стали оборачиваться в стороны тех, кто шел с Иешуа, — покрытых капюшонами крестьян из Галила, в персидских шапках из овечьих шкур, украшенных орнаментами, жителей Анатолии. Люди хотели видеть человека, который поднял мертвого из могилы. Один человек — высокий египтянин в турбане, с золотыми серьгами в ушах и кольцами на пальцах, завернутый в пурпурную накидку, — подошел прямо к ним. А когда ему сказали, что Иешуа прямо перед ним, повернулся и встретился с ним взглядом. Потом египтянин опустил на колени, склонил голову и сказал:

— Благодарю Господа, благословен будешь ты, кто пришел во имя Господа нашего.

Иешуа заколебался, стоя перед коленопреклоненным египтянином. Вся свита египтянина пала на колени, прочие стали оглядываться. Кто-то закричал:

— Дайте дорогу, пропустите того, кто сотворил чудо, кто возродил умершего!

Иуда заметил молодого осла, привязанного к колу, и побежал, чтобы отвязать его и привести к Иешуа. Уложив свою накидку вместо седла, он сказал:

— Смотри, как они ждут тебя! Поезжай, Учитель. Мессия.

Он внимательно следил за Иешуа. Все они знали, что въехать в Ершалаим верхом означало провозгласить себя царем, как предсказал Захария: «Ваш царь пришел к вам, он торжествующий и побеждающий, скромный и едущий верхом на осле, на накидке, уложенной вместо седла».

Мириам бросила быстрый взгляд на Иешуа. Он смотрел в упор на Иуду, их взгляды вели свой безмолвный разговор, недоступный чужим ушам. Но слово уже было сказано, оно стало как огонек, занявшийся на сухой ветке дерева. Сначала его передавали шепотом, от одного к другому, с удивлением, затем оно обрело силу, а потом его стали выкрикивать. Многие взобрались на верхушки деревьев и на плечи других, чтобы лучше видеть Иешуа.

— Мессия! — выкрикивали они. — Мессия!

Иешуа положил руку на покрытую накидкой спину осла и оглядел толпу, под его взглядом они расступились, сделав проход, который вел к воротам города. И все же Иешуа не двигался. Один человек сбросил с себя накидку прямо на землю, за ним последовал другой и третий, и вскоре вся дорога была устлана плащами и накидками, как лоскутным ковром. Те, у кого не было накидок и плащей, бросали ветки и пальмовые листья, сорванные с деревьев. Они отчаянно махали этими ветками и кричали:

— Осанна! Да будет благословен тот, кто пришел с именем Бога!

Мириам схватила Иешуа за руки, напуганная неистовством толпы. Он сильно прижал ее руки к своим глазам, как будто бы не желал видеть эту сцену безумия. Его брови были горячими и влажными. Она хотела обнять его, но боялась людей вокруг.

Наклонив голову, она прошептала:

— Ты тот, учитель, о ком они мечтают?

Он убрал руки Мириам от глаз, поднес их к губам и поцеловал обе ладони. Его глаза, прикрытые длинными ресницами, часто моргали от неуверенности и страха.

— Ты дочь Божья, Мириам, — сказал он, — ты знаешь сама.

Он взобрался на спину осла и направился сквозь ликующую толпу к воротам города. Люди сомкнулись, и Мириам потеряла его из вида.

Глава X

Итак, мадам подарила мне свою библиотеку. Теперь я могла читать что угодно и сколько угодно. И это занятие поглотило меня целиком. Как-то я наткнулась на одну книгу, которая вновь возродила во мне интерес к тайне, связанной с книгой и могилой. И вот в один из дней, сразу после мессы, я подошла к Беранже и открыто спросила его:

— Где могила?

Тряхнув головой, он молча отошел от меня, так ничего и не ответив. Однако я видела, что он прекрасно понял, о чем я его спросила. Позже, когда мы обедали, он выпил много вина и, закончив есть, уже собрался уходить, но я перегородила ему дорогу:

— Не уходи от меня, я задала тебе вопрос.

— Я не понимаю значения этого вопроса, он совершенно бессмыслен.

— Нет, — сказала я, не давая ему пройти. — Ответь мне, для меня это очень важно.

— О чем ты говоришь?

— Ты отлично знаешь, о чем я говорю — о могиле. Беранже, что ты там нашел?

— Кто вложил такие мысли в твою голову?

— Ты не можешь это хранить в секрете от человека, который любит тебя, — сказала я, и голос мой задрожал.

— Мари... — начал он, но я не дала ему закончить.

— Где могила? И где книга? Где это все?

В следующий момент он обнял меня за талию, быстрым шагом направился со мной к церкви, приговаривая:

— Ты давно не исповедовалась, Мари.

— А мне не в чем исповедоваться перед тобой.

— Это ложь, — сказал он.

— Тебе самому следует исповедаться во всех своих секретах, что ты скрываешь от меня.

— Ну почему, ну почему ты всегда лезешь не в свое дело? Может, у меня быть моя собственная жизнь?

— А моя исповедь — это твое дело? Ты приготовился выслушать мою исповедь, не желая исповедаться сам?

— Я твой священник, Мари, это, если хочешь, моя работа.

— Ты не мой священник.

Беранже вытаращил на меня глаза:

— А кто же я тогда, кто я тебе?

Он смутил меня этим вопросом.

— Что ты имеешь в виду?

— Кто я тебе, Мари? — Его голос звучал совсем растерянно.

— Господи, твоя воля. Я думала ты знаешь ответ на этот вопрос.

Он открыл дверь кабинки для исповеди и втолкнул меня туда. Сам зашел в соседнюю и закрыл дверь.

— Я думал, что мы с тобой друзья, Мари, — начал он.

— Друзья, — передразнила я его иронично.

— Ну, может быть, компаньоны, ты мой единомышленник, — пытался он подобрать слова шепотом. И потом ласково добавил: — Мое сердце, моя душа.

И вдруг я начала в действительности исповедоваться.

— Святой отец, я согрешила. Это было... — я сделала паузу, подсчитывая, — шесть лет назад, когда ты приехал в Рене. — Мы сидели вместе молча, слушая ритм дыхания друг друга, ощущая пульс друг друга. — Я согрешила так много раз, что мне даже трудно вспомнить. — Я споткнулась на этой фразе и перестала говорить. Я слышала, как Беранже прильнул ухом к стене со своей стороны, но не могла заставить себя продолжить. — Я не могу сделать этого, — сказала я и вышла из кабинки.

— Подожди, Мари, — начал Беранже.

— Ну что еще, — остановилась я у двери.

— Боюсь, я обидел тебя, мой ангел, боюсь, я причинил тебе вред.

Я отошла на шаг назад и спросила:

— Причинил мне вред, втолкнув в исповедальню? Да нет, со мной все хорошо.

— Нет. Гораздо хуже, чем это. Боюсь, я усомнил тебя в твоей вере.

— Ну почему? Мои сомнения — это не твоя вина.

— Я не отвечал должным образом на твои вопросы. Если бы только я знал, как это сделать, я бы сделал это много лет назад.

— Все в порядке, мой дорогой, ты отвечал, как мог.

— Я не был тебе хорошим священником, Мари.

— Я и не хотела священника, — сказала я. — Я хотела тебя как мужчину. Это неправильно, я знаю. Но ничего не могла поделать с собой еще тогда, когда впервые увидела тебя. Зачем-то же Бог свел нас вместе.

— Я уже больше ничего не знаю, Мари, — сказал он. — Раньше я думал, что он проверяет меня, насколько я предан ему.

— А сейчас?

— А теперь произошло много такого... я уже больше ни в чем не уверен. — Помолчав он вдруг прошептал: — Я не прав, Мари. — И вышел из исповедальни.

— Почему, мой дорогой? Почему ты говоришь такие вещи?

— Я потерялся, и это правда. Не могу передать тебе свои страхи.

— О чем ты говоришь? Какие страхи?

— Мои страхи, Мари. О том, что все, что я делал, — все впустую. О том, что Бога нет и все это придумали люди. Кому и чему тогда я служу?

— Ты не должен говорить такие вещи, Беранже. Ты не потерялся. Бог всегда с тобой.

— Ах, Мари, я в этом не уверен. — Он отошел от меня, подошел к строительному мусору, который не успели убрать, и пнул ногой самый большой камень, который там был. — Я не знаю, чего Бог хочет от меня, Мари, — сказал он. Его глаза почернели, он смотрел куда-то мимо меня. Потом он оглянулся, опасаясь, что кто-то мог увидеть его выходку.

— Я молюсь ему, но он мне не отвечает.

— А чего ты хочешь от него? — спросила я.

Он расхохотался:

— Чего я хочу от Бога? Я хочу порядка. Я хочу мира. Я хочу, чтобы он дал мне о себе знать, чтобы он дал мне уверенность в том, что он есть. Я столько раз молился ему, но он ни разу не ответил мне, ни разу не подтвердил своего присутствия. Мне, священнику! Ни разу, Мари. И что же мне делать, — заорал он в потолок. — Как я могу служить, не зная — кому?

Голос его разносился по залу, и я испугалась, что кто-нибудь может услышать его. Потом он как-то весь сгорбился и присел на скамью. Я села рядом с ним. Он снова начал.

— У меня сомнения, Мари. Что я делаю здесь? Я провожу мессы, почему люди верят мне?

Он говорил, говорил, словно, накопив за долгие годы свои сомнения, вопросы, жалобы, он не нашел ни одного человека, кроме меня, кому смог бы поведать все это. Я положила свои руки ему на плечи и стала нежно гладить, массируя их. Я почувствовала, что он расслабился. Затем он повернулся ко мне, прильнул своими губами к моим губам. Он целовал меня страстно и долго. Потом он начал целовать лицо, шею. Я закрыла глаза. Начала молиться про себя. Когда Беранже оторвался от меня, я ему прошептала:

— Может быть, Бог хочет нашей встречи, мой дорогой. Может быть, он хотел, чтобы мы нашли друг друга. — Его глаза все еще были закрыты. И я ему сказала: — Пожалуйста, прости меня. Наверное, в этот момент я должна была поступить по-другому. Наверное, я не должна была пользоваться твоей слабостью.

Какое-то время он молчал, потом накрыл мою руку своей и сказал:

— Твое поведение было весьма деликатно, Мари. — Я действительно нашел могилу.

И вот что он мне рассказал.

Вечером, накануне приезда рабочих, он решил подготовить церковь к возведению нового возвышения для проповедей. Проходя уже в который раз мимо алтаря, он вдруг увидел на одном из камней странный знак, указывающий направление — вниз. Беранже осенила идея, что следует копать. В тот же вечер он заперся в церкви и начал копать, копать, ко-

пать и копал несколько ночей, пока не раскопал небольшую дубовую дверь, отделанную металлом.

Естественно, дверью давным-давно никто не пользовался, ручка сгнила. Беранже сразу понял, что эта дверь и все, что за ней, имеет отношение к очень давним временам и, возможно, было сделано гораздо раньше, чем появилась наша деревня. Несколько минут он смотрел как замороженный, когда же вышел из глубоких раздумий, он открыл дверь, там были ступени. Затем он внимательно оглядел церковь. Убедившись еще раз, что никто не наблюдает за ним, он стал осторожно спускаться вниз. Там, внизу, он обнаружил несколько подвальных помещений. Полы этих своеобразных комнат-склепов были уставлены гробами разных форм и размеров.

Тут он сделал паузу.

— И что? Что еще? — поторопила его я.

— И ничего! — сказал он. — Больше я ничего не нашел.

— Ничего? И даже книги? — спросила я.

— Я не мог ходить по этим комнатам, — сказал он, — не мог себя заставить. Наверное, я мог бы пройти их все, мог поискать там, хотя толком не знаю что, но мне не хотелось этого.

— Но почему ты не рассказал мне об этом, мой дорогой? Почему ты был таким скрытным?

Он вздохнул:

— Я всего лишь хотел оградить тебя от этого, защитить. Я ведь не поверил австрийцу. Хотя он и предупреждал меня о том, что я могу найти здесь, но я не поверил ему. Мне казалось, что война окончательно свела его с ума.

Я подошла к подмосткам, приподняла крайнюю доску и увидела дверь. Мне немедленно хотелось спуститься туда и увидеть все, о чем говорил Беранже. Но для этого нужен был фонарь.

— У тебя есть, чем можно посветить? — спросила я.

Некоторое время Беранже стоял неподвижно, потом подошел ко мне, обнял за талию и произнес мое имя:

— Мари!

Я всем телом ощущала прикосновение его рук, его нежные поглаживания, его дыхание. Я закрыла глаза и в ожидании замерла. Он прикоснулся своими губами к моим. И, о да! Я и не думала, что поцелуй может быть таким долгим, нежным и страстным. Я вся растворилась в нем, меня словно уже и не было в теле, а только дух мой смотрел на меня откуда-то со стороны. Беранже целовал меня. И я чувствовала это, я знала, — он хотел меня. Я могла ощущать его желание. Он оторвался от губ, но я все еще не приходила в себя. Тогда с новой силой и неистовством он начал ласкать мою грудь, плечи. Внезапно он, словно бы опомнившись, оторвался от меня, и мне захотелось плакать. Я боялась, что между нами больше никогда не произойдет ничего подобного.

Через несколько минут мы начали вместе спускаться вниз. Свет был совсем тусклым, и было тяжело дышать из-за спертого воздуха, но любопытство брало надо мной верх, и я продолжала двигаться. Интересно, кому могла прийти в голову мысль устроить гробницу на такой глубине, но когда я увидела ее размер, то удивлению моему не было границ.

Внизу было холодно и сыро. Беранже, видимо, освободил только часть прохода, или он был не главным, идти вместе было нельзя, и мы шли по очень узкому коридорчику друг за другом, опираясь руками на стену. Мы шли очень долго, и когда я обернулась, чтобы посмотреть, что осталось позади, то увидела только крошечную тьму. Это испугало меня, и я решила больше не оглядываться.

Вскоре мой страх стал утихать. Рядом с Беранже я почувствовала себя абсолютно уверенно. Свет свечей горел достаточно ярко, или это глаза уже привыкли к темноте.

Гробы были совершенно разными, некоторые деревянными, некоторые металлическими, некоторые деревянными с металлической отделкой. Я обошла все помещение, заглядывая в каждую щель, стараясь найти книгу видений, но не нашла. Вместо этого я увидела большую и широкую дверь, в которую без труда мог пройти обычный человек, не касаясь ее краев и верха. Я повернулась к Беранже и спросила его, знает ли он, что за этой дверью.

— Нет, — громко ответил он. — Дальше я не пошел. Тогда я попросила его открыть дверь.

Эта комната казалась более древней. Стены местами уже начали обсыпаться, с потолка свисала паутина, и общий вид был какой-то устрашающий и угрожающий. Было недостаточно света, чтобы рассмотреть, что там, внутри. Мы зажгли еще одну свечу и подняли их над головами. Беранже стоял впереди меня, и мне стало не по себе, когда я услышала его восклицания:

— Да хранит нас Господь.

Я выглянула из-за его плеча и практически сразу же отшатнулась. На полу, между гробами, валялись полуразвалившиеся скелеты. И не было видно ни конца ни края этому помещению.

— Это тайные ходы-туннели, Мари.

— Невероятно, — прошептала я.

В ту ночь мы не продвинулись дальше: до рождественской мессы оставалось всего несколько часов, и Беранже нужно было готовиться к мессе, а у меня было время подумать, что делать дальше с тем, что мы нашли. Меня волновало, смогу ли я найти книгу, а может, Беранже нашел ее раньше

меня и просто не говорит мне об этом. Из-за того, что он мне не рассказал о своей находке, я перестала ему доверять.

Рождество прошло очень весело. Все мы получили подарки, вкусно и вдоволь поели праздничной еды, мужчины выпили немного больше обычного. Я веселилась вместе со всеми, но мысли мои постоянно вращались вокруг событий прошедшего вечера. Я беспрестанно думала о тоннелях и о книге видений. Но больше всего я думала о поцелуях Беранже и об удовольствии, что испытала прошлой ночью. Я с нетерпением ждала окончания этого дня.

Я уже забыла свой гнев и обиду на Беранже, но как же мне хотелось рассказать мадам о найденных тоннелях. Но я удерживала себя, боясь своим рассказом причинить ей излишнее волнение. Я подумала, что лучше будет, если я все поведаю ей, когда найду гроб Жанны Катарины, ее сына и книгу видений. И, конечно же, про тоннель, который она так долго искала и так и не смогла найти.

И вот странные вещи. Чем больше я думала о Жанне Катарине, тем больше она начинала мне нравиться смелостью своих взглядов и речей, идущих вразрез с церковной моралью. А ведь в те времена недопустимо было думать так, как она, да еще высказывать это вслух. Может, именно поэтому ее стали считать сумасшедшей еще до того, как она сошла с ума.

Но больше всего меня занимали мысли о Беранже. Нет, не о наших с ним отношениях, а о том, что он исповедовался передо мной и что говорил во время той исповеди. Я не была удивлена, что он мучается от несоответствия своих убеждений и всего того, что сопряжено с его долгом священнослужителя. Возможно, чувствуя это только интуитивно, раньше я так ча-

сто нападала на него и так яро отстаивала свою точку зрения. Я никогда не доверяла ни Богу, ни Церкви, ни тем, кто им служит так безоговорочно. И вот впервые в жизни мне довелось услышать собственными ушами, что думают обо всем этом люди, которые пытаются вселить веру в нас.

Мне очень хотелось найти книгу видений, чтобы помочь Беранже разобраться в себе самом. Может, она прольет свет и уменьшит сомнения.

Этой ночью мы решили продолжить наши поиски. Мы подождали, пока все уснут, и выскользнули из дома. Когда мы дошли до церкви, Беранже попросил меня немного подождать. Он исчез в темноте сада, а потом появился, держа в руках какие-то инструменты и лопату.

Аккуратно я открыла дверь в церковь, а когда мы вошли, заперла ее.

— Это для чего? — шепотом спросила я, пытаюсь привыкнуть к темноте.

— Книга точно должна быть спрятана где-то там. Где же еще? Наверняка в одном из гробов.

Ну надо же, он пришел к тому же заключению, что и я. Но я так и не решилась открыть ему то, что в свое время рассказала мне мадам. Внезапно мне пришла другая идея. Книга могла просто быть закопана где-то в земле. А вот об этом я ему тут же сказала.

— Ты права, но тебе не кажется, что гроб — более подходящее место для того, чтобы что-то укрыть? — настаивал он на своем.

Нехотя, но я согласилась.

— Возможно, — сказала я, продолжая думать, рассказать ли ему о том, что я знаю, или нет.

— Что ты собираешься с ней сделать, если мы ее найдем?

Он подозрительно посмотрел на меня, будто бы сомневался, знаю я ответ или нет.

— Я завершу дело старого священника, — ответил он.

— Ты сожжешь ее? Ты это имеешь в виду?

Но Беранже не ответил мне. Он уже разбираал доски, чтобы войти в тоннель.

Свою мысль я продолжила уже во время спуска:

— Но ты же не думаешь, что Церковь одобрит то, что там написано, даже если твой австриец и опубликует ее, представляешь себе, что будет?

— Я не хочу огласки, Мари. Я не хочу подрывать имеющийся у Церкви авторитет.

— Да? А как насчет твоих собственных сомнений? Твоего недоверия к Богу? Насчет всего того, что ты сказал той ночью?

— Ты о чем?

Я молчала.

— Мари, — начал он мягко. — Все, что я сказал тебе той ночью, просто накопилось во мне. На самом деле я не чувствую ничего подобного. Ты единственный близкий мне человек. Пойми, мне не с кем обсудить то, что болит у меня самого. Только с тобой. Я прошу тебя забыть все это, как я забываю все ваши исповеди. Если я найду эту книгу и уничтожу, может, тогда пойму хоть какой-то смысл. Возможно, в этом и есть мое предназначение, Бог испытывает меня.

— Испытывает. То же самое ты говорил и обо мне. Он не ответил.

— Какое Богу дело до книги, наполненной странными видениями?

— Богу до всего есть дело, Мари. Уж поверь мне.

Он ранил меня своим выводом. Когда я услышала эти слова, я снова испугалась — произошедшее с нами прошлой ночью уже никогда не повторится.

— Когда мы найдем книгу, ты поможешь мне, Мари?

— Конечно, — солгала я.

Мы спустились в подвал и пошли к той комнате, которую нашли. Почти совсем рядом с ней я увидела маленький гробик, наверняка он принадлежал ребенку. Рядом с ним стояли два других, больших. На каждом была надпись «Бертело». Я не стала останавливаться около них, дабы не привлекать внимание Беранже. Но он тоже их заметил и направился прямо к ним. Он принял решение. Он хотел вскрыть гроб.

Беранже упер лопату в пол и сначала хотел подвинуть гроб. Тот даже не шелохнулся. Потом он попытался воткнуть лопату под крышку и начал стучать по лопате молотком, чтобы открыть гроб. Но крышка не поддавалась. И только через несколько часов усердной работы Беранже все-таки удалось его открыть. Он был уже весь потный и красный, когда крышка наконец отскочила. И отскочила так неожиданно, что Беранже отлетел в противоположную сторону.

Я подбежала к нему, пытаясь помочь. Мне очень хотелось заглянуть в гроб, но я боялась. Все же я была суеверной. И смотреть первым я предоставила Беранже.

Мы вместе медленно подошли к этому детскому гробу и заглянули... он весь был наполнен золотом.

— Боже милостивый, — прошептал Беранже.

— Как ты думаешь, сколько этому лет? — тихо спросила я.

— Точно не скажу. Век шестнадцатый, возможно.

Мы стояли бок о бок, охваченные лихорадкой. Нас обоих охватило одно и то же желание — схватить сокровища, и оба старались тщательно скрыть это друг от друга, хотя все и так было понятно.

— Это же произведение искусства, Мари, — пришел в себя первым Беранже. — Это стоит тысячи франков, — шептал он. Потом он осекся и перестал шептать.

В ту ночь мы открыли еще несколько гробов. Я держала свечи, а Беранже поднимал крышки. Мы находили сокровище за сокровищем. Золотые браслеты, жемчужные ожерелья, золотые кольца, браслеты, различные драгоценные камни — рубины, изумруды. Всего не перечесть. И все это разных размеров, дорогой отделки и невероятной стоимости.

Поначалу мы ничего не брали. Но это только сначала. И несмотря на поражающее впечатление от найденных сокровищ, мои мысли все еще были заняты книгой видений Жанны Катарины и гробом ее сына.

Воскресение

В городе Мириам направилась туда, где всегда останавливалась ее семья. Она в замешательстве подошла к дому, не зная, какой ее ждет прием, и постучала. Дверь открыл отец, он обнял ее и проводил внутрь, вознося благодарственную молитву за то, что Бог вернул ее им. Вся семья собралась вокруг нее — ее мама, сестры, бабушки и тети, дяди и двоюродные братья. Она с облегчением вздохнула и расплакалась. Когда она рассказала им о том, как из нее изгоняли бесов, ее родители встали на колени и начали молиться, благодаря Бога. Потом, когда они встали, мама взяла Мириам за руку и почти весь вечер не отпускала ее от себя. Все вместе они собрались за ужином, который прошел в столь счастливом единении.

Но, несмотря на то что Мириам была счастлива вновь оказаться в кругу своей семьи, радость ее была неполной. Она пела песни, блуждая мыслями где-то далеко, потому что все ее мысли были связаны с Иешуа. После того как был съеден барашек, а кости

сожжены в огне, после того как со стола было все убрано и все тарелки вымыты, после того как они все расселись вокруг очага, она принялась рассказывать им о своем паломничестве и чудесах, которые сотворил Иешуа. Все они в конце концов уснули, этому поспособствовали четыре кувшина вина и обильное угощение. Она одна не спала: сидела около окна и смотрела на пустынные улицы.

Был ли Иешуа тем самым спасителем, которого Господь обещал послать своему народу Израиля? Был ли он тем самым, о ком говорили в своих предсказаниях Моисей, Даниил, Исайя? Там было написано: сначала появится звезда, как предсказал Иаков, а за ней придет новый царь, который станет править миром. Ершалаим будет заново построен в смутные времена, и придет помазанник Божий, но у него будет все отнято и он останется ни с чем. Может быть, все же это — Иешуа?

Иешуа тоже предсказывал, он говорил загадочные, странные, будоражащие слова, которые Мириам даже не пыталась понять. Он заявлял, что его приход принесет с собой страдания, пожары, раздоры и войну, а вовсе не единение народов, как предвещал пророк Исайя. Иногда он говорил так, как будто сам и был Богом, объявлял себя центром Вселенной, солью земли. А его утверждения о Царствии Божьем, о конце света были переменчивыми и противоречивыми: иногда он говорил о грядущем конце света так, как это было описано в пророчествах — разрушение Храма, война и бедствия, а потом приход Царя Мира в мир живущих и воскресение всех умерших. В другой раз его видение грядущего Царства было неопределенным и все же более радужным: новое устройство мира, место, полное покоя, которое существует уже сейчас, но которого люди не видят, место, куда можно попасть только после отречения

от всего земного. Она не видела его всего лишь несколько часов, и ей уже не хватало его лица, она хотела вновь видеть его. Кто же он? Что он несет миру?

Наконец, перед самым рассветом, когда петухи уже прокричали, возвестив о приходе утра, она уснула на полу возле окна. Проснулась спустя несколько часов, когда было уже слишком поздно.

Она поспешила на Голгофу, услышав на улице, что Иешуа схвачен. Когда она появилась там, он уже был близок к смерти. Она звала его, пока у нее совсем не пропал голос, но он оставался недвижим, распятый на фоне неба. Она обхватила крест руками и стала тянуться к нему, в руки ей вонзались занозы. Когда она коснулась его ног, она ухватилась за них, стала целовать его кровоточащие раны. Ее руки дрожали от напряжения, но она тянулась к Нему, молилась Богу, чтобы Он опрокинул крест, чтобы Он возродил его к жизни.

Кто-то грубо схватил ее и оторвал от креста. Упав на землю, она принялась проклинать солдата, сбросившего ее вниз.

— Он ничего не сделал! — кричала она. — Снимите его! Снимите его!

Тот ударил ее по губам тыльной стороной руки. Из губ потекла кровь. Она снова попыталась подойти к кресту, но солдат вновь швырнул ее на землю. Боль пронзила ее запястье.

— Только попробуй еще раз, и я забуду тебя на смерть! — прошипел солдат.

Она плюнула ему в лицо, тот вновь ударил ее и отошел в сторону.

Она смотрела на Иешуа. Он был такой спокойный и неподвижный. Потом вдруг он вздохнул, потянулся и повис на своих путях. Она вскрикнула, стала оглядываться по сторонам в поисках того, кто мог бы

помочь ей снять его. Он умирал. Как они могли дать ему умереть?

Неподалеку на коленях стояла мать Иешуа, безмолвно глядя на сына. Мириам подошла к ней, опустилась на колени возле нее, взяла за руку.

Чуть погодя она заметила Кефу, который смотрел на них со стены города.

— Трус, — пробормотала она. Он постоял несколько минут. А потом исчез.

Чуть позже она увидела, как его тело обвисло. Иешуа умер. Наконец стража сняла его. Судья и другой хорошо одетый человек выступили вперед, отдавая приказы.

— Куда вы унесете его? — спросила Мириам.

— Есть новая гробница в небольшом саду поблизости. Мы уложим его там, — ответил один из мужчин.

— Чья это гробница?

— Теперь его, — сказал хорошо одетый мужчина, и Мириам поняла, что он приготовил это место для себя.

Они опустили тело Иешуа на руки его матери. Мириам качала его, как младенца, ощупывала его раны с запекшейся кровью на руках и ногах, глубокие шрамы на его лбу и висках от тернового венца. Мириам из Магдалы с любовью смотрела на нее. Она понимала, что значит быть матерью такого человека.

Кто-то принес ведро воды. Мириам из Магдалы намочила краешек своей накидки и осторожно промыла раны Иешуа. Когда она закончила, мужчины подняли Иешуа и положили его на повозку. Пока они делали это, Мириам велела принести еще воды для другой Мириам:

— Выпейте, мама.

Та взяла чашку, но так и не поднесла ее к губам:

— Он любил тебя, — сказала она.

— Ш-ш-ш, — произнесла Мириам. Она осторожно помогла матери Иешуа поднести чашу к губам и повторила: — Выпейте.

Возле склепа мужчины смазали тело миррой и соком алоэ, обернули его пеленами из льна и опустили вниз. Когда они подкатили камень, чтобы закрыть вход, Мириам чувствовала себя так, как будто бы этот камень катили прямо по ее телу, размалывая мышцы, кости и внутренности, не давая ей дышать.

Следующим утром, едва дождавшись рассвета, Мириам из Магдалы отправилась к месту захоронения. Когда она пришла, то увидела, что камень отодвинут в сторону. Она сразу же вспомнила об Элазаре и испугалась, представив себе Иешуа бледным, слабым, наводящим ужас в лучах рассвета призраком. Она с опаской и трепетом приблизилась к усыпальнице. Но когда заглянула внутрь, то не увидела там тела. Она отошла, огляделась вокруг, ее глаза отказывались видеть красоту росы, которая сверкала на открывшихся цветах. Но вдруг в саду раздался голос, который назвал ее по имени, он прошелестел возле уха, как порыв ветерка. Она замерла, прислушалась, и вместе со свежим утренним воздухом пришло чувство восторга, которое пронзило ее сердце. Радость наполнила все ее существо, тело и душу, кровь застучала в ушах.

— Иешуа, — прошептала она и услышала внутри своего ставшего огромным от любви сердца ответ: — Мириам.

Потом она увидела его, но не глазами, а своим новым любящим сердцем: Иешуа совершенно преобразился. Он не был бестелесным, он был источником света, ярким переливающимся огнем, который сейчас казался серебряным, как роса на бутонах цветов, потом становился похожим на отблеск зари

на влажной поверхности камня, потом сверкал, как крылья мотылька. Он переливался всеми красками так же, как быстро сменяют друг друга мысли, наконец он превратился в сияющее пламя в форме эллипса, которое колебалось и дрожало, как от ветра.

— Учитель, — крикнула она, — не уходи! Не уходи!

Отблески пламени растаяли в свете наступившего утра. Она закричала еще раз:

— Где ты? Куда ты ушел? Не уходи!

Но больше она ничего не увидела. Только ветер нежно овеивал ее щеки.

Когда ветер утих, Мириам осмотрелась вокруг, здесь не было ничего, кроме прекрасного сада. Орхидеи и луговой шафран, цикламены, лилии и ирисы, каменные розы, хенна, миндаль, усыпанный белыми цветами, — все сверкало и переливалось от капелек росы. Она глубоко вздохнула, ловя сладкий аромат влажных нарциссов и пьянящий дух мандрагоры. Она вдыхала все эти ароматы, наслаждаясь ими. Она все еще чувствовала, какое у нее огромное сердце, как оно бьется в груди, заполняя все ее существо. Она ощущала, как от него с каждым ударом растекается покой. Это был покой, который снизошел на нее, когда он начал лечить ее, потрясающее чувство, незнакомое ей прежде. Это же чувство охватило ее сейчас. Она поняла — у нее будет ребенок.

Глава XI

Мы возвращались в тоннели каждую ночь. Беранже был обходителен со мной, но больше не проявлял никаких страстных чувств. Ни на свету, ни в темноте. Мне так хотелось, чтобы он обнял меня и вновь поцеловал, но я не винила его.

Скорость вскрытия гробов-сокровищниц все возрастала. Я думала, что как только мы найдем книгу видений, то на этом и остановимся. Мы работали очень усердно. Вскоре Беранже надумал разжигать костер, чтобы света было побольше, где мы вскрывали гробы. В какой-то момент я почти решила рассказать ему историю семьи мадам, но тут же вспомнила, что он никогда не отзывался о ней хорошо, и все-таки не стала.

Мне необходимо было найти книгу раньше него, но это было крайне трудно, потому что он открывал гробы с такой скоростью, что мне было за ним не угнаться. Там было столько сокровищ, и они ослепили его.

Я не могла отделаться от мысли, что должна рассказать обо всем мадам и показать ей гробы-сокровищницы ее родственников. Спустя несколько дней после Рождества я пошла к ней. Мадам Сю открыла

мне дверь как обычно и попросила подождать. Через несколько минут мадам вышла ко мне вся в черном. Но лицо ее посвежело и не выглядело таким, как прежде:

— Вы хорошо выглядите, — поприветствовала я ее.

— Спасибо, Мари. Мне намного лучше. А ты, наоборот, выглядишь немного бледной.

— Я не спала.

— Входи, пожалуйста.

Я проследовала за ней внутрь. Напротив входной двери стоял большой деревянный сундук. Раньше я его не видела.

Мадам села и предложила мне, я расположилась напротив нее и начала рассказывать:

— Я исследую могилу последние несколько ночей. Вместе со святым отцом.

— Да ты что? — воскликнула мадам. Ее лицо замерло в ожидании.

— Мы обнаружили несколько помещений, тоннелей. В одном из них — это невозможно — груды костей поднимаются выше наших голов. И там полно гробов. Дюжины. Один, я полагаю, принадлежит сыну Жанны Катарины, но мы не открывали его еще.

— Еще не открывали? — Ее глаза округлились. — Но вы же и не будете его открывать, не так ли? Вы что, вскрываете гробы?

— А почему нет? Да! — Моему энтузиазму не было границ.

— Но зачем?

— Для того чтобы найти книгу, конечно же. Я думаю, она в гробу мальчика. Больше ей негде быть.

— Все, что вы делаете, — омерзительно.

Сердце мое упало. Она никогда раньше не говорила со мной таким тоном, и это ранило меня. У меня сразу пропало желание рассказывать ей, что же мы нашли в гробах.

— Я думала, вы обрадуетесь. Вы же сами хотели найти могилу. И я надеялась, вы захотите увидеть и книгу.

Она взяла мою руку в свою:

— Мари, я понимаю, что ты хочешь помочь мне, ты так добра, но пожалуйста. — Она замолчала, а потом продолжила: — Мне бы не хотелось, чтобы ты беспокоила мертвых из-за меня. То, что ты мне рассказала, уже вполне достаточно, и теперь я могу представить, что именно там написано. Мне правда этого достаточно.

Я кивала ей в ответ, но все равно продолжала настаивать на своем, пока она не ответила мне достаточно грубым тоном:

— Спасибо, Мари, ты очень добра, но я не нуждаюсь в дальнейшей твоей помощи. Тем более в помощи Бога или святого отца. А теперь я скажу тебе еще кое-что. Я переезжаю в Париж. Насовсем.

— Нет! — закричала я, но быстро спохватилась, устыдившись подобных проявлений чувств. Потом тихо добавила: — О нет, мадам, простите, я буду скучать по вам.

— Я тоже буду скучать по тебе, Мари. Очень сильно. Но пришло время мне покидать это место. Меня здесь больше ничто не держит.

* * *

Еще через пару ночей мы с Беранже все-таки нашли и вскрыли маленький гробик Бертело. Я затаила дыхание, пока Беранже поднимал крышку, мне не терпелось увидеть книгу, но там ее не оказалось. В бешенстве, поддавшись какому-то неистовому порыву, мы стали вскрывать все гробы, один за одним, и, не находя книгу нигде, мы бушевали все больше и больше.

С той ночи прошло какое-то время, и Беранже начал потихоньку выносить из подземелья драгоценности. На эти деньги он построил мне дом, закончил церковный сад, построил библиотеку, в которой я могла хранить книги, подаренные мне мадам. И поступал он достаточно мудро, потому что вскоре государство стало отнимать у Церкви собственность и все, что Беранже построил в последнее время, он оформлял на мое имя. Это означало, что я стала состоятельной дамой. У меня могло быть практически все, о чем прежде я только могла мечтать.

Каждую ночь мы спускались с Беранже в подземелье, рылись там до утра и приходили домой изможденные, пыльные, потные, грязные. Однажды я вернулась раньше, чем он, и легла спать. А проснулась от того, что Беранже присел на краешек моей кровати.

— Вы хотите, чтобы я приготовила вам чаю, святой отец? — спросила я.

Но он не дал мне договорить. Он накрыл мои губы ладонью, а потом жадно поцеловал меня. В ту ночь мы уснули в одной кровати и больше никогда не спали в разных. Я как-то пыталась спросить его, а как же испытание, которое уготовил ему Господь Бог в виде меня? И получила ответ на свой вопрос:

— Я слишком устал, Мари.

* * *

Что же касается моих родителей, то они продолжали жить в доме Беранже. Папино здоровье снова начало ухудшаться, и не по болезни, а из-за возраста. Мама ухаживала за ним. Мишель и Жозеф с сынишкой часто приходили навещать их, мы с Беранже наслаждались нашим счастьем, но вскоре начали ссо-

риться. У меня уже было все, о чем только я могла мечтать, и даже больше, а Беранже все продолжал доставать сокровища и тратить деньги на себя и меня. Он довольно часто стал уезжать и отсутствовал подолгу. Значительно позже я узнала, что он купил и перестроил для меня виллу Бетиния, открыл на мое имя счета во многих банках. Его одержимость богатством и нежелание остановиться стали меня раздражать. Мы вновь начали спорить о разном отношении к Богу и Церкви и никогда, и ни в каком вопросе не могли прийти к соглашению, и никогда не уступали друг другу. Я часто слышала от Беранже, что за все прегрешения, совершенные им, Бог никогда не простит его. Я же настаивала на том, что он всегда и всех прощает и есть только один грех, который не прощает Господь, — самоубийство, потому что только в этом случае человек сам прекращает свои страдания и не проходит тех испытаний, что отмерил ему Господь. Но Беранже продолжал себя мучить, и иногда мне казалось, что он сходит с ума. Ночью я просыпалась от его криков: «Он никогда не простит меня». Он тяжело заболел и вечером, 21 января 1917 года, после последней исповеди новому священнику, служащему в церкви уже несколько последних лет, пока мама, папа и я стояли за дверью, Беранже умер.

— Господь сохранит его душу, — сказал святой отец, покидая его комнату.

Дом

Внутри здесь всегда полумрак, похожий на бледный отсвет занимающейся зари. Она сидит прямо перед входом в пещеру, в таинственный момент между светом и тьмой, у входа в грот, куда уже проникли

лучи утреннего солнца и осветили кусочки сверкающей слюды на стенах и мелкие переливающиеся камни в темном, сужающемся тоннеле. Здесь в ее жилище всегда царит легкий сумрак, как будто бы стены впитывают в себя солнечный свет, а потом испускают его, когда солнце скрывается за горизонтом. Здесь сыро, пол из известняка, влажные стены, неровный каменный потолок: мир, в котором все окаменело и застыло. Внутри пещеры пахнет сыростью и зеленью — это запах новой жизни, обреченной на смерть, потому что стоит только мху начать разрастаться, как тут же он загнивает. Ветер шепчет у входа в пещеру: он бормочет, стонет, свистит и налетает порывами. Здесь постоянно капает с потолка. Она знает этот ритм наизусть, она помнит его, как Тору, этот постоянный мерный стук капель, его неизменное присутствие. Вода, как и она сама, стремится ввысь к миру и покою, но вместо этого она вынуждена совершать извечный путь, двигаясь по кругу. Иногда она видит или слышит животных, которые появляются у входа в пещеру: чаще всего белок и птиц, реже лис и медведей. Однажды дикий кабан вошел внутрь и уставился на нее своими глазками. Волосы у него на носу шевелились. Она была рада и пыталась разглядеть, что это за создание, которое появилось, чтобы принести ей дар смерти, но кабан развернулся и ушел.

Шумы. Голоса звучали у нее внутри, они разгоняли тишину. Град камней, обрушившихся на голову апостола Стефана, болезненный изгиб его тела, когда он упал, крики Мириам из Бейт-Ании над умершим во второй раз Элазаром. Теперь рядом не было Иешуа, чтобы воскресить его. Крик ее дочери при рождении — резкий и громкий, а затем ее собственный крик, когда их разлучили в этой новой земле, где ее горе стало безмерным, когда она увидела, как

увозят ее ребенка, хотя она и знала, что это делается для его спасения. Она слышала резкие и грубые голоса посланников Рима, которые преследовали их с самого приезда в Галил, слышала быстрый стук сердечка своей дочери, когда они скрывались в пещерах, в зернохранилищах, в подполах, — все для того, чтобы спрятаться от жаждущего крови человека, который получил приказ от самого императора выслать или убить всех христиан. Она слышала голос своей дочери, она мечтала о том, чтобы ее дочь была счастлива и спокойна. Она окликала ее из этого отдаленного уголка в горах, пела ее имя, как благословение. Она снова запела свою постоянную молитву о том, чтобы ее покой и счастье ничем не нарушались. Она слышала еще голоса людей, которых встречала в этой новой стране: восторг тех, кто внимал ее истории и ее призывы к миру и созданию Царства Божия без предубеждения, и презрение тех, кто ничего не принимал и ничем не восторгался. Она всегда слышала голос Иешуа — то ликующий, то гневный. Таким голосом он обращался к своим слушателям. То его голос был полон радости во время совместных трапез, то был усталым и мягким, полным горечи, когда он оставался с ней наедине.

Она забыла, сколько прошло времени. Ее тело истощилось, но зато она познала себя так же, как знала Иешуа. Тело было дано только для того, чтобы в нем мог пребывать дух, теперь она занималась лишь молитвами, думами о вечном. Есть, пить, очищаться, спать — все эти потребности были необходимы для поддержания тела в его стремлении к смерти. Она ела ягоды, жевала корни и листья, пила воду из ручьев, которые стекали вниз по стенам грота в нескольких местах. Иногда она представляла себе, что снова оказалась в Палестине — в этой сухой жаркой стране, месте, где камни нагревались от солнца,

а озера всегда появлялись внезапно среди засушливых земель. Она снова видела ослепительную красоту Храма, который теперь, как она понимала, был повержен. Она помнила, как качаются ветви пальм и смоковниц, на которых растут роскошные фрукты, золотистые холмы, усеянные белыми камнями в местах захоронений, густые леса по дороге к Ершалаиму. И Магдалу в Галиле с ее прихотливым переменчивым морем: его яркую синеву и огромные волны, переворачивающие корабли.

Но чаще всего она пребывала в своем гроте, который стал для нее домом, гроте с постоянной капелью и легким сумраком.

Его имя казалось ей целебным бальзамом, который лечит ее растрескавшиеся губы. Она представляла его, вознесшегося на небо, но без нее. Она чувствовала, что его великое сердце теперь принадлежит ей, оно бьется в ее груди вместе с ее сердцем. Она повторяла его имя и знала, что ее тело готово вот-вот предать ее и скатиться вниз, как камешек с горы. Повторяя его имя, она смотрела на кожу на груди. Прямо под этой кожей — ее сердце, где пребывает он, где бьется его пульс. Она постоянно повторяла его имя, чувствуя, что становится похожей на камень, постепенно разрушаемый дождями и ветрами. Она чувствовала, что ее сердце бьется все медленнее, так же, как билось его сердце, когда он был жив. Она повторяла его имя и понимала, что в ее сердце заключен целый мир. Такой же безбрежный, как небеса, и такой же маленький, как зернышко граната. Мир, которому ничего не нужно, кроме его имени, которое она повторяет в унисон с биением сердца: Иешуа, Иешуа, Иешуа.

Эпилог

Прошло восемь лет с момента смерти Беранже. Родители все еще жили в его доме. Я тоже переехала к ним. Я не захотела пользоваться всем тем, что он построил для меня и что подарил. Мадам была права. Это действительно было мерзко. Мы разрушили древнее захоронение, побеспокоив мертвых.

Папа уже давно не работал, некоторое количество денег присылал нам Клод, и мы питались тем, что я могла вырастить на огороде.

Мишель и Клод с семьями часто навещали нас, привозили подарки. Пичо женился сразу после войны, но на войне потерял руку. Жозеф с войны не вернулся. Время от времени я писала мадам в надежде, что она ответит, но мне возвращались все мои письма с пометкой, что такого адресата не существует.

Каждую ночь я ходила на могилу Беранже. Я вставала на колени и разговаривала с ним. И слышала его голос в ответ. Так ясно и явно, что мне не могло это казаться.

— Я люблю тебя, — говорила я, — я люблю тебя так сильно, что не знаю, какими словами это описать. Достаточно ли этого для прощения?

И он отвечал мне:

— Я не Бог, Мари.

— Что у тебя за жизнь теперь, — снова спрашивала я, — где ты сейчас? Ты нашел то, что искал? Видел ли ты Бога?

Я засыпала его вопросами, но те ответы, которые мне не стоило знать, я и не могла услышать.

— Почему ты решил стать священником? Почему ты сделал такой выбор?

И он снова отвечал мне:

— Но я же не знал, каково это, Мари, я же не знал.

— Почему ты не остался в Париже, не жил там богато?

И этот ответ дошел до меня:

— Тогда я не встретил бы тебя, Мари.

— Да, но тебе было бы легче...

— Это не так, ты не права.

— А сам ты себя прости? Достаточно ли времени прошло?

— Да, я больше не виню себя.

— Но кто же ты тогда? Смогу ли я узнать тебя?

Он не ответил мне на этот вопрос. Но я знала, что он скажет.

Эми Хэссинджер Греховная страсть

Выпускающий редактор *Л. Чурилова*
Литературный редактор *Н. Иманова*
Корректоры *Т. Костина, Е. Щербакова*
Технический редактор *С. Камышова*
Дизайнеры *О. Мальцев, И. Тарачков*
Компьютерная верстка
Ю. Сарвиной

ООО «Торговый дом «Издательство Мир книги»,
Адрес: 111024, г. Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6

Отдел реализации:
Телефоны: (495) 974-29-76, 974-29-75. Факс: (495) 742-85-79
E-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва, а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74, e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.07.2007 г.
Формат издания 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 13,44. Тираж 23 000 экз. Заказ № 0717070.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

